

Тульский государственный педагогический университет
имени Л.Н. Толстого

На правах рукописи

Лобачева Ирина Николаевна

**СЕМЬЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КУПЕЧЕСТВА
ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор

Мартынова Елена Петровна

Лобачева

Тула – 2017

Оглавление

Введение.....	2
1. Купечество Тульской губернии: правовое положение, численность и состав.....	41
1.1. Изменение правового положения купечества в пореформенный период.....	41
1.2. Динамика числа купеческих капиталов	55
1.3. Изменение состава и численности купечества Тульской губернии	65
2. Структура тульской купеческой семьи и отношения между супругами	86
2.1. Средняя людность и типы купеческих семей	86
2.2. Брачная структура и возраст вступления в первый брак.....	100
2.3. Вдовство и повторные браки в тульском купечестве	110
2.4. Выбор брачного партнера и отношения между супругами	119
3. Дети в купеческой семье. Воспитание и образование	136
3.1. Воспитание детей в купеческой семье	136
3.2. Образование мальчиков из купеческих семей.....	142
3.3. Образование девочек из купеческих семей.....	164
4. Быт тульской купеческой семьи	173
4.1. Купеческая усадьба	173
4.2. Планировка и интерьер купеческого дома.....	183
4.3. Внешний вид представителей купечества	195
4.4. Образ жизни купеческой семьи	206
Заключение	217
Список использованных источников и литературы.....	226
Приложения	250

Введение

Актуальность темы исследования. Интерес к изучению семьи и частной жизни купечества в период капиталистической модернизации обусловлен рядом факторов. Прежде всего, не теряет своей значимости вопрос о воздействии на российское общество, особенно провинциальное, модернизации, инициированной правящими кругами во второй половине XIX века. Перемены, продиктованные желанием властей «догнать» ведущие западноевропейские страны в ряде сфер (прежде всего экономической и военно-политической), стали частью движущих сил развития России, переплетаясь с внутренними механизмами функционирования государства и общества и порождая дальнейшие изменения во все новых элементах общественной жизни. Характер взаимодействия «старого» и «нового» в условиях, когда последнее во многом порождено действиями «сверху», степень своеобразия в восприятии различных аспектов западноевропейского «цивилизационного стандарта» конкретным этнополитическим сообществом – вот те проблемы, которые и в наши дни волнуют историков. Возможность дать ответ на эти вопросы предоставляет изучение повседневности семьи различных групп пореформенного российского общества. Ведь именно в сфере своей частной, семейной жизни поведение человека, как правило, наиболее свободно и естественно. Семья является той средой, в которой происходит формирование, укоренение и дальнейшее видоизменение моделей поведения, призванных обеспечить выживание и воспроизводство социума.

Как в исторической, так и в социальных науках есть понимание неоднородности социума и сложности протекающих в нем процессов. Ученые вынуждены признавать, что далеко не всегда оказывается возможным уловить и правильно оценить изменения в общественном сознании, находящие свое отражение, в том числе, в бытовой и семейной жизни людей¹. Выходом видится расширение меж-

---

¹ Епишин К.В., Зернюков Д.В., Комаров И.М. История прогностики в контексте теоретических и методологических проблем // Инноватика и экспертиза. 2015. № 1 (14). – С. 208.

дисциплинарных связей и поиск новых научных подходов. Одним из таких подходов является относительно молодое (сформировался в 1970–80-х гг.) направление исторической антропологии или «истории повседневности», ставящее своей задачей «открытие инаковости минувших эпох, непохожести их друг на друга и на наше время»². В рамках этого подхода от истории структур и народных масс ученые обратились к обыденной жизни «маленького человека», стремясь раскрыть его отношение к описываемым явлениям³. Характерной чертой исторической антропологии является выбор объекта исследования на микроуровне. Так, часто им оказываются те или иные социальные группы в пределах отдельного региона или даже населенного пункта. Обращение к истории повседневности, нацеленной на исследование изменений в сознании людей, помогает определить основные движущие факторы этих процессов и их направленность.

В рамках антропологического подхода к исследованию российского пореформенного общества особый интерес представляет купечество – привилегированная группа городского сословия, нацеленная на торгово-промысловую деятельность. Купечество стало самостоятельным объектом научных изысканий на рубеже XX и XXI веков во многом под влиянием экономических преобразований в России конца 1980-х–1990-х гг. Исследователи, констатируя слабую изученность купечества в отечественной исторической науке, стремятся реконструировать утраченные традиции предпринимательства в России, преодолевая связанные с этой социальной группой стереотипы, начавшие складываться еще в XIX в. благодаря творчеству А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Другой немаловажной задачей стало расширение круга изучаемых аспектов жизнедеятельности купечества, одним из которых выступает брачно-семейное и бытовое поведение гильдейцев. Изучение семьи и частной жизни купечества различных губерний империи способствует накоплению и углублению научных знаний, позволяя выстроить целостную картину жизнедеятельности провинциального купе-

---

² Кромм М.М. Историческая антропология: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – С. 182.

чества, и в то же время выделить его региональную специфику. Стоит отметить, что до сих пор научных работ, посвященных семье и частной жизни купечества Тульской губернии, не существовало. Таким образом, изучение семьи и частной жизни купечества на региональном уровне отвечает целому ряду актуальных задач как исторической, так и связанных с ней социальных наук, и позволяет оценить, в какой мере купечеству, являвшемуся активным участником капиталистической модернизации в России, удалось усвоить ценности условного «европейского буржуазного общества».

Объектом исследования является русское провинциальное купечество. Под термином «купечество» подразумеваются лишь те люди, которые уплатили установленные государством платежи и были включены в состав купеческих гильдий, внося в купеческое свидетельство членов своей семьи. Другими словами, объектом нашего рассмотрения не были те предприниматели, которые, занимаясь торговлей или производством, не вступали в купеческие корпорации или вступали в них в качестве «гостей», сохраняя принадлежность к иной социальной группе.

Предметом исследования является семья и частная жизнь гильдейского купечества Тульской губернии. Под «частной жизнью» понимаются такие ее составляющие, как быт (дом, одежда, питание) и досуг.

Территориальные рамки исследования ограничены пределами Тульской губернии, состоявшей с момента своего образования из 12 уездов: Алексинского, Белевского, Богородицкого, Веневского, Елифанского, Ефремовского, Каширского, Крапивенского, Новосильского, Одоевского, Тульского и Чернского. Несмотря на то, что губерния располагалась в Центральном земледельческом районе Европейской России и граничила с Московской губернией (а также с Калужской, Орловской, Тамбовской и Рязанской), она считалась «глубокой провинцией». В основе такой характеристики лежала как относительно низкая численность населения в городах (в конце XIX века только в губернском городе число жителей превышало 10 тыс.), так и слабый уровень развития инфраструктуры (в губернии от-

---

³ Ильясова А.В. «История повседневности» в современной российской историографии / А. В. Ильясова // Будущее нашего прошлого: Мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. А.П. Логунов [и др.] – М.: РГГУ, 2011. –

существовали высшие учебные заведения, было мало библиотек, больниц, до 1868 г. не было железных дорог, до начала XX века – постоянного театра). Население губернии было моноэтническим по составу. Кроме Тульского, все уезды губернии имели сельскохозяйственную ориентацию, часть из них лежала в черноземной полосе, а часть располагалась в Нечерноземье. Таким образом, Тульская губерния представляла собой типичную провинциальную губернию европейской части России, и с этой точки зрения представляет особый интерес для исследователя.

Хронологические рамки диссертации включают период второй половины XIX в. – начала XX в. Выбор данного временного отрезка обусловлен стремлением как можно полнее проследить эволюцию семейной и частной жизни купечества в период капиталистической модернизации. Фиксация изменений, происшедших в образе жизни купечества в пореформенный период, возможна только при наличии исходных данных, т.е. сведений о его состоянии во время, непосредственно предшествовавшее эпохе Великих реформ. В конце 50-х гг. XIX в. в Российской империи была проведена последняя, X ревизия (1857–1859 гг.), данные которой о составе и структуре купеческих семей губернии можно использовать как своего рода «точку отсчета». Исследование купечества также закономерно ограничено концом второго десятилетия XX века, поскольку декретом 10 (23) ноября 1917 г. сословное деление в России было ликвидировано.

Степень изученности темы. Поскольку семья и частная жизнь купечества лишь недавно стали объектом специального интереса исследователей, историографию по данной проблеме целесообразно рассматривать в рамках историографии изучения купечества как такового. Более подробно освещены работы в той или иной степени затрагивающие вопросы купеческой демографии, образования, мировоззрения и быта. В истории исследования купечества можно выделить три периода.

Первый период (до 1917 г.) был временем становления изучения купечества в исторической науке. Работы этого периода отличались узкой источниковой базой, носили главным образом описательный, публицистический характер. Иссле-

дователей интересовала специфика купечества в системе российских сословий, его общественная и экономическая роль до и во время капиталистической модернизации России.

Произведения, посвященные истории развития торгового предпринимательства в России, основным субъектом которого мыслилось купечество (книги М.Д. Чулкова⁴, И.И. Голикова⁵), появляются уже с конца XVIII века. В пореформенный период активное развитие предпринимательства, складывание буржуазии как класса и рост ее влияния в сочетании с сохранением сословного строя, усиливают интерес историков к купечеству и определяют основные направления научного поиска. Работы И.И. Дитятина⁶ и А.А. Кизеветтера⁷ раскрывают участие купечества в городском самоуправлении. Обширный труд В.Н. Сторожева «История Московского купеческого общества»⁸ содержит богатый фактический материал по организации купеческого самоуправления и благотворительной деятельности общества. Автор, возможно, впервые в исторической науке обозначает проблему отсутствия специального изучения особой «культуры и культурности» купечества⁹. Экономическая деятельность купечества рассматривается в произведениях А.Д. Бочагова¹⁰, В.А. Бутенко¹¹, Ч.М. Иоксимовича¹², М.И. Туган-Барановского¹³, и др. Историю государственного и местного обложения торговли и промышленности в России, его влияние на купечество проследили П.П. Гензель¹⁴ и Г.С. Вольтке¹⁵. Первая русская революция 1905–1907 гг. привлекла внимание отдельных исследователей к уровню политической культуры русской буржуазии, под

⁴ Чулков М.Д. История краткая российской торговли. – М.: В тип. Пономарева, 1788.

⁵ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. I–XV. – М.: В тип. Николая Степанова, 1837–1841.

⁶ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 2. – СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875.

⁷ Кизеветтер А.А. Гильдия Московского купечества: исторический очерк. – М.: Моск. гор. тип., 1915.

⁸ История Московского Купеческого общества: 1863–1913 / под ред. В.Н. Сторожева. Т. I–V. – М.: Моск. гор. тип., 1913–1916.

⁹ Там же. Т. V. – С. 21.

¹⁰ Бочагов А.Д. Наша торговля и промышленность в старину и ныне. – СПб: Тип. «Петербургской газеты», 1891.

¹¹ Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности: Курс коммерч. уч-щ. – М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1910.

¹² Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т.1. – М.: Изд-во книжного магазина Вестник мануфактурной промышленности, 1915.

¹³ Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1997.

¹⁴ Гензель П.П. Промысловое обложение в России (опыт критического исследования). – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1900.

¹⁵ Вольтке Г.С. Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905.

которой подразумевалось в первую очередь купечество (статьи К.А. Пажитнова¹⁶ и О.А. Ерманского¹⁷).

Труды генеалогического и биографического характера (И.С. Беляева¹⁸, И.А. Благовещенского¹⁹, Л.П. Терентьева²⁰, Н.П. Чулкова²¹ и др.) посвящены отдельным предпринимателям и купеческим семьям. В рамках изучаемой темы интересной представляется работа Н.П. Чулкова, который предваряет свои заметки о московских купеческих династиях кратким обзором источников по купеческой генеалогии, а также касается вопросов обновления московского купечества и социального происхождения вновь вступавших в него семей.

Образование и образ жизни купечества, не став еще предметом интереса ученых (предпочитающих исследовать материальную и духовную культуру русского крестьянства), привлекали внимание беллетристов и публицистов (П.Д. Боборыкин²², Н.А. Добролюбов²³, А.С. Ушаков²⁴).

Невелико количество работ в дореволюционной историографии, содержащих ту или иную информацию о купечестве Тульской губернии. Произведения первой половины – середины XIX века (И.Ф. Афремов²⁵, В.А. Левшин²⁶, И.В. Линк²⁷ и И.П. Сахаров²⁸) затрагивают отдельные аспекты истории тульского купечества дореформенного периода: особенности формирования купечества в городах губернии, динамика его численности, торгово-промышленная деятельность наиболее

¹⁶ Пажитнов К.А. Очерк развития буржуазии в России // Образование. Журнал литературный и общественный. – СПб., 1907. № 2. – С. 3–17.

¹⁷ Ерманский О.А. Крупная буржуазия до 1905 г. // Общественное движение в России в начале XX в. – СПб., 1909. Т. I. – С. 30–100.

¹⁸ Беляев И.– С. Купеческие родословные как исторический источник. Чухломцы посадские люди Юдины.– М.: Типо-Литограф. Н.И. Куманина, 1900.

¹⁹ Благовещенский И.А. Мануфактур-советник московский купец Т.В. Прохоров. – М.: Тип. В. Готье, 1860.

²⁰ Терентьев Л.П. Прохоровы: материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1899. – М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1915.

²¹ Чулков Н.П. Московское купечество XVIII – XIX веков // Русский архив, 1907. № 12. – С. 553–567.

²² Боборыкин П.Д. Китай-город. – М.: Московский рабочий, 1960.

²³ Добролюбов Н.А. Темное царство // Н.А. Добролюбов. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. – М.: Наука, 1970.

²⁴ Ушаков А.– С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. – М.: Тип. Грачева и комп., 1865.

²⁵ Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. – Тула: Приокское кн. изд-во, 2002.

²⁶ Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. – Тула: Пересвет, 2006.

²⁷ Линк И.В. Города Тульской губернии. Историко-статистический взгляд на города Тульской губернии // Материалы для статистики Российской империи. Кн. 2.– СПб., 1837–1840. – С. 91–205.

²⁸ Сахаров И.П. Достопримечательности города Тулы и его губернии // Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Тула: Приокское кн. изд-во, 2000. – С. 393–456.

известных купеческих семей, участие купечества в благотворительности. В.А. Левшин также приводит сведения о купеческом быте и образе жизни на рубеже XVIII – XIX вв.: планировка усадеб и помещений в жилых домах, элементы обстановки, одежда, застолье, традиции гостеприимства и свадеб. Предпринимается попытка дать купечеству социально-психологическую характеристику. Отмечены такие черты, как жадность, хитрость и беспринципность в делах наряду с доверчивостью. Автор констатирует отсутствие специфических черт в образе жизни горожан в различных городах губернии. При этом Левшин разделяет купцов на живущих «по нынешнему вкусу», т.е. подражающих дворянскому быту, и «по обычаю предков». Рукопись И.П. Сахарова «Алексин и Алексинский уезд в первой половине XIX века»²⁹ содержит описание отдельных аспектов быта местных купцов в 1840-е гг. Автор отмечает начало изживания в купеческой среде некоторых народных городских традиций («капустные вечера»). И.П. Сахаров указывает, что образование купеческих сыновей находится на низком уровне по причине раннего приобщения к семейному делу, а традиция образования женщин из купеческой среды только начинает зарождаться. В 1840–1850-е гг. появилась серия краеведческих статей, посвященных отдельным уездам губернии (А.Н. Левшина о Белеве³⁰, Д.В. Похвиснева о Веневе³¹, А.Г. Зеленецкого о Черни³²). Были затронуты вопросы динамики численности местного купечества, особенностей торгово-промышленной деятельности предпринимателей.

В пореформенный период выходит ряд произведений, содержащих фактический материал, представляющий интерес в рамках изучаемой темы. Н.И. Троицкий в очерке об истории Тульского Богородичного мужского монастыря³³ упоминает об участии в его становлении представителей верхушки купечества Тулы. Линию статей, посвященных уездным городам губернии, продолжает работа И.А.

²⁹ Сахаров И.П. Алексин и Алексинский уезд в первой половине XIX века. – Тула: Ясная Поляна, 2005.

³⁰ Левшин А.Н. Белевский уезд // Тульские губернские ведомости. – 1859. – № 46, 48.

³¹ Похвиснев Д.В. Похвиснев Д.В. Веневский уезд в географическом, земледельческом и вообще промышленном отношениях. – М.: Унив. тип., 1852.

³² Зеленецкий А.Г. Город Чернь и его уезд... – Тула: Астeya Плюс, 2007.

³³ Троицкий Н.И. Тульский Богородичный общежительный мужской монастырь, что в Щеглове // Н.И. Троицкий Тульские древности. – Тула: Приокское кн. изд-во, 2002. – С. 84–167.

Краснопевцева «Очерки города Одоева»³⁴. Автор подробно освещает роль одоевского купечества в возведении и украшении храмов города. Большой интерес с точки зрения изучения купеческой повседневности представляет раздел об особом («масовском») говоре, свойственном одоевским торговцам вне зависимости от уровня благосостояния. В работе предпринята попытка объяснить появление этого говора стремлением предпринимателей скрыть от окружающих предмет деловых переговоров, который мог противоречить нормам морали.

Таким образом, дореволюционные исследования на региональном уровне, хотя и носили, преимущественно, фактографический и отрывочный характер, затрагивали достаточно широкий круг вопросов, в число которых входили и отдельные аспекты купеческой повседневности.

Второй период (1917 – начало 1990-х гг.) характеризуется изучением купечества отечественными учеными в рамках марксистско-ленинского подхода. Преимущественно пореформенное купечество интересовало исследователей не как отдельная социальная группа, а как составная часть класса буржуазии. Тем не менее, изучение формирования российской буржуазии шло, главным образом, на примере купечества. Несомненным достижением этого периода стало углубление теоретического уровня работ, вовлечение в научный оборот большого количества источников. Несмотря на преобладание изучения экономической деятельности купечества и его политических воззрений, происходит расширение круга исследуемых вопросов по купеческой проблематике.

Сохраняет свою актуальность проблема политической культуры купечества. Так, ее рассмотрение продолжает П.А. Берлин. В своем труде «Русская буржуазия в старое и новое время»³⁵, как и в изданных им еще до 1917 г. статьях³⁶, автор характеризует купеческую идеологию как «незатейливую и бедную», отличающуюся «утилитаризмом и узким практицизмом». Тем не менее, П.А. Берлин подчерки-

---

³⁴ Краснопевцев И.А. Очерки города Одоева. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1896.

³⁵ Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. – М.: Книга, 1922.

³⁶ Берлин П.А. Русское купечество и война 1812 года // Отечественная война и русское общество. Т. V. – М.: И.Д. Сытин, 1912. – С. 114–120; Его же. Купец-публицист тридцатых годов (Николай Полевой) // Наша заря. СПб., 1910. № 1. – С. 20–30.

вает прогресс в ее развитии, начавшийся в первой половине XIX в. и продолжавшийся в пореформенные годы.

В 1920-е гг. появляются первые научные попытки осмыслить особенности быта и мировоззрения купечества. М.Д. Приселков³⁷ в статье, посвященной выставке купеческого портрета, отметил стремление купечества изжить следы своего «низкого происхождения», перенимая культуру дворянства. В то же время, ввиду постоянного изменения состава гильдий, купеческий быт не утрачивал своего своеобразия, заключавшегося, по мысли автора, в его «религиозно-благочестивом» характере. Было также отмечено, что под влиянием Великих реформ 1860–70-х гг. купечество оказывается ориентированным уже не на получение дворянского титула, а на обретение высшего образования. Е.А. Корш³⁸, во многом повторяя положения работы М.Д. Приселкова, связывает устойчивость в купеческой среде традиционных форм быта с обучением купеческих и мещанских детей не в государственных школах, а у лиц духовного звания, в том числе старообрядцев.

Впервые ввел в научный оборот купеческие мемуары в качестве исторического источника Б.Б. Кафенгауз³⁹, отметив их значение для изучения домашнего быта и мировоззрения купечества. Автор констатировал «культурный рост» купечества во второй половине XIX в.

В 1930-е гг. отечественные исследования проблем истории буржуазии в России практически прекращаются, что было связано с ужесточением идеологического диктата в науке и негативным восприятием буржуазии как «классового врага». Одним из исключений стала работа Е.Д. Черменского⁴⁰, в которой в рамках господствующих в этот период подходов подчеркивалась экономическая зависи-

---

³⁷ Приселков М.Д. Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. (Первая отечественная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции»). – Л.: Тип. им. Л. Федорова, 1925.

³⁸ Корш Е.А. Быт купечества и мещанства // Гос. ист. музей: выставка «Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв.»: Статьи и путеводитель по выставке. – М., 1926. – С. 3–5.

³⁹ Кафенгауз Б.Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. – М., 1928. – С. 105–107.

⁴⁰ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. – М.: Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939.

мость буржуазии от самодержавия и иностранного капитала, ее бесправие и низкий уровень политического сознания.

С конца 1940-х гг. в исторической науке вновь становится актуальной тема общественной деятельности купечества в контексте изучения формирования политического мировоззрения российской буржуазии (работа Ш.М. Левина⁴¹).

В 1950–1970-х гг. выходят многочисленные работы по экономической истории, в которых рассматриваются различные аспекты торгово-промышленной и банковской деятельности купечества, а также влияние на нее правительства (В.И. Бовыкин⁴², Г.А. Дихтяр⁴³, П.И. Лященко⁴⁴ и др.).

Изучая вопрос о соотношении торговли и производства в формировании купеческих капиталов, некоторые авторы затрагивают проблему дифференциации купечества. Так, В.Н. Яковецкий⁴⁵ полагал, что купцы третьей гильдии не вели самостоятельной торговли, выступая приказчиками или торговыми представителями более крупных предпринимателей, либо занимались ремеслами.

И.Ф. Гиндин в своей статье «Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности»⁴⁶, выделяет наряду с московской и петербургской буржуазией как особый тип буржуазию провинциальную. Для последней, по мнению Гиндина, характерно наличие большой доли сельскохозяйственной продукции в товарообороте, совмещение торговли и производства в рамках одной фирмы и низкий уровень деловой культуры.

Другим направлением научного поиска в эти годы становится изучение динамики социальной структуры российского города, прежде всего процессов разложения сословий и формирования классов. А.С. Нифонтов⁴⁷, используя материалы однодневных переписей по Москве, анализирует динамику численности местного купечества на протяжении второй половины XIX века, указывая на период

⁴¹ Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70 гг. XIX в. – М.: Соцэкпиз, 1958.

⁴² Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. – М.: МГУ, 1967.

⁴³ Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁴⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1952.

⁴⁵ Яковецкий В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. – М.: АН СССР, 1953.

⁴⁶ Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. – С. 42–46.

⁴⁷ Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т. 54. – М., 1955. – С. 239–250.

1861–1873 гг., как на время его активного обновления за счет выходцев из других социальных групп. Историком был отмечен переход части купцов-первогильдейцев в сословие потомственных почетных граждан как причину роста численности этой группы в последней четверти XIX в.

Проблему состава и динамики числа купеческих капиталов Москвы второй половины XIX в. рассматривал и М.Л. Гавлин⁴⁸, отмечая его пополнение за счет успешных предпринимателей из провинции, в том числе и национальных окраин.

А.Г. Рашин в своем исследовании демографических процессов в России⁴⁹, освещает динамику численности купечества, его доли в составе городского населения, соотношения полов в рамках данной социальной группы. Анализ статистических данных позволяет автору констатировать снижение удельного веса купечества в составе населения Москвы и Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX вв.

В обобщающей монографии В.Я. Лаверычева «Крупная буржуазия в пореформенной России»⁵⁰ предпринята первая попытка комплексного исследования российской буржуазии. Автор рассматривает особенности экономической деятельности и политического мировоззрения российских предпринимателей, поднимает вопросы социального состава купечества, а также затрагивает отдельные аспекты образования, быта и благотворительности. В.Я. Лаверычев прослеживает динамику численности и состава купечества на примере Москвы, Петербурга и других промышленных районов, констатируя его неоднородность. Вновь было отмечено, что многие купцы третьей гильдии не вели предпринимательской деятельности, а также указано и на причину записи в гильдии малосостоятельных, не имеющих собственного бизнеса семей – желание избежать рекрутской повинности. Автор полагает, что толчком для разрыва многих семей с купечеством стала военная реформа 1874 г. Переориентация значительной части купеческих сыновей

---

⁴⁸ Гавлин М.Л. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период // Исторические записки. Т. 92. 1973; Его же. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. Ч. I. – М., 1973. – С. 73–92.

⁴⁹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913 гг.): Статистические очерки. – М.: Государственное статистическое изд-во, 1956.

⁵⁰ Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). – М.: Мысль, 1974.

на другие сферы деятельности (государственная служба, получение высшего образования) трактуется как один из признаков разложения «купеческого сословия», начавшегося, по мысли автора, еще до 1861 г. Применительно к 1850–1860-м гг. Лаверычев рисует образ купца, как «дельца-практика» с недостаточным образованием, замкнутого в кругу семейных и узкокастовых интересов, не имеющего «сколько-нибудь оформившихся духовных запросов» и «высоких идеалов»⁵¹. Причиной автор видит устойчивость патриархальных традиций. При этом историк констатирует к 1880-м гг. заметный рост уровня образования купцов и изменение их отношения к образованию своих детей. Купеческий досуг описан как исполненный «азарта, чревоугодия, ...разгула и разврата»⁵².

В работах Л.Е. Шепелева⁵³ дан анализ правового статуса купечества. Было отмечено, что поскольку статус купца не передавался по наследству и не был даже прижизненным, купечество нельзя рассматривать как особое сословие. Автор приходит к выводу, что к 1890-м гг. сословный статус купечества утратил свое реальное значение и стал анахронизмом⁵⁴, что явилось одной из причин разделения сословных купеческих привилегий и торгово-экономических прав в 1898 г.

А.Н. Боханов в статье «Российское купечество в конце XIX – начале XX века»⁵⁵ также подчеркивает, что после принятия Промыслового налога 1898 г. численность купечества резко сокращается, а само оно превращается в «отжившую...узкую корпоративную организацию», в значительной степени утратив непосредственную связь с предпринимательской деятельностью. В монографии «Крупная буржуазия России конца XIX века – 1914 г.»⁵⁶ на основе данных по Москве, Санкт-Петербургу и Одессе ученый анализирует динамику численности и состав купечества, источники его пополнения. Были приведены показатели среднего количества членов купеческой семьи к началу XX в. по Москве и Санкт-

---

⁵¹ Там же. – С. 80.

⁵² Там же. – С. 85.

⁵³ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: проблемы торгово-промышленной политики. – Л.: Наука, 1981.; Его же. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики. – Л.: Наука, 1987.

⁵⁴ Там же. – С. 229.

⁵⁵ Боханов А.Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1985. № 4. – С. 106–118.

⁵⁶ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России конца XIX века – 1914 г. – М.: Наука, 1992.

Петербургу. С именем А.Н. Боханова во многом связано и возрождение интереса исследователей к благотворительной и меценатской деятельности купечества⁵⁷. Автором были сделаны выводы о свойственном российскому купечеству чувстве «социальной ущербности» в связи с традиционно негативным восприятием в обществе богатых людей.

Тема купеческого быта и семьи затрагивается в работах этнографического характера в рамках исследования городского сословия. Л.А. Анохина и М.Н. Шмелева⁵⁸ на материалах Центральной полосы РСФСР (в том числе Ефремова) раскрывают особенности быта «мелких и средних торговцев» по сравнению с «торговцами крупными». Были рассмотрены тенденции в изменении жилищ, питания, одежды и досуга различных категорий городских жителей, включая и купечество.

В первых работах, посвященных изучению городской семьи (М.Г. Рабиновича⁵⁹, Н.А. Миненко⁶⁰), не затрагивалась тема купечества ввиду хронологических рамок исследований (преимущественно «эпоха феодализма» – XVII – начало XVIII вв.). Исследователи выделили основные формы семьи и тенденции их эволюции, поколенный и половозрастной состав. Была выявлена зависимость численности и структуры семьи от социальной принадлежности.

Г.В. Жирнова⁶¹ (также использовавшая в своей работе архивные материалы по Ефремову, а именно метрические книги) выделила ряд особенностей брака в купеческой среде второй половины XIX– начала XX вв.: преимущественный выбор брачного партнера из своей социальной группы, сравнительно большая разница в возрасте супругов, размах при проведении «показа невесты» и др.

---

⁵⁷ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М.: Наука, 1989.

⁵⁸ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1977.

⁵⁹ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. – М.: Наука, 1988.

⁶⁰ Миненко Н.А. Городская семья в Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 1977. – С. 175–195.

⁶¹ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1980.

В работе А.И. Аксенова⁶² после длительного перерыва возобновляются исследования купеческой генеалогии. Историком была предложена методика комплексного изучения купеческих родов. В монографии подробно рассматривается вопрос устойчивости купеческих династий и ее зависимости от различных факторов: личных качеств главы семьи, сферы ведения дел, характера и объема брачно-семейных отношений и др. Было выявлено, что наибольшей устойчивостью в XVIII веке обладали семьи, являвшиеся носителями феодальных, а не буржуазных черт.

В Сибири, в истории которой купечество играло особую роль, изучение этой социальной группы на региональном уровне шло особенно активно уже с конца 1960-х гг. (Г.Х. Рабинович⁶³, И.Г. Мосина⁶⁴, Ю.П. Колмаков⁶⁵ и др.). Сибирские историки первыми обратились к специальному изучению психологии купечества (М.М. Громыко⁶⁶, В.П. Бойко⁶⁷).

Напротив, работ, специально посвященных купечеству Тульской губернии, в советские годы написано не было. Тем не менее, в ряде исследований краеведческого характера на значительно более высоком теоретическом уровне по сравнению с дореволюционным периодом, рассматривалась экономическая и общественная деятельность местного купечества, а также его социальный состав.

В монографии известного историка Тульского края В.Н. Ашуркова «Страницы тульской старины»⁶⁸ дана характеристика экономического развития Тулы в пореформенный период. Называются ведущие отрасли местного производства с указанием некоторых купеческих фирм, упомянут крах Сушкинского банка. Ав-

⁶² Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. – М.: Наука, 1988.

⁶³ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1975.

⁶⁴ Мосина И.Г. Состав и численность буржуазии Сибири в период империализма // Ученые записки Томского пед. инст. – Томск, 1969. – С. 83–101.

⁶⁵ Колмаков Ю.П. Крупная торгово-промышленная буржуазия Восточной Сибири в период монополистического капитализма (1898 – март 1917). Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Иркутск, 1970.; Его же. К проблеме формирования торгово-промышленной буржуазии Восточной Сибири в период империализма // Очерки истории Сибири. №. 2. – Иркутск, 1971. – С. 58–72.

⁶⁶ Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII века // История СССР. 1971. № 2–3. – С. 58–72.

⁶⁷ Бойко В.П. Социально-психологические особенности сибирской буржуазии второй половины XIX века / по мемуарным источникам // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск, 1983. – С. 99–106.

тор отмечает строительство Московско-Курской и Сызрано-Вяземской железных дорог как фактор, стимулирующий развитие региона.

А.А. Петухов проследил динамику численности различных категорий населения Тулы за более чем сто лет (с 50-х гг. XVIII в. до 60-х гг. XIX в.)⁶⁹. Автор подробно анализирует существовавшие в XIX веке системы учета населения, отмечая их особенности и причины несовпадения данных. Используемые А.А. Петуховым архивные источники позволили ему поставить под сомнения данные А.Г. Рашина о численности населения города. Одним из выводов статьи стало заключение, что для изучения динамики численности потомственного купечества наиболее достоверным источником являются отчеты церковных властей по приходам. Также в своей работе, посвященной особенностям промышленного переворота в Туле, А.А. Петухов показал преобладающую роль купечества в частном промышленном производстве города начала 1880-х гг.⁷⁰

Своеобразным продолжением изданных до революции серии статей, посвященных обзору городов губернии, стал выход в 1950–1980-е гг. ряда книг по истории и географии бывших уездных центров в составе Тульской области⁷¹. Книги в разной степени освещали историю Алексина⁷², Белева⁷³, Богородицка⁷⁴, Венева⁷⁵, Ефремова⁷⁶ и Черни⁷⁷, затрагивая такие вопросы, как экономическое развитие, образование, благоустройство, численность населения самих городов и их уездов. Достаточно много внимания уделено местному купечеству в рамках обзора истории Ефремова и Алексина Н.А. Малеванов. Автор останавливается на отраслевой специализации купечества уездов и динамике его численности в XIX в., роли купечества в развитии местного образования и благотворительности, участии в

⁶⁸ Ашурков В.Н. Страницы тульской старины: очерки по истории Тулы, 1146–1917 гг. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1988.

⁶⁹ Петухов А.А. Изменение численности и социального состава населения Тулы (60-е гг. XVIII–60-е гг. XIX в.). // Из истории Тульского края. – Тула, 1972. – С. 219–236.

⁷⁰ Петухов А.А. К характеристике промышленного переворота в России (по материалам Тулы второй половины XIX в.) // Вопросы экономической и социальной истории России XVIII–XIX вв. – С. 6–19.

⁷¹ В 1923 г. Кашира была передана Московской губернии, а в 1925 г. в состав Орловской губернии был включен Новосиль.

⁷² Малеванов Н.А., Ефимов А. Алексин. Историко-экономический очерк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1960.

⁷³ Тишин П.П. Белев. Очерк истории города и района. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1981.

⁷⁴ Никулин Н.Н. Богородицк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1956.

⁷⁵ Атласов А.М. Венев. Историко-экономический очерк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1959.

⁷⁶ Малеванов Н.А. Ефремов. Историко-экономический очерк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1958.

городской застройке. В работах было показано влияние прокладки железных дорог на развитие торговли в уездных центрах.

Третий период (с начала 1990-х гг.) историографии отличает заметное возрастание интереса исследователей к купечеству, которое становится самоценным объектом изучения. Под влиянием начавшихся в годы Перестройки перемен в социально-экономической и политической жизни страны, ученые стремятся к пересмотру устоявшихся в исторической науке оценок, расширению проблематики работ, выявлению новых источников. Купеческая семья и частная жизнь купечества наряду с купеческой благотворительностью впервые становятся предметом специальных исследований. В рамках истории повседневности растет количество работ, посвященных изучению купечества на региональном и местном уровне, что ведет к вовлечению в научный оборот большого массива ранее неопубликованных источников.

Большое значение для изучения купеческой семьи имеет обобщающий труд Б.Н. Миронова по социальной истории России⁷⁸. Автор рассматривает купечество как высшую страту городского сословия, а не особое сословие. Констатируя снижение численности купечества и замедление темпов его обновления после 1863 г., Б.Н. Миронов указывает на падение привлекательности купеческого звания для мещан и крестьян, как не передававшегося по наследству. В работе на основе большого массива статистических данных анализируется динамика таких демографических показателей, как средний возраст вступления в брак, уровень брачности, рождаемости и смертности для сельского и городского населения, называются основные факторы, влиявшие на выявленные тенденции. Так, автор выявил зависимость возраста вступления в первый брак и преобладающих типов семьи от рода занятий.

На современном этапе растет число статей, диссертационных исследований и монографий, посвященных различным аспектам истории купечества. Выходят сборники статей по материалам конференций по проблемам изучения купече-

---

⁷⁷ Новиков В.А. Чернь. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1958.

ства⁷⁹. Были предприняты попытки создать обобщающие труды по истории купечества⁸⁰. Большое количество работ посвящено биографиям отдельных купцов и купеческих династий⁸¹. Многие историки изучают купеческую благотворительность и меценатство, как ранее малоисследованные по идеологическим причинам темы⁸².

Значительно вырос зародившийся еще в предыдущий период историографии интерес исследователей к проблемам ментальности купечества. Историки обращаются к таким вопросам, как мироощущение, духовная и материальная культура купечества⁸³. Е.В. Кащеева в своей статье⁸⁴ анализирует такой аспект купеческой повседневности, как застолье, отмечая, что знаменитые купеческие кутежи были продиктованы желанием подчеркнуть своеобразие купеческой субкультуры, выделить ее из числа других. О.В. Судакова⁸⁵ выделяет ценностно-ориентационные доминанты в культуре купечества XVII – 60-х гг. XIX вв., выполнявшие функции

⁷⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

⁷⁹ Российское купечество от средних веков к новому времени. Научн. конф. Москва, 2–4 ноября 1993 г. Тезисы докладов. – М.: 1993.; К истории предпринимательства в Сибири (материалы всероссийской научн. конф. Новосибирск, 1995). – Новосибирск, 1996 ; Материалы IV Международных Стахеевских чтений, 1–2 октября 2009 г. Материалы научной конференции. – Елабуга: Изд-во Елабужского гос. пед. ун-та, 2009.

⁸⁰ Барышников М.Н. История делового мира России: Пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект-Пресс, 1994.; Предпринимательство и предприниматели в России от истоков до начала XX века. – М.: Рос. полит. академия, 1997.; Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. – М.: Ось-89, 1997.; Перхавко В.Б. История русского купечества. – М.: Вече 2008.

⁸¹ Гавлин М.П. Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. Научно-аналитический обзор. – М.: АН СССР, Ин-т науч. информации по общественным наукам 1991.; Калинин В.Д. Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских. (Научно-аналитический обзор). – М.: ИЭ, 1993.; Дмитренко Н.М., Зиновьев В.П. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). – Барнаул, 1994. – С. 191–203; Солнцева Г.А. Д.Г. Бурюлин: предприниматель, меценат, коллекционер // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века. Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района. – Иваново 8–10 июня 1993 года. – Иваново, 1994. – С. 35–39.

⁸² Думова Н.Г. Московские меценаты. – М.: Молодая гвардия, 1992.; Щапов Я. Н. Благотворительность в дореволюционной России: Национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX в. Историки мира спорят. – М., 1994.; Белоусов А.А. На алтарь Отечества: Из истории меценатства и благотворительности в России. – Владивосток, 1996. – С. 86.; Гавлин М.П. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. – М., 1996.; Предпринимательство и меценатство во Владимирском крае с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие под ред. В.В. Гуляевой. – Владимир, 1998.; Тазьмин Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России: к вопросу о мотивации // Социологические исследования. 2002. № 2. – С. 32–96.

⁸³ Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сб. ст. – М.: ИРИ, 1996.; Федоркова И. Психология российского купечества дореволюционного периода. – М.: Тип. МГУ, 2005.

⁸⁴ Кащеева Е.В. Купеческое застолье как форма словесного общения и проведения досуга // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Традиционные формы досуга: История и современность. – М., 1998. № 8. – С. 198–209.

⁸⁵ Судакова О.Н. Культура русского купечества (20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв.): Дис. ... канд. культур. наук: 24.00.02. – СПб., 1998.; Ее же. Сибирский портрет как художественный текст культуры повседневности купечества // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013 / 3 (35). – С. 85–90.

самоидентификации и дистанцирования от других сословий. Так, одежда представителей купечества, по мнению исследователя, служила знаком национальности, социальной принадлежности и принципиальной традиционности. Т.О. Волобуева один из разделов своей диссертации посвятила купеческому костюму⁸⁶. Исследователь констатирует, что смена народного костюма общеевропейским была показателем перехода от сословного общества к классовому, где значение уже имело не социальное происхождение, а уровень достатка семьи.

М.В. Брянцев⁸⁷ обращается к проблеме формирования социокультурного облика купечества. Автор уделяет большое внимание вопросу образования и воспитания, а также формам проведения досуга в купеческой среде. Исследователь на материале мемуарной и художественной литературы вскрывает социально-психологические установки, мотивировавшие отношение купечества к образованию и досугу. Однако ввиду специфики используемых источников анализ проблемы дан М.В. Брянцевым без опоры на статистические, массовые показатели.

Г.Н. Ульянова, также на основе мемуарной литературы, подробно освещает проблему отношения к образованию в купеческой среде, выделяя тенденцию к осознанию купечеством его самоценности, роли семейных традиций в обеспечении преемственности капиталов, религиозности в купеческой среде. Автор анализирует круг чтения купечества, одежду, стиль поведения и ценностные установки⁸⁸. Также Г.Н. Ульянова рассматривает и гендерную специфику купечества: сравнив этнические, брачные и возрастные параметры купеческих женщин Москвы и Петербурга, она делает вывод о большей открытости купечества Северной столицы⁸⁹. В рамках настоящего исследования представляет также интерес работа Г.Н. Ульяновой, выполненная в соавторстве с А.А. Авдеевым и И.А. Троицкой и

---

⁸⁶ Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2008.

⁸⁷ Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX в.: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – М., 2000.

⁸⁸ Ульянова Г.Н. Предприниматель: тип личности, духовный облик, образ жизни // История предпринимательства в России. Кн.2. Вторая половина XIX – начало XX в. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 441–466.

⁸⁹ Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2014–2015. М.: РОССПЭН, 2016. – С. 54–82.

посвященная сравнительному анализу структуры купеческих и крестьянских семей на основе данных ревизских сказок⁹⁰.

Н.Л. Пушкарева, хотя и не обращалась непосредственно к купечеству, внесла значительный вклад в изучение как гендерного аспекта семьи дореволюционной России⁹¹, так и проблем исследования частной жизни и повседневности⁹².

Активно идет изучение региональных⁹³ и этноконфессиональных групп купечества⁹⁴. Одним из первых обширных исследований купечества в рамках отдельного региона стала монография И.Г. Кусовой по истории купечества Рязани⁹⁵. Была проанализирована динамика численности местного купечества, источники его пополнения, темпы обновления. Автор обращает внимание на рост числа куп-

⁹⁰ Авдеев А., Троицкая И, Ульянова Г. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX веке: Москва и ее окрестности. // Демографическое обозрение. Т. 2. 2015. №2. – С. 83.

⁹¹ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997; Она же. Женщина в русской семье (X – начало XX в.) // Власова И.В. (отв. Ред.) Русские: народная культура (история и современность). – М., 2000. – С. 41–54.

⁹² Пушкарева Н.Л. Предмет и метод изучения истории повседневности. // Этнографическое обозрение. 2004. №5. – С. 3–19; Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Вып. 1. Т. 4. – С. 7–21.

⁹³ Рыкина Г.С. Московское купечество в конце XIX – начале XX вв.: образ торговца-предпринимателя и его ментальные особенности.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1999.; Османов А.И. Социально-экономическое положение петербургского купечества в последней четверти XVIII – начале XX века: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2006.; Петербургское купечество в XIX в. / Сост. А.М. Конечный. – СПб.: Гиперион, 2003.; Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова конца XVIII–начала XX века.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Рязань, 1998.; Захаров В.В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX веков.: Дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 1996.; Бусленко Н.И. Ростовское купечество. Историко-экономические очерки в документах, фактах, цифрах, с авторскими комментариями и художественно-публицистическими отступлениями. – Р/Д.: АО "Цв. печать", 1994.; Адаменко С.В. Деятельность купечества Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2005.; Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX – начале XX вв.: социально-демографическая характеристика.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2005.; Судовиков М.С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII — начале XX века. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009.; Свердлов Л.М. Купечество Казани: дела и люди. – Казань: Матбугат йорты, 1998.; Сухова О.А. Провинциальное предпринимательство: основные направления деятельности и культурная среда второй половины XIX – нач. XX в. (По материалам Среднего Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пенза, 1998.; Баяндина Н.П. Пермь купеческая. – Пермь: Пушка, 2002.; Пашкова О.Н. Купечество Южного Урала во второй половине XIX века: По материалам Оренбургской губернии: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2002.; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: Водолей, 1996.; Скубневский В.А. Барнаул купеческий // Алтай. 1994. № 4. – С. 141–148.; Жиров А.А. Провинциальное купечество Сибири: На материалах тарского купечества второй половины XVIII – начала XX веков: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2000.; Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е годы XIX – нач. XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2000.; Шукин И.А. История купечества Восточной Сибири в XIX веке: формирование и социальное положение: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2000.; Швец Е.Г. Забайкальское купечество во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2002.

⁹⁴ Керов В.В. Морозовы: старообрядческое предпринимательство и русская национальная идея // Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции "Купцы Морозовы - российские предприниматели и меценаты" (юбилейные морозовские чтения 20–22 февраля 1997 года). – Орехово-Зуево, 1997. – С. 43–49.; Брянцев М.В. Старообрядчество и "дух капитализма" // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII в.). Тезисы международной конференции 2–3 октября 1998 г. – М., 1998. – С. 20–23.; Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью (вторая половина XIX – начало XX века.): Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2006.

цов из евреев в Рязани в конце XIX – начале XX вв., раскрывая причины этого явления. Отдельная глава работы посвящена купеческой семье и быту. Здесь И.Г. Кусова затрагивает такие аспекты, как средняя численность и типы семей, купеческие усадьбы и дома, образование и образ жизни купечества. Исследовательница выявила тенденцию к стиранию существенных различий в образе жизни купеческих семей к концу XIX – началу XX в.

Исследователь купечества Ярославской губернии Н.В. Обнорская⁹⁶ останавливается на вопросах брачных связей в купеческой среде, динамики численности купеческих капиталов региона, изменения уровня грамотности в купеческой среде. В отдельной главе работы рассматриваются особенности повседневной жизни купечества. На примере генеалогических связей ярославского купечества автор показывает, что к концу XIX – началу XX вв. грань между купечеством, дворянством и почетными гражданами стиралась, а между купеческой верхушкой и основной массой горожан – росла. Расширение сети учебных заведений, рост престижа образования, а также развитие банковской системы, позволявшей жить на проценты с капитала, названы Н.В. Обнорской в числе причин, ведущих к выходу многих купеческих сыновей из купечества и началу ими деятельности вне торгово-промышленной сферы. Автор подчеркивает, что получение детьми высшего образования было характерно лишь для купеческой элиты, что усугубляло раскол внутри купечества.

Ряд интересных работ по купеческой семье был создан в рамках истории XVIII века. Н.В. Козлова рассматривала правовой статус купечества, особенности менталитета российского купечества, вопросы опеки и попечительства в купеческой среде⁹⁷. Е.А. Зуева⁹⁸ исследовала купеческую семью Сибири конца XVIII – первой половины XIX вв., в том числе рассмотрев такие вопросы, как брачный

⁹⁵ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – Рязань: Март, 1996.

⁹⁶ Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ярославль, 2000.

⁹⁷ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. – М.: Археографический центр, 1999. – 384 с.; Она же. "На чьей опеке должны быть воспитаны..." Опека и попечительство в среде московских купцов в XVIII в. // От древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию А.Л. Хорошкевич. М.: Наука, 2003. – С. 341–358.

⁹⁸ Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX вв.: Автореферат кандидатской диссертации. – Новосибирск, 1992.

возраст и характер брачных связей в купеческой среде. Подробный анализ имущественно-демографических характеристик московской купеческой семьи последней трети XVIII в. предприняла О.В. Фомина⁹⁹. Работа также интересна обзором существующих классификаций типов семей. В итоге В.О. Фомина предложила собственную классификацию на основе разделения всех семей на «малую» и «нераздельную», выделив в каждом типе еще три подтипа.

Впервые купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. стала темой самостоятельного исследования в статье В.А. Скубневского¹⁰⁰. Фундаментальной работой по теме купеческой семьи стала монография Ю.М. Гончарова¹⁰¹, написанная по материалам городов Западной Сибири. Заслугой автора является подробный анализ источников и историографии по теме, а также социально-правового статуса купечества. Ю.М. Гончаров рассматривает динамику численности и состава купечества в городах региона, отмечая как общие тенденции его развития, так и обуславливавшие их факторы. Ю.М. Гончаровым были исследована динамика таких показателей, как доля потомственных купцов, генеалогическая продолженность купеческих родов, удельный вес женщин во главе купеческого капитала, этно-конфессиональный состав купечества. Подробно анализируя динамику средней людности, количества детей и внуков, поколенной и внутренней структуры семей, автор делает вывод о более быстром изживании патриархальных семейных установок в семьях потомственного купечества, длительное время проживавшего в городах. В меньшем объеме Ю.М. Гончаровым были освещены вопросы купеческого быта и досуга, образования и воспитания купеческих детей, отношений между супругами в купеческих семьях. При этом, однако, автор четко обозначил в этих аспектах жизни сибирского купечества как основные тенденции, так и влияющие на них факторы.

---

⁹⁹ Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2003.

¹⁰⁰ Скубневский В.А. Купеческая семья начала XX в. (по материалам г. Барнаула). // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 187–190.

¹⁰¹ Гончаров, Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.

Первой работой, в которой предметом исследования стала частная жизнь провинциального купечества, стало диссертационное исследование Л.А. Лернер¹⁰², написанное по материалам Курской губернии. Автор рассматривает вопросы демографических характеристик купеческой семьи, внутрисемейных отношений, образования в купеческой среде, форм проведения досуга и материальной культуры купечества. Автор отмечает тенденцию к старению глав купеческого капитала к концу XIX века. Анализ долей первых, вторых и третьих браков в купечестве региона позволил Л.А. Лернер сделать вывод о довольно быстром вступлении в повторный брак купеческих мужчин в случае овдовения. Исследователь останавливается на таких малоизученных аспектах, как критерии выбора жениха при выдаче замуж купеческих дочерей, круг чтения представителей купечества. Автор приходит к выводу, что в купеческой среде происходило формирование новой субкультуры, основанной на переплетении патриархальных и авангардистских черт.

Социально-бытовой аспект купечества Симбирска исследовала Л.Н. Галимова¹⁰³, охватив в своей работе широкий круг вопросов. Диссертация изобилует большим количеством примеров, иллюстрирующих значительную часть ее положений. Полнота описания купеческого быта в работе дает богатый материал для сравнения тех или иных проявлений частной жизни купечества разных регионов России. Автором сделан вывод, что купеческая культура, ориентированная на восприятие и апробацию всего нового, служила проводником новшеств в широкие слои города и деревни.

В своей докторской диссертации И.В. Маслова¹⁰⁴ анализирует менталитет уездного купечества, рассматривая такие его аспекты, как семья, образ жизни и благотворительность. Автору удалось установить прямую взаимосвязь между числом купеческих семей в уездном городе и количеством находящихся в нем ка-

---

¹⁰² Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 2003.

¹⁰³ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Ульяновск, 2005.

¹⁰⁴ Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии): Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2011.

менных домов. Было показано, что сезонность браков в купеческой среде соответствовала таковой крестьянских браков. Дан подробный анализ облика купеческих мужчин и женщин на основе фотопортретов. И.В. Маслова выдвинула предположение, что постепенное «переодевание» представителей купечества не обязательно означает перемены в их мировоззрении, однако определенно свидетельствует о гибкости мышления.

Е.Н. Меньшикова¹⁰⁵ исследовала вопрос положения купеческих женщин, выделив особенности их образования и воспитания. Автор проанализировала такие аспекты проблемы, как девиантное поведение купеческих женщин, истоки разводов купеческих пар, признаки «раскрепощения» в поведении женщин второй половины XIX века. Автор обратила внимание на то обстоятельство, что материалы судопроизводства и дела Духовных консисторий о разводах позволяют приоткрыть завесу над негативными сторонами семейной жизни в купеческой среде.

Открытие «забытого класса» привело к появлению ряда статей, посвященных наиболее ярким представителям купечества Тульского региона¹⁰⁶. Многие авторы обращаются к исследованию вопросов купеческой благотворительности¹⁰⁷, были рассмотрены отдельные направления купеческого предпринимательства¹⁰⁸.

В обобщающих работах по истории Тульского края большее внимание стали уделять производственной, торговой, а также социально-культурной деятельности

¹⁰⁵ Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Белгород, 2008.

¹⁰⁶ Кусова И. Г. Семья Баташева старшего: некоторые уточнения в биографии // Тульский металл: четыре столетия истории. – М.: Тула, 1995. – С. 45–47.; Тихонова А.С. Баташевы: благотворители, купцы, фабриканты-самоварщики / А.С. Тихонова // Тульский краеведческий альманах. 2004. № 2. – С. 69–73.; Васильков В.Ю. Купцы Васильковы // Тени старинного кладбища. Тульские некрополи. – Тула: ООО «Борус-Принт», 2015. – С. 86–94.; Касаткин А. Добрынины во 2-й половине XVII – 1-й половине XVIII вв. Предыстория династии / А. Касаткин // Тульский краеведческий альманах. 2012. № 9. – С. 142–159.; Бритенкова Л. Тульские Маликовы: оружейники и купцы / Л. Бритенкова // Тульский краеведческий альманах. 2011. № 8. – С. 43–56.; Она же. Тульские самоварные фабриканты – продолжатели дела суксунского завода Демидовых/ Л. Бритенкова // Тульский краеведческий альманах. 2012. № 9. – С. 45–51.; Она же. Расцвет и закат одной фамилии // Тульский краеведческий альманах. 2015. № 12. – С. 156–170.; Кириленко Н. Из жизни Владимира Семеновича Теплова / Н. Кириленко // Тульский краеведческий альманах. 2012. № 9. – С. 160–166.

¹⁰⁷ Сергеева А. Из истории Николаевского детского приюта / Анна Сергеева // Тульский краеведческий альманах. 2004. – С. 156–160.; Сенина Н.В. Дмитрий Яковлевич Ванькин / Наталия Сенина // Тульский краеведческий альманах. 2005. № 3. – С. 103–106.; Парамонова И.Ю. Ванькинская больница: Неизвестные моменты истории / Ирина Парамонова // Тульский краеведческий альманах. 2008. № 6. – С. 62–70.; Бурцева Е.Е. Из истории благотворительности в Туле/Екатерина Бурцева // Тульский краеведческий альманах. 2008. № 6. – С. 46–49.; Дзиговская Л. Духовное наследие Д.Я. Ванькина / Л. Дзиговская // Тульский краеведческий альманах. 2013. № 10. – С. 129–133.

купечества Тулы. Так, в обобщающей работе по истории Тульского края Г.М. Чуднова¹⁰⁹ две главы посвящены фабрикам тульских купцов-промышленников XVIII – XIX вв. Е.Н. Соломатин в своей работе по истории предпринимательства в Тульской губернии¹¹⁰ рассматривает вопрос о представительстве купечества в предприятиях различных организационно-правовых форм. Исследование С.А. Рассаднева¹¹¹ позволяет установить принадлежность некоторых сохранившихся исторических зданий в Туле купеческим семьям, проследить историю смены владельцев домов.

Л.П. Фролова, анализируя тульское земство, останавливается на его сословном составе¹¹². Е.Е. Бурцева¹¹³ в своей кандидатской диссертации рассматривает деятельность купеческих органов самоуправления Тульской губернии. Автор отмечает, что к началу XX века купеческий статус сохранял свою значимость для потомственного купечества, представителей национальных меньшинств, а также семей, выбившихся в купечество из низших сословий.

Е.В. Симонова¹¹⁴ исследует города Тульской губернии второй половины XIX в. в демографическом, экономическом, экологическом, социально-культурном аспектах. В работе на основе привлечения данных региональной статистики анализируется динамика показателей брачности, рождаемости, смертности населения городов губернии по сословным группам.

По-новому стали подходить и к освещению участия купечества в жизни уездных городов губернии. Была переиздана в значительно дополненном виде книга Н.А. Малеванова (в соавторстве с Е.Д. Сафроновым), посвященная истории Ефремова¹¹⁵. Авторы достаточно подробно освещают роль купечества в жизни го-

¹⁰⁸ Колесник Л. – С. Пряничное дело в Туле до 1917 г. / Людмила Колесник // Тульский краеведческий альманах. 2005. № 3. – С. 27–34.; Петухов А. Тульские изделия на международных и российских выставках (2-я половина XIX века) / Аркадий Петухов // Тульский краеведческий альманах. 2006. № 4. – С. 45–48.

¹⁰⁹ Чуднов Г.М. История тульского края. – Тула: Пересвет, 2000.

¹¹⁰ Соломатин Е.Н. Предпринимательство Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX века (историко-правовой аспект). – Тула: Изд-во ТГУ, 2001.

¹¹¹ Рассаднев С.А. Прогулки по улицам Тулы. – Тула: Пересвет, 2003.

¹¹² Фролова Л.П. Тульское земство. 1864 – начало XX в. – Тула: ТГПУ, 2004.

¹¹³ Бурцева Е.Е. Всесословное и сословное самоуправление в городах Тульской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. Автореферат на соиск. учен. степ. к. и. н. – М., 2015.

¹¹⁴ Симонова Е.В. Города Тульской губернии во второй половине XIX в.: население и экономика. – Тула: Изд-во ТГПУ, 2002.; Она же. Провинциальные города Тульской губернии в XIX в. – Тула: Изд-во ТГПУ, 2005.

¹¹⁵ Малеванов Н.А., Сафронов Е. Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – Тула: Пересвет, 2001.

рода. Во многом является переработанной версией советского издания и работа В.М. Пономаревой «Алексин. Страницы истории города и района»¹¹⁶. Книга содержит интересные описания купеческих особняков Алексина. Обзор социально-экономической истории города и роли в ней купечества сделан в работе С.Д. Ошевского по Веневу¹¹⁷. Сайт «Веневский уезд»¹¹⁸ содержит большое количество статей, посвященных отдельным представителям местного купечества. Изучению роли купечества в истории Епифани посвящены работы С.В. Кусакина. В книге «Храмы Куликова Поля»¹¹⁹ автор освещает деятельность епифанских купцов в должности церковных старост. Ряд статей исследователя раскрывает историю известных епифанских купеческих семей – Оводовых и Расторгуевых¹²⁰.

Первым специальным исследованием тульского купечества стала дипломная работа студентки ТГПУ И.Ю. Парамоновой¹²¹, написанная с использованием архивных материалов. Автор анализирует динамику численности купечества г. Тулы, уровень его обновления и источники пополнения гильдий (сословный и региональный аспект). Тема купеческого быта не была рассмотрена в рамках данной работы, а в отношении истории купеческой семьи приведены лишь отдельные факты. Так, И.Ю. Парамонова констатирует снижение средней численности купеческой семьи Тулы в пореформенный период¹²².

Что касается исследований зарубежных историков, то они посвящены проблемам старообрядчества как фактора, стимулирующего предпринимательскую

¹¹⁶ Пономарева В.М. Алексин. Страницы истории города и района. – Тула: Пересвет, 1998.

¹¹⁷ Ошевский С.Д. Венев: история и современность. – Тула: Пересвет, 2006.

¹¹⁸ Веневский уезд. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.veneva.ru/lib/short-history.html> (дата обращения 19.08.2016).

¹¹⁹ Кусакин С.В. Храмы Куликова поля. Книга первая: Епифань, Монастырщина, Красный холм, Себино. – Тула: АСТРА, 2010.

¹²⁰ Кусакин С.В. Купцы Расторгуевы и Куликово поле. Историко-генеалогические исследования епифанского купеческого рода // Провинция в контексте истории и литературы. Материалы III Крапивенской краеведческой конференции. – Тула, 2007. – С. 5–22.; Он же. Купцы Оводовы в истории уездного города Епифань// Провинция в контексте истории и литературы. Материалы VI Крапивенской краеведческой конференции. – Тула, 2012. – С. 138–163.

¹²¹ Парамонова И.Ю. История тульского купечества XVIII–XIX вв.: дипломная работа / ТГПУ имени Л.Н. Толстого. – Тула, 1994.

¹²² Некоторые из приводимых И.Ю. Парамоновой статистических данных расходятся с полученными в рамках настоящего исследования. Причиной, вероятно, служит использование автором работы иных источников для анализа демографических показателей, о чем будет сказано ниже.

активность¹²³; роли купечества в формировании капиталистических отношений в России¹²⁴. К. Руан в своей статье в сборнике «Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии» отмечает, что купеческие женщины быстрее адаптировали свой костюм к требованиям европейской моды¹²⁵. В рамках настоящего исследования интерес представляют работы зарубежных авторов по теме эволюции семьи различных социальных групп населения под воздействием модернизационных процессов (Дж. Хаджнал¹²⁶, Райхард Зидер¹²⁷).

Итак, в настоящий момент в российской исторической науке активно продолжается изучение купечества. Пиком интереса к этой теме стали 1990-е – начало 2000-х гг., что было обусловлено малоизученностью собственно купечества по сравнению с более широкой социальной группой – буржуазией, а также фактическим табуированием в советской науке ряда тем (благотворительность и меценатство, отношение к религии, история жизни отдельных предпринимателей). Тема купеческой семьи и частной жизни привлекла внимание исследователей только с середины – конца 1990-х гг. До настоящего момента изучение этих вопросов чаще всего происходит в рамках более широких тем, специальные работы по купеческой семье и быту в большинстве представлены отдельными статьями, более серьезные исследования немногочисленны. Также при быстром росте исследований купечества на региональном уровне число публикаций по купечеству Тульского региона невелико и фрагментарно по своему содержанию.

Цель исследования заключается в выявлении основных тенденций изменения стереотипов брачно-семейного и бытового поведения купечества Тульской губернии с конца 50-х гг. XIX до начала XX вв.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

¹²³Shapiro A., Soico L. The Social Dimensions of Entrepreneurship // Encyclopedia of Entrepreneurship. New Jersey, 1982; Андриас Басе. Хозяйственная этика русско-ортодоксального христианства // Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Т. 2. Торговля в Храме. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. – С. 159–160.

¹²⁴Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill (N.C.), 1982. P. 24; Ruckman J.A. The Moscow business elite: A social and cultural portrait of two generations, 1840–1905. North Illinois, 1984.

¹²⁵ Руан К. От кафтана к деловому костюму: Семиотика купеческой одежды // Купеческая Москва: Образы ушедшей российской буржуазии. – С. 96–106.

¹²⁶ Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе. // Брачность, рождаемость, семья за три века. – М.: Статистика, 1979. – С. 14–70.

¹²⁷ Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII–XX вв.). – М.: Владос, 1997.

-проанализировать изменения социально-правового положения купечества в условиях конкретного региона;

-изучить динамику численности и состава тульского купечества, выявить источники пополнения гильдий;

-определить основные социо-демографические характеристики купеческой семьи (средняя людность, поколенный состав, тип семейной структуры) и проследить динамику показателей этих характеристик в семьях купечества региона;

-исследовать брачное поведение представителей тульского купечества, определив средний возраст вступления в первый брак, разницу в возрасте супругов, социальное происхождение брачного партнера, частоту повторных браков;

-определить качества, которые стремились воспитывать в детях в купеческих семьях;

-выявить тенденции изменения представительства купеческих детей в различных типах образовательных учреждений;

-охарактеризовать купеческую усадьбу и дом, одежду, рацион питания, формы проведения досуга, выделив наиболее типичные черты и их эволюцию в рамках периода.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют *принцип историзма*, позволяющий рассматривать все явления и процессы в их развитии в конкретно-исторических условиях; *принцип объективности*, который предполагает опору на факты, сопоставление их между собой и изучение в совокупности, рассмотрение каждого явления в его многогранности; *принцип системности* предполагает рассмотрение объекта как целостной системы, основные элементы которой активно взаимодействуют друг с другом.

Задачи исследования и характер привлеченных источников определили выбор следующих методов:

– *метод статистического анализа* и *сравнительно-исторический метод* использовались для обработки количественных данных источников и выявления тенденций при анализе временных колебаний показателей. Применение статистического анализа позволило выделить такие характеристики купеческой семьи как

средняя людность и поколенный состав, уровень брачности и вдовства купеческих мужчин и женщин разных возрастных групп, определить средние размеры купеческой усадьбы и дома. Полученные статистические данные представлены в справочном материале – 45 таблицах. Сравнительно-исторический метод позволил проследить динамику как названных показателей, так и ряда других, установить процент обновления состава купечества региона в рамках изучаемого периода. Сопоставление рассматриваемых показателей с данными, полученными исследователями купечества других регионов, позволяет рассматривать выявленные тенденции развития тульской купеческой семьи как часть общероссийского процесса.

– *историко-типологический метод* позволил выделить основные типы купеческой семьи на основе такого критерия, как характер родственных связей, определить типы купеческих домов по их планировке, отнести детали купеческого костюма к «русскому традиционному» или «современному европейскому» типам.

– *общелогические методы (аналитический, синтетический, обобщения, индукции, дедукции)* позволили устанавливать взаимосвязи между выявленными тенденциями развития купеческой семьи и частной жизни, делать выводы в работе над исследованием.

Методологию исследования определил историко-антропологический подход, основоположниками которого выступают М. Блок¹²⁸ и Л. Февр¹²⁹. Методологической базой для работы послужила работа Ю.М. Гончарова, посвященная изучению купеческой семьи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Количество купеческих семей в Тульской губернии к 1915 г. существенно сократилось, пики падения его численности приходятся на середину 1870-х гг. и на рубеж XIX–XX вв., что было обусловлено введением всеобщей воинской повинности в 1874 г. и Положения о государственном промысловом налоге в 1898 г.

¹²⁸ Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986.

¹²⁹ Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991.

2. С конца 50-х гг. XIX века и до середины второго десятилетия XX века состав купечества губернии обновился на 90%, наиболее активное обновление шло в 1860-е гг. Основной приток в купечество региона шел из мещанства, во вторую очередь – из купечества других городов, а в Туле еще из оружейников и цеховых. Существенной доли выходцев из крестьян в купечестве губернии не выявлено.
3. В рамках изучаемого периода происходило упрощение семейной структуры купеческой семьи: снижение средней людности и доли трехпоколенных семей при росте доли двухпоколенных и однопоколенных семей. На протяжении изучаемого периода устойчиво возрастает доля «простых» типов семейной организации, в первую очередь нуклеарной семьи. Эта тенденция была обусловлена, с одной стороны, ликвидацией части привилегий купечества, лишавшая семьи заинтересованности в искусственном увеличении своего состава, а с другой – расширением для купеческих сыновей в пореформенный период возможностей профессиональной самореализации помимо продолжения семейного дела.
4. Во второй половине XIX – начале XX вв. в возрастных группах до 40 (для мужчин) и до 50 (для женщин) лет возрастала доля лиц, не состоявших в браке, что свидетельствует о росте уровня окончательного безбрачия среди тульского купечества, приближавшегося к европейской модели брачности и минимально достигая его для женщин. В случае наступления вдовства второй брак для представителей тульского купечества был распространенной практикой.
5. Представители тульского купечества наиболее часто заключали браки внутри своей социальной группы, но и браки с представителями иных слоев общества не были редким явлением. К концу изучаемого периода купеческие мужчины и женщины стали чаще заключать межсословные браки с представителями дворянства и потомственными почетными гражданами.
6. Выявлена тенденция к повышению уровня грамотности тульского купечества, а также к смене предпочитаемых купечеством форм образования для

детей. К концу XIX века растет представительство купеческих сыновей в государственных средних школах, причем юноши стремятся закончить все семь классов и продолжить образование в ВУЗе. Повышается заинтересованность девушек из купеческой среды региона к получению профессионального образования.

7. К концу изучаемого периода различия в уровне бытовой благоустроенности купеческих семей региона несколько сглаживаются, но остаются весьма существенными. Характерными чертами купеческого быта в Тульской губернии следует признать: частое размещение на территории усадьбы построек промышленного и торгового назначения, обустройство в некоторых лавках пространства для удобства покупателей (кресла, диваны, зеркала); преимущественно двухэтажные жилые дома, чаще смешанного типа – каменный низ и деревянный верх.
8. В одежде купечества Тульской губернии прослеживается постепенный отход от традиций в пользу общеевропейской моды. Однако консервативные элементы в облике все еще встречались среди пожилых представителей купечества, особенно в частной обстановке. Купеческие женщины быстрее переходили к европейскому костюму, но часть их также сохраняла в своем облике черты, выдававшие их социальную принадлежность.

Источниковая база. В работе был использован широкий круг источников: законодательные акты, материалы фондов Государственного архива Тульской области (ГАТО), Государственного архива Орловской области (БУОО ГАОО), фотоматериалы из фондов краеведческих музеев, данные статистических обзоров и периодической печати. Также были привлечены и источники личного происхождения – воспоминания потомков купеческих семей Епифани, предоставленные заведующим Епифанской историко-этнографической экспозицией Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (ГВИПМЗ КП) С.В. Кусакиным.

Нормативно-правовыми актами, регламентирующими социальное положение и профессиональную деятельность купечества в рамках изучаемого периода, вы-

ступали Устав о повинностях (Т. IV), Устав о пошлинах (Т.V), Законы о состояниях (Т. IX), Устав торговый (Т. XI), Устав о паспортах (Т. XIV), изданные в Своде Законов Российской империи 1857 г.

Изменения социально-правового статуса купца, происходившие в пореформенный период, регламентированы Положением о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г. и его дополнением 1865 г. (опубликованы в Приложениях к СЗРИ 1863 и 1868 гг.); Законами о состояниях, Уставом о паспортах 1895 г., Положением о государственном промысловом налоге 1898 г. (опубликованы в СЗРИ изд. 1912 г.). Законы, касающиеся положения купцов из евреев, содержатся в ПСЗРИ-II и ПСЗРИ-III. Отдельные вопросы семейного и наследственного права, затронутые в рамках данного исследования, освещены с опорой на Законы гражданские (СЗРИ 1857 г. Т.X).

Данные учета купечества Тульской губернии содержатся в ряде фондов ГАТО. Прежде всего, это документы из фонда Тульского губернского статистического комитета (Ф. 52) и фонда Канцелярии Тульского губернатора (Ф. 90). Содержащиеся в этих фондах данные статистики удобны для обработки, а также в некоторых случаях содержат дополнительные сведения о социально-экономическом развитии регионов с точки зрения составителей отчетов. Недостатком данного источника в рамках изучаемой темы следует признать отсутствие сведений о составах семей купцов, а также вероятное включение в систему подсчетов наряду с гильдейским купечеством города и «временных купцов».

Исходным материалом для анализа эволюции купеческой семьи Тульской губернии послужили материалы X ревизии (ГАТО. Ф. 317, 339, 360, 376, 368, 383, 390, 397, 404; БУОО ГАОО. Ф. 760). В ревизских сказках отражен состав купеческих семей, кратность браков, возраст каждого члена семьи и характер родственных связей между ними. В отношении семей, вступивших в купечество города после IX Ревизии, также приводятся сведения о том, когда, из какого региона и сословия семья перешла в купечество.

Наиболее ценным источником данных о составе и структуре купеческой семьи региона, ее демографических характеристиках, являются заявления купцов на

выдачу торговых и сословных документов, а также купеческие книги (также называемые «списками» и «ведомостями»), составлявшиеся городскими думами, а после реформы 1870 – городскими управами. Купеческие списки содержат фамилии, имена и отчества самих глав капиталов и членов их семьи (с указанием степени родства), вносимых в купеческое свидетельство для приобретения ими сословных прав. Для каждого члена семьи указан возраст, часто, но далеко не всегда, кратность браков. Нередко в купеческих книгах фиксировались причины выбытия из капитала отдельных членов семейства («умер», «выдана в замужество», «произведен в офицеры», «в отдельный капитал» и др.). Появление в купеческой книге нового семейства сопровождалось пометкой о времени причисления семейства в купечество города Казенной палатой. При этом также могла сообщаться информация о прежней сословной принадлежности семьи («из мещан своего города», «из лебедянского купечества» и т.п.). В книги вносились те семейства, которые выкупали годовые свидетельства в установленный законом срок (с 1 ноября по 1 января). Другими словами, в книгах могли быть не учтены те купцы, которые запоздали с взятием свидетельства или приобрели гильдейские документы лишь со второго полугодия. В купеческие книги не вносились семейства, состоящие только из лиц женского пола, удерживающих купеческое звание, но не ведущие торговли и не выкупившие необходимые промысловые свидетельства. Прошения купцов о выдаче гильдейских документов помимо состава семьи содержат и личную подпись главы капитала. Наличие подписи и характер выведения букв или же ее отсутствие с пометкой «за неумением грамоте» представляют ценный материал для изучения уровня грамотности глав капиталов. До 1863 г. в прошениях главы капитала указывали свое вероисповедание (по требованию властей, введших ограничительные меры против купечества из старообрядцев).

Практически за все годы изучаемого периода сохранились книги по Туле (Ф. 518 – Тульская городская Дума, Ф. 174 – Тульская городская управа). Из органов уездного самоуправления в хорошей сохранности оказались лишь материалы делопроизводства Богородицка (Ф. 226 – Богородицкая городская управа). Однако копии купеческих книг по каждому городу губернии можно найти в фонде Туль-

ской казенной палаты (Ф. 118). Сохранность купеческих книг в этом фонде не стопроцентная, что не позволило в ряде случаев использовать данные за один и тот же год по всем городам губернии. Недостающие сведения были взяты из книг по тому или иному уезду за последующий либо предыдущий год по отношению к анализируемому¹³⁰. Последним годом изучаемого периода, по которому сохранились купеческие книги уездных управ, является 1915 г. В итоге были собраны данные по купеческим книгам Тулы практически за каждый год изучаемого периода вплоть до 1917 г., а по уездным городам были взяты данные за один год в каждом десятилетии периода: 1858 г., 1868 / 1869 г., 1878 г., 1888 г., 1898 г., 1908 г. и 1915 г. Делопроизводство в уездах имело свою специфику, влияющую на полноту и точность данных. Так, в Ефремове на протяжении всего изучаемого периода в купеческих книгах не фиксировался возраст лиц женского пола, появившихся в купеческом семействе после X ревизии. В Туле в некоторых случаях новорожденные и жены купеческих сыновей вносились в списки с опозданием на несколько лет. На рубеже XIX–XX вв. тщательность учета купеческих семейств начинает заметно снижаться. Так, постепенно делопроизводители перестают указывать возраст вновь вступающих в купечество, в ряде случаев записывают семейных купцов «одиночками», внося членов их семей в книгу лишь год-два спустя.

Фонды городских дум и управ содержат и иные материалы, использованные в настоящем исследовании. Сюда следует отнести дела о причислении в купечество новых семейств, в которых содержатся данные о прежней сословной принадлежности семьи. Дела о присвоении купеческим семействам звания потомственных почетных граждан интересны как с точки зрения изучения процессов вертикальной мобильности в тульском купечестве, так и из-за содержащихся в таких делах метрических документов. Метрические свидетельства позволяют уточнить возраст членов купеческого семейства, установить социальное происхождение купеческих жен и невесток. Прошения купцов о переоценке их имущества вклю-

---

¹³⁰ Только по Туле, Алексину, Богородицку и Веневу приведены данные по 1868 г, а по остальным уездам – за 1869г., за 1877г. приведены данные по Кашире.

чают в себя описания принадлежащей купцу недвижимости, а прошения о возведении на территории усадьбы новых построек также имеют в своем составе планы усадеб и жилых домов купцов.

Личные формулярные списки купцов, занимающих выборные должности, содержат данные о возрасте купца, его вероисповедании, наличии недвижимости в собственности, наградах, сроках пребывания в тех или иных должностях. Указывался семейный статус купца и, если он был женат, возраст жены (в редких случаях – и ее сословное происхождение), имена и возраст детей. Особенно ценными в рамках данного исследования являются сведения об образовании купца. Также формулярные списки купцов, исполнявших должности попечителей образовательных учреждений, содержатся в фонде Дирекции училищ (Ф. 7).

В фонде Тульской духовной консистории (Ф. 3) есть прошения представителей купечества губернии о разводе, просьбы о дозволении вступить в брак, дела о прелюбодеянии. На наш взгляд, особую ценность представляют дела о разводах, несмотря на свою немногочисленность (всего 3 дела). В рамках расследования этих дел супруги, а также привлекаемые к делу свидетели, вынуждены были сообщать представителям церковных властей такие детали частной жизни, которые иначе можно встретить лишь в источниках личного происхождения.

Многоплановым источником являются дела об опеке купеческих детей из фондов Тульского (Ф. 202) и Богородицкого (Ф. 248) Сиротских судов (материалы в отношении купеческих семейств по остальным уездам не сохранились). Прежде всего, такие дела содержат подробную опись как движимого, так и недвижимого имущества, наследуемого малолетними. В делах об опеке можно встретить переписку опекунов и прочих родственников малолетних с чиновниками Сиротского суда, затрагивающую как финансовые, так и некоторые бытовые вопросы. Также в делах содержатся копии метрик малолетних и ежегодные отчеты их опекунов, в которых содержатся данные о получаемом детьми образовании, расходовании средств из наследства малолетних на бытовые нужды.

В фондах Тульской палаты гражданского суда (Ф. 819) и Тульской палаты уголовного и гражданского суда (Ф. 1231) содержатся книги для записи завеща-

ний, дарственных и отдельных актов за период 1800 – 1868 гг. В документах такого рода с той или иной степенью детальности описывается имущество, которое находится во владении купца или купеческой семьи, его стоимость. В завещаниях иногда приводятся пожелания наследодателя наследникам и обоснования распределения между ними наследства тем или иным образом. Также указанный фонд содержит материалы рассмотрения гражданских исков, в некоторых из которых истцом или ответчиком выступали представители купечества. Вновь хотелось бы отметить, что именно конфликтные ситуации, став предметом разбирательства властей, вынуждали представителей купечества сообщать некоторые детали частной жизни. Дела гражданского и административного производства, в которых фигурируют купцы и члены их семей, содержатся и в фондах других правоохранительных учреждений. В рамках настоящего исследования были рассмотрены отдельные дела из фондов Тульского окружного суда (Ф. 210), Тульского городского магистрата (Ф. 842) и Тульского губернского прокурора (Ф. 464).

Фонды образовательных учреждений и органов надзора за ними: Дирекции училищ (Ф. 7), Дирекции народных училищ (Ф. 9), Первой тульской мужской гимназии (Ф. 8), Первой тульской женской гимназии (Ф. 303), Тульской Ольгинской женской гимназии (Ф. 50), Тульской женской гимназии О.А. Жесмин (Ф. 254), Тульского реального училища (Ф. 253) содержат статистические данные о распределении учеников по классам и по сословиям. К сожалению, с 1864 г. «детей купцов и почетных граждан» перестали выделять в отдельную категорию, учитывая в рамках «городского сословия». Это привело к «растворению» купеческих детей в массе учеников мещанского происхождения и не позволяет сделать достоверных выводов о динамике представительства учеников купеческого происхождения в учебных заведениях в 1860–1890-е гг. Исключением являются многие дела фонда Тульского реального училища (свидетельства об окончании обучения, таблицы об успехах учеников, списки поступивших учеников, дела по «прошениям купцов и мещан о зачислении их детей в учебное заведение») в которых присутствуют указания на купеческое происхождение части учеников. С начала

XX в. купеческие дети вновь стали выделяться в отдельную группу в отчетах и статистике образовательных учреждений.

В работе были использованы разнообразные виды статистических обзоров. Прежде всего, это обзоры деятельности средних учебных заведений губернии (Первой Тульской мужской гимназии и Тульского реального училища, Тульского коммерческого училища). В обзорах, охватывающих период 1901–1915 гг., публиковались данные о распределении учащихся по сословиям. Особый интерес представляет Отчет о состоянии Тульского реального училища, выпущенный к его двадцатипятилетнему юбилею (1900 г.). Помимо статистических данных в обзор была включена развернутая история учебного заведения, а также сведения о судьбе ее выпускников. Были также использованы материалы статистического обзора о состоянии высшего и среднего образования в Российской империи, в котором содержатся сведения и по учебным заведениям Тульской губернии. (Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. 1888). В обзорах развития начального образования в губернии (Начальное народное образование в Тульской губернии в 1896–97 учебном году. 1898 г., Дружинин А.Г. Начальное образование в Тульской губернии с 1800 по 1900 г. 1901.) были приведены данные о сословном происхождении учеников и учителей.

Источником сведений о динамике численности населения (в том числе и купечества) в регионе стали Обзоры Тульской губернии, регулярно издаваемые типографией Губернского Правления и включаемые затем в Памятные книжки Тульской губернии (1864–1916 гг.). В Памятной книжке 1895 г. также были опубликованы материалы однодневной переписи по Туле, содержащие сведения о количестве различных сословных групп в городе, роде их занятий, брачном статусе и грамотности. Также источником демографических данных выступают опубликованные материалы Центрального статистического комитета серии "Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г." (СПб., 1897–1905)¹³¹. Как

---

¹³¹ Сами же переписные листы этой переписи по Тульской губернии практически не сохранились.

уже было отмечено, в работе подсчеты численности купечества производились преимущественно по купеческим книгам. Однако в некоторых случаях были использованы и материалы статистических отчетов (при сопоставлении данных из разных источников, а также сведения о числе купцов, проживающих в городе и сельской местности). Обзор санитарного врача Тулы В.П. Грушецкого (1903 г.) содержит сведения о среднем возрасте заключения горожанами брака.

Регулярно издаваемая в губернии газета «Тульские губернские ведомости» содержит сведения о происшествиях по губернии, а также объявления о завершении судопроизводства по гражданским искам и заключении сделок с недвижимостью. Наибольший интерес в рамках изучаемой темы представляют объявления о продаже имущества за долги с аукциона, поскольку, как правило, в них давалось достаточно подробное описание продаваемого имущества. Ежегодно в газете публиковались сведения о выбытии из купечества каждого уезда семей с перечислением всех их членов. В неофициальной части газеты публиковались историко-статистические обзоры отдельных уездных городов губернии.

До настоящего момента известен крайне узкий круг источников личного происхождения по истории тульского купечества. Так, в коллекции Епифанского музея купечества хранятся воспоминания двух представителей местных купеческих родов – З.П. Плотниковой, дочери В.П. Оводовой, записанные по воспоминаниям ее дочери Н.А. Плотниковой и В.С. Глаголева, внука А.П. Оводова. Воспоминания были переданы родственниками купцов заведующему Епифанской историко-этнографической экспозицией ГВИПМЗ КП С.В. Кусакину. В документах можно найти ценные сведения о внутрисемейных взаимоотношениях, некоторые данные о досуге и образе жизни семей. В.Д. Пришвина, жена М.М. Пришвина в своей книге о жизни писателя¹³², основанной на его дневниках и воспоминаниях, рассказывает о семье матери мужа, белевской купеческой дочери. Также воспоминания потомков купеческих родов о своих старших родственниках встречаются в очерках об отдельных представителях купечества губернии, публикуемых в кра-

---

¹³²Пришвина В.Д. Путь к слову. – М., 1984.

еведческих сборниках (Тени старинного кладбища, Тульский краеведческий альманах).

Автобиографические произведения уроженцев (Г.И. Хрущов-Сокольников¹³³, Г.И. Скребицкий¹³⁴, В.И. Дмитриевский¹³⁵) и гостей Тульской губернии (В. Пашенная¹³⁶, Я.И. Бутович¹³⁷) содержат описания представителей местного купечества, их поведения, образа жизни и т.д., являя собой ценный источник.

В фондах краеведческих музеев области, а также в личных коллекциях краеведов сохранились фотографии купеческих семей, которые служат источником информации о внешнем виде представителей этой социальной группы (одежда, прическа, аксессуары). Преимущественно были использованы фотографии из фондов ГВИПМЗ КП и Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна»), содержащих карточки, соответственно, купцов Епифани и Крапивны.

Использование комплекса разнообразных источников позволило проанализировать широкий круг вопросов по теме исследования. Большинство документов архивных фондов вводятся в научный оборот впервые.

Научная новизна исследования заключается в том, что это первая работа, посвященная комплексному изучению семьи и частной жизни купечества Тульской губернии. Семья и частная жизнь являются достаточно малоизученными по сравнению с предпринимательской и благотворительной деятельностью купечества. В работе впервые проанализированы применительно к условиям конкретной губернии новые правила налогообложения купечества, введенные Положением о пошлинах за право торговли 1863 г.

Подробно рассмотрены подходы, существовавшие в купеческих семьях к образованию детей и их гендерная специфика, предпринята попытка реконструкции быта купечества губернии. Впервые собран и проанализирован материал о

---

¹³³ Хрущов-Сокольников Г.А. Провинция. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1888.

¹³⁴ Скребицкий Г.А. От первых проталин до первой грозы. – М.: Детская литература, 1968.

¹³⁵ Дмитриевский В.И. Ветер в старых липах. – Л.: Советский писатель, 1975.

¹³⁶ Пашенная В. Искусство актрисы. – М.: Искусство, 1954.

структуре купеческих усадеб, организации купеческого жилища, одежде, средствах передвижения купцов Тульской губернии, исследованы формы проведения досуга тульского купечества.

Практическое значение диссертации заключается в том, что автором был собран, систематизирован и проанализирован обширный фактический материал по купеческой семье и частной жизни Тульской губернии. Материалы исследования могут быть использованы для создания обобщающих трудов по истории купечества, для разработки спецкурсов по истории Тульского края, а также в преподавании различных курсов по истории России. Это будет способствовать лучшему пониманию как процессов, протекавших в историческом прошлом России в целом и Тульского региона в частности, так и современного состояния и тенденций развития российской семьи.

Апробация работы. Результаты диссертации обсуждались на кафедре истории и археологии Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого и докладывались на трех конференциях международного и всероссийского уровня. Основное содержание диссертации отражено в 9 публикациях.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и приложений.

---

¹³⁷ Бутович Я.И. Мои Полканы и Лебеди: воспоминания коннозаводчика. – Пермь: Тридцать три, 2003.

1. Купечество Тульской губернии: правовое положение, численность и состав

1.1. Изменение правового положения купечества в пореформенный период

Изучение купеческой семьи невозможно без подробного рассмотрения вопросов законодательной регламентации порядка вступления в купечество и приобретаемых членством в гильдиях прав. Какие семьи – по составу, достатку и роду деятельности входили в купечество, и насколько долго сохраняли в нем членство, было обусловлено, в первую очередь, тем правовым полем, в рамках которого существовали купеческие гильдии.

Купечество являлось особой группой в рамках городского сословия, призванной заниматься торгово-промышленной деятельностью в крупных масштабах. Юридический статус купца был учрежден в России Регламентом Главному Магистрату 1721 г., а затем окончательно оформлен Манифестом 17 марта 1775 г. и Жалованной грамотой городам 1785 г. К концу 50-х гг. XIX века купцы по закону имели исключительное право владеть фабриками, заводами, трактирными заведениями, постоянными дворами, вести внутреннюю торговлю с оборотом до 36 тысяч рублей в год для купцов 3 гильдии, 90 тысяч рублей – 2 гильдии, без ограничений – для купцов 1 гильдии¹³⁸. Помимо торговых, купечество обладало и рядом социальных прав и привилегий. Наиболее значимыми сословными правами купечества были свобода от подушной подати, рекрутской повинности, а для купцов первой и второй гильдии – свобода от телесных наказаний, преимущества при поступлении детей в учебные заведения, на военную и гражданскую службу. После непрерывного пребывания в первой гильдии в течение десяти лет купцы имели право

---

¹³⁸ СЗРИ. Т. XI. Ч. II. Устав Торговый. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. Ст. 77–107. – С. 15–21.

перейти в потомственное почетное гражданство¹³⁹. Вступить в гильдию мог почти любой подданный Российской империи из числа «городских обывателей» и всех «свободных состояний», имеющих возможность уплатить положенную пошлину и «выбрать» купеческое свидетельство по тому или иному городу империи¹⁴⁰.

Пошлина представляла собой процент от установленного законом капитала для купцов первой, второй и третьей гильдии. С момента введения вышеописанного порядка причисления в купечество Манифестом 1775 г. размер объявляемого капитала для каждой гильдии и процент с него для начисления пошлины неоднократно менялись. В 1857 г. для причисления к купечеству первой гильдии требовалось объявить капитал в 15 тысяч рублей и уплатить в казну 4 % от этой суммы. Доступ во вторую гильдию купечества давал капитал в 6 тысяч рублей, в третью – 2400 руб. Кроме гильдейского сбора следовало уплатить подать на «сухопутные и водные сообщения», а также на городские и земские повинности, устанавливаемые в каждом регионе собственными Уставами о городских доходах и расходах¹⁴¹. Так, в Тульской губернии сумма городских повинностей составляла в 1860 г. 37 руб. 50 коп., 15 руб. и 6 руб., соответственно, для купцов первой, второй и третьей гильдий¹⁴². Всего за вычетом городских повинностей купцы первой гильдии платили 660 руб., второй – 264 руб. Платежи для купцов третьей гильдии различались по месту проживания: купцы столичных и губернских городов платили 66 руб., остальные – 43 руб. Купеческое свидетельство позволяло содержать в городе, по которому оно было приобретено, до трех лавок. Если лавок было больше, то на каждую дополнительную лавку следовало взять особый билет, стоивший для купцов первых двух гильдий 23 руб., а для состоящих в третьей гильдии – 15 руб.¹⁴³ Вносить в казну процент с капитала приходилось ежегодно, в противном случае членство купца и его семейства в гильдии прекращалось и он выбывал в мещанство или записывался в цех ремесленником, тем самым переходя в «подат-

¹³⁹ Там же. – Ст. 61–76. – С. 13–15.

¹⁴⁰ Исключением были представители духовенства, а также дворяне, находящиеся на государственной и военной службе.

¹⁴¹ СЗРИ. Т. V. Ч. II. Устав о пошлинах. – Ст. 483–487. – С. 102–103.

¹⁴² ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 12408.

¹⁴³ СЗРИ. Т. V. Ч. II. Устав о пошлинах. – Ст. 511, 517. – С. 107–108.

ное», т.е. непривилегированное состояние. Таким образом, законодательство позволяло достаточно свободно как входить в состав купечества, так и покидать его, что делало гильдейцев относительно «открытой» социальной группой, легко подверженной изменениям своего состава. Параллельно с «купеческими» существовали также мещанские и крестьянские торговые свидетельства. Крестьянские свидетельства первых трех разрядов (всего их было шесть) стоили столько же, сколько и гильдейские купеческие свидетельства, но давали несколько меньшие экономические права¹⁴⁴, а социальных привилегий не предоставляли вовсе¹⁴⁵.

Пребывание в купеческом сословии членов семей купцов строго регламентировалось законодательством Российской империи, которое устанавливало, какие родственники главы капитала могут быть внесены в его купеческое свидетельство. В 1857 г. к таковым относились: жена (женщина-купчиха внести мужа в свидетельство не могла), сыновья с женами, незамужние дочери, внуки (если их отцы не взяли отдельное свидетельство на свое имя), незамужние сестры. Дозволялось также и братьям производить торговлю на один нераздельный капитал по одному свидетельству при условии совместного проживания. Племянники-сироты могли числиться в купеческом свидетельстве дяди при условии, что ранее их отцы состояли в том же купеческом капитале. Также существовала норма, которая позволяла по причине «тесноты помещения» лицам, записанным в один купеческий капитал, проживать отдельно. Факт вынужденности такого «раздела» при сохранении общей торговли должны были удостоверить Городской Голова и три купца первой или второй гильдии¹⁴⁶. Для вновь вступающих в гильдию правила были еще строже: присутствие в одном капитале братьев, племянников и прочих дальних родственников не допускалось. Как отмечалось исследователями купечества, «ограничения на запись родственников в один капитал» были обусловлены «фискальными соображениями казны», т.е. стремлением государства увеличить соб-

---

¹⁴⁴ В отличие от купцов первой гильдии крестьяне-обладатели торгового свидетельства первого разряда не могли вести банковской и страховой деятельности.

¹⁴⁵ СЗРИ. Т. XI. Ч. II. Устав Торговый. – Ст. 247–249. – С. 47.

¹⁴⁶ Там же. – Ст. 35–38. – С. 9.

ственный доход от выплат купеческих пошлин при семейных разделах¹⁴⁷. Таким образом, родственники купца сохраняли свою принадлежность к гильдии лишь до тех пор, пока были внесены в купеческое свидетельство, а глава семьи возобновлял капитал. Переход купеческого капитала по наследству был обусловлен уплатой однопроцентной пошлины с объявленного капитала. Исключением были купеческие вдовы и дочери, которые, оставшись без членов семейства мужского пола, могли сохранить купеческий статус с его сословными привилегиями, но не обладали при этом торговыми правами, не записавшись в гильдию и не приобретя свидетельство¹⁴⁸.

Предпринимателю, чей бизнес подпадал под понятие «купеческий», вступить в ряды купечества было необходимо. Ежегодно Городские Думы организовывали генеральную поверку торговли, выявляя торговцев, не имевших соответствующих оборотам их дела свидетельств. Виновных штрафовали и вынуждали приобрести торговые документы. Таким образом, от того, насколько тщательно и беспристрастно осуществлялась поверка органами городской власти (состоящими преимущественно из представителей купечества), в некоторой степени могло зависеть число вступающих в гильдии в том или ином городе¹⁴⁹.

Существовала также категория «гостей» – купцов, которые, приобретая гильдейское свидетельство с сопутствующими ему экономическими привилегиями, не вписывали в него свои семьи и сохраняли прежнюю сословную принадлежность. «Гостями» были иногородние купцы и члены их семейств, выступающие в роли приказчиков, предприниматели из дворян, имевшие куда более широкие права, нежели купечество, а также мещане и крестьяне, еще не получившие согласия своих обществ на перечисление в купечество¹⁵⁰.

С другой стороны, вступив в гильдию и обретя тем самым весь набор купеческих прав, семейство было отнюдь не обязано вести торгово-промышленную

---

¹⁴⁷ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. – С. 50.

¹⁴⁸ СЗРИ. Т. XI. Ч. II. Устав Торговый. – Ст. 54. – С. 12.

¹⁴⁹ Поверку осуществлял Городской Купеческий Староста и гласные, а в крупных городах еще и Торговые Депутации из 3–7 купцов, «заслуживших доверие общества».

¹⁵⁰ Там же. – Ст. 19–21. – С. 6–7.

деятельность. Купеческое свидетельство выбиралось порой исключительно ради тех или иных сословных привилегий. Так, представитель известной в Туле семьи пряничников купец Р.Л. Гречихин в ходе судебного разбирательства со своими братьями утверждал, что их отец вступил в купечество вовсе не по оборотам своей торговли, которой на тот момент даже не вел, а чтобы уберечь сыновей от рекрутской повинности¹⁵¹. По роду своей деятельности такие «неторгующие купцы» зачастую были приказчиками у других предпринимателей.

Говоря о преимуществах социального статуса купца с точки зрения тех или иных групп населения, стоит упомянуть о судьбе купчихи Е.А. Маликовой. Будучи мещанской девицей (документы фиксируют ее семейный статус) в относительно молодом возрасте (ок. 1831 г.р.) она в одиночку объявила 1863 г. купеческий капитал на 1864 г. Но уже через месяц Елизавета Андреевна сообщила городской думе, что после бракосочетания с потомственным дворянином И.И. Бонч-Бруевичем «не имеет надобности» в выданных документах на право торговли¹⁵². В рассматриваемый период зафиксирован ряд похожих ситуаций: по одному году пробыли в купечестве Тулы одинокие Е.И. Мурзина (девица, ок.1838 г.р.) в 1859 г., А.П. Оводова в 1866 г., У.А. Безрукова и К.И. Ливенцева в 1888 г., А.В. Васильева (ок. 1879 г.р.) в 1903 г., М.В. Дмитриева в 1906 г. Девица М.И. Храмчинская (1839 г.р.) четырежды вступала в купечество Тулы – в 1868, 1878, 1882 и 1884 гг., постоянно проживая при этом в Воронежском уезде¹⁵³. Каждый раз ее пребывание в гильдии длилось не более 1–2 лет. Окончательно купечество Храмчинская покинула в 1885 г., выйдя замуж. Напротив ее фамилии в купеческом списке была сделана карандашная пометка «генеральша». Подобные совпадения позволяют выдвинуть предположение, что временное членство в купечестве рассматривалось богатыми невестами как способ поднять свой социальный статус в

---

¹⁵¹ ГАТО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 137. Л. 31.

¹⁵² ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 13521. Л. 3.

¹⁵³ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 4. Д. 6152.

глазах будущего мужа. Аналогичные наблюдения и выводы были сделаны и исследователями купечества других регионов¹⁵⁴.

Встречались ситуации, когда купец, записываясь с семейством в купечество одного города, фактически проживал и вел дела в другом, который мог быть расположен даже за пределами губернии. Так, в среде тульского купечества начала 1860-х годов существовала группа купцов-старообрядцев, проживавших в Екатеринбурге и Перми, которые в своих заявлениях на вступление в купечество указывали, что не ведут торговлю в Туле. Год от года число купцов из Пермской губернии в Туле росло. Если в 1860 г. их было двое, то в 1861 г. – уже четверо, а в 1862 г. – семеро. Возможно, данный факт имеет отношение к проводимой с 1835 г. правительством Николая I политике ущемления сословных прав купцов-старообрядцев в целях противодействия распространению раскола¹⁵⁵. Видимо, запись в гильдии в родном городе для уральских купцов в эти годы была затруднена¹⁵⁶ и некоторые из них обратились к тульским единоверцам, воспользовавшись традиционными связями Тулы с Уральским регионом. В числе тульских купцов-старообрядцев были достаточно известные и влиятельные в городе люди (К.Д. Сушкин, Р.Р. Черников), но их доля в купечестве (в 1862 г. всего 13 человек – 4,8 % купечества города) была отнюдь не столь велика, чтобы всерьез беспокоить городские власти. Вступая в гильдии по Туле, уральские старообрядцы получали купеческий статус, а для торговли в своем регионе им было достаточно приобрести дополнительное свидетельство и стать «гостем». К тому же у купца третьей гильдии был ряд экономических прав, не связанных с местом приобретения купеческого свидетельства¹⁵⁷. После 1863 г. все уральские купцы-старообрядцы вышли из тульского купечества.

¹⁵⁴ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ульяновск, 2005. – С. 149.; Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ярославль, 2000. – С. 74.

¹⁵⁵ Архипова Е.А. Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I // Журнал Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 25. – С. 41–49.

¹⁵⁶ Мингалев В. Краткая история пермской старообрядческой общины [Электронный ресурс] // Остров веры. 2004. – № 2–3. URL: http://www.miass.ru/news/ostrov_very/index.php?id=14&text=181 (30.07.2015.)

¹⁵⁷ Купец третьей гильдии мог свободно закупать товар по всей стране, вступать в казенные подряды и откупа на сумму до 6 тысяч рублей, заключать в пределах этой же суммы частные контракты, вести оптовую заграничную торговлю (до 36 тысяч рублей).

С началом эпохи Великих реформ, как правовое положение купечества, так и социально-экономические условия его деятельности существенно изменяются. «Положение от 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», сняло многие ограничения для крестьянства при занятии торгово-промышленной деятельностью и предоставило им возможность причисляться в купечество. Императорским указом от 17 мая 1864 г. от обязательных работ на Тульском оружейном заводе были освобождены тульские оружейники, также приобретающие право записываться в купечество. Тем самым произошло расширение социальной базы для формирования купечества Тульской губернии и созданы условия для возрастания конкуренции в торгово-промышленной сфере.

«Положение о пошлинах на право торговли и промыслов», вступившие в действие с начала 1863 г. и дополненное законом от 9 февраля 1865 г., сократило количество купеческих гильдий до двух, расширило торговые привилегии купечества, изменив при этом порядок исчисления пошлины. Были ликвидированы особые крестьянские торговые свидетельства, уравнивая это сословие в торговых правах с купечеством. На каждую из своих лавок купцы выкупали гильдейские свидетельства и билеты, стоимость которых для купцов второй гильдии зависела не от условного «купеческого капитала», а от класса местности, в которой производил торговлю или промысел купец. Всего классов было пять: губернский город Тула относился ко II классу, а все уезды губернии кроме Новосилья и Черни – к IV. Новосиль и Чернь были отнесены к V классу. Купеческие свидетельства по второй гильдии для II, IV и V классов местности стоили, соответственно, 55, 35 и 25 руб., билеты на лавки – 17, 10 и 5 руб.¹⁵⁸ Купеческое свидетельство первой гильдии стоило 265 руб. независимо от класса местности, а вот цены билетов на лавки уже различались: для местности II класса они стоили по 25 руб., для IV и V классов, соответственно, 15 и 10 руб. Государственные, губернские и земские повинности устанавливались в размере 65 руб. для первой и 15 руб. для второй гильдий. Однопроцентный налог на переход по наследству купеческого капитала

отменялся. Кроме того, на каждого купеческого мужчину, достигшего 17-летнего возраста, ежегодно требовалось брать свидетельство, заменявшее паспорт. Только для самого главы капитала такое свидетельство обходилось по «цене бумаги» (1 руб.), для всех остальных членов семейства приходилось уплачивать за каждое свидетельство по первой гильдии 10 руб., а по второй – 5 руб.¹⁵⁹ Ранее, по Уставу паспортному, паспорта членам купеческого сословия выдавались в пределах срока действия купеческого свидетельства бесплатно, а глава капитала должен был заплатить однопроцентную пошлину от объявленного им капитала¹⁶⁰.

Таким образом, для купечества губернских городов обложение возрастает: до реформы купцы третьей гильдии в Туле платили как минимум 72 руб. (Таблица 1), а со второй половины 1863 г., когда вступили в действие все основные пункты нового Положения о пошлинах на право торговли, цена пребывания во второй гильдии при наличии хотя бы одной лавки и с учетом городской повинности (составлявшей в Туле 15 руб.), не могла оказаться меньше 102 руб. Наличие в семье сыновей старше 17 лет вело к еще большему увеличению указанной суммы.

Таблица 1

**Размер обложения купечества г. Тулы с уездом по законодательству
1857 и 1863 гг.¹⁶¹**

Гильдии	К 1857 г.				С 1863 г.				
	Гильдейское свидетель- ство, руб.	Земские по- винности, руб.	Городские повинности, руб.	Итого, руб.	Гильдейское свидетель- ство, руб.	Билет на лавку, руб.	Земские по- винности, руб.	Городские повинности, руб.	Итого, руб.
1	600	60	37,5	697,5	265	25	65	37,5	392,5
2	240	24	15	279	55	17	15	15	102
3	60	6	6	72	-	-	-	-	-

¹⁵⁸ Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 г. Ч. II. Статьи к части V. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. – Ст. 28, 29. – С. 75, 85–87.

¹⁵⁹ Там же. – Ст. 464. – С. 58–59.

¹⁶⁰ СЗРИ. Т. XIV. Устав о паспортах и беглых. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 96, 97. – С. 19.

¹⁶¹ Составлено по СЗРИ. Т. V. Ч. II. Устав о пошлинах. – Ст. 483–487, 511, 517. – С. 102–103, 107–108.; Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 г. Ч. II. Статьи к части V. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. – Ст. 28, 29. – С. 75, 85–87.

Для первой гильдии размер обложения с 1863 г. составлял 392 руб. 50 коп, что намного меньше по сравнению с платежами дореформенной первой гильдии (697 руб. 50 коп.), но заметно больше дореформенной второй гильдии (279 руб.).

Ситуация в уездных городах была несколько иной (Таблица 2). Для купцов третьей гильдии, переведенных с 1863 г. во вторую, налоговые выплаты несколько снизились (особенно в местностях V класса), а для купечества второй гильдии, пожелавших перечислиться в первую, возросли. Снизился размер обложения уездных первогильдейцев, оставшихся в первой гильдии после 1863 г. В итоге, хотя формально и была ликвидирована третья гильдия, фактически можно констатировать отмену первой, сопровождавшуюся увеличением налогового бремени для купечества крупных городов и некоторым снижением пошлин для предпринимателей из уездов.

Таблица 2

**Размер обложения купечества уездов Тульской губернии
по законодательству 1857 и 1863 гг.¹⁶²**

	к 1857 г.				с 1863 г.							
	Свидетельство, руб.	Земские повинности, руб.	Городские по- винности, руб.	Итого, руб.	Свидетельство, руб.		Билет на лавку, руб.		Земские повинности, руб.	Городские повинности, руб.	Итого, руб.	
Класс местности	-	-	-	-	IV кл.	V кл.	IV кл.	V кл.	-	-	IV кл.	V кл.
1 гильдия	600	60	37,5	697,5	265		15	10	65	15	360	355
2 гильдия	240	24	15	279	35	25	10	5	15	6	66	51
3 гильдия	60	6	6	72	-		-		-	-	-	

Стоит также отметить, что «Положение о пошлинах на право торговли» 1863 г. сужало круг членов семьи, имевших право числиться в одном купеческом капитале. Из него были изъяты братья и племянники главы семейства. Исключение допускалось лишь в двух случаях: если братья состояли в одном капитале до

принятия Положения 1863 г. и если братья или племянники главы капитала были несовершеннолетними – впредь до достижения ими совершеннолетия¹⁶³. Исполняя новый закон, Тульская городская дума в 1863 г. приняла решение приостановить выдачу купеческих свидетельств совершеннолетним купеческим племянникам¹⁶⁴, что вынудило несколько купеческих семей провести семейные разделы (семьи И.А. Щукина, А.Е. Каширского, П.Д. Коробкова, П.П. Сушкина) или же исключить племянников в мещанство (семьи С.И. Трухина, Р.Л. Гречихина, Н.И. Черникова)¹⁶⁵. В 1865 г. закон был уточнен. Теперь допускалось пребывание в едином капитале не только братьев с семействами, но и их вдов и детей (но не внуков) в случае, если отец последних состоял при нераздельном капитале до принятия нового Положения о пошлинах¹⁶⁶. Это обстоятельство позволило в 1886 г. Тульской казенной палате положительно отозваться на запрос купца С.П. Жукова о праве оставить в своем купеческом свидетельстве совершеннолетних племянников¹⁶⁷.

С изменением числа гильдий изменился и порядок причисления для купечества в потомственное почетное гражданство. Теперь для получения этого статуса купеческому семейству нужно было непрерывно пробыть в первой гильдии двадцать лет, не подвергаясь торговой несостоятельности или судебному приговору. Причем в законе 1865 г. было сделано пояснение, что каждый год пребывания купца в первой гильдии до 1863 г. засчитывался за два года пребывания в первой гильдии после 1863 г.¹⁶⁸ Это косвенно подтверждает сделанный вывод о фактической ликвидации не третьей, а первой гильдии.

В дальнейшем налоговое обложение купечества росло за счет увеличения сословных пошлин и повинностей в государственную, губернскую и местную

¹⁶² Составлено по СЗРИ. Т. V. Ч. II. Устав о пошлинах. – Ст. 483–487, 511, 517. – С. 102–103, 107–108; Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 г. Ч. II. Статьи к части V. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. – Ст. 28, 29. – С. 75, 85–87.

¹⁶³ Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 г. Ч. II. Статьи к части V. Положение о пошлинах. – Ст. 64–76. – С. 80–82.

¹⁶⁴ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 13529.

¹⁶⁵ Там же. Д. 13578.

¹⁶⁶ Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 году. С 1 января 1864 г. по 31 декабря 1867 г. Ч. I. Статьи к части V. Положение о пошлинах. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – Ст. 78. – С. 71.

¹⁶⁷ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 8836. Л. 3.

¹⁶⁸ СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Ст. 514. – С. 61.

казну (государственная земская, губернская и уездная земская, городская повинности, платеж в казну, дополнительная пошлина в казну и др.). Так, в результате введения Земской реформы 1864 г. бывшие земские сборы были разделены на три части: государственные (с 1875 г. их промысловая часть была включена в состав государственного промыслового налога, увеличив его размер), губернские и уездные, частные. Облагаемой базой губернских и уездных земских сборов, как и прежде, выступали промысловые свидетельства. Столкнувшись с быстрым ростом земских сборов, власти законодательно ограничили их Правилами от 21 ноября 1866 г. 25 % от стоимости гильдейских свидетельств¹⁶⁹. Закон от 6 июня 1884 г. повышал с 1885 г. стоимость гильдейского свидетельства первой гильдии до 565 руб., а второй – до 95, 55 и 40 руб. (соответственно, по II, IV и V классам местности)¹⁷⁰. Была повышена и стоимость билетов на лавки. При этом земские сборы были ограничены 15 % от стоимости гильдейского свидетельства. В итоге купечество Тулы уплачивало к концу 1880-х гг. как минимум 150 руб. 10 коп. по 2 гильдии и 790 руб. 50 коп. по 1 гильдии.

Параллельно росту обложения с гильдейских свидетельств шел процесс утраты купечеством своих социальных привилегий. Так, телесные наказания постепенно были отменены для большинства групп общества: закон от 17 апреля 1863 г. отменил телесные наказания как меру уголовного наказания, а указ 1864 г. – как дисциплинарную меру в средних учебных заведениях. К началу XX века телесные наказания остались лишь способом наказания крестьянства по приговорам волостных судов, ремесленных учеников, ссыльнокаторжных и поселенцев мужского пола (также ограниченно применялись в армии и на флоте). Подушная подать с мещан и цеховых была отменена в 1866 г., а для всех остальных податных сословий (за исключением жителей Сибири) – с 1887 г. Но самой значимой статусной потерей для купечества, видимо, было введение всесословной воинской повинности в 1874 г. С развитием системы образования звание потомственного почетного гражданина (в отличие от купеческого – наследуемого и не требовав-

---

¹⁶⁹ Гензель П.П. Промысловое обложение в России (опыт критического исследования). – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1900. – С. 62–63.

шего ежегодных сословных платежей) было проще получить, окончив высшее учебное заведение, нежели состоя «сряду двадцать лет» купцом первой гильдии.

В итоге из оставшихся к концу века сословных привилегий¹⁷¹ купечества практическую значимость имела, пожалуй, лишь паспортная льгота. Согласно Уставу о паспортах, введенному с 1895 г., представители купечества наряду с дворянством, офицерами, почетными гражданами и разночинцами получали бессрочные паспорта, в то время как остальным категориям населения они выдавались на срок от года до пяти лет¹⁷².

Однако для лиц иудейского вероисповедания, существенно ограниченных в своих правах дореволюционным российским законодательством, купеческий статус не утрачивал своей значимости вплоть до конца изучаемого периода. По закону от 16 марта 1859 г. купцы первой гильдии после пяти лет состояния в ней могли переселиться за черту оседлости во внутренние губернии Российской империи¹⁷³. Постоянное пребывание в первой гильдии в течение десяти лет вне черты оседлости давало право впоследствии перейти во вторую или третью гильдию, а также в мещанство, оставаясь на новом месте жительства. Обеспеченные еврейские семейства, вступая в первую гильдию, местом своего пребывания чаще всего выбирали столичные города, поэтому до конца 1890-х гг. еврейские семейства в тульском купечестве встречались сравнительно редко (с 1858 по 1878 зафиксировано 5 случаев). Так, в 1858 г. по Белеву в первой гильдии состояло семейство Ф.С. Абрамовича, покинувшее купечество губернии уже к концу 1860-х гг. Законом 1867 г., давшим право отставным военным селиться в месте прохождения службы¹⁷⁴, воспользовались в 1870-е гг. семейства М.И. Зафрена и Л.Б. Берковича в Туле и Б.И. Кагана в Кашире. В 1890-е гг. в купечество Тулы причисляется уже 12 еврейских семейств – частью из местных ремесленников (еврей-ремесленники

---

¹⁷⁰ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 4. Д. 8036. Л. 4.

¹⁷¹ В их числе: возможность получения за особые заслуги почетных званий Мануфактур-Советников и Коммерции Советников, право быть награжденным медалями и орденами, носить шпагу или саблю, приезжать к Императорскому Двору, носить форменный губернский мундир.

¹⁷² СЗРИ. Т. XIV. Устав о паспортах. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Ст. 38, 39, 42, 44–46, 64. – С. 7–8.

¹⁷³ ПСЗРИ-II. Т. XXXIV. – № 34248. – С. 206–207.

¹⁷⁴ Там же. Т. XLII. Ч. 1. – № 44745. – С. 997–1003.

также получили в 1860-е гг. право жить вне черты оседлости), частью из других регионов империи. 22 января 1899 г. был принят закон, существенно затруднявший для евреев причисление в купечество первой гильдии по Москве и Московской губернии¹⁷⁵. Итогом стал заметный приток еврейских семейств в купечество Тульской губернии. С 1899 по 1908 гг. в купечество Тулы (преимущественно в первую гильдию) вступило уже 46 еврейских семейств, а с 1909 по 1917 – еще 56 семейств. Появление еврейских семей из черты оседлости в конце XIX в. фиксируется и по другим городам европейской части России¹⁷⁶.

Принятие «Положения о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 г., вступившего в действие с начала 1899 г., ликвидировало привязку торговых и промышленных прав к необходимости приобретения купеческого свидетельства¹⁷⁷. Покупая свидетельства на свои торговые или промышленные предприятия, предприниматели теперь были не обязаны вступать в купечество. А вот получить купеческий статус и сопряженные с ним сословные преимущества можно было лишь обладая промышленным или торговым свидетельством определенного типа¹⁷⁸. Свидетельства отличались по разрядам в зависимости от приносимой предприятием прибыли и от класса местности, в которой они располагались. Тула была отнесена ко II классу, а все ее уездные города – к последнему, IV классу. Всего по торговле выделялось 4 разряда, а по промышленности – 8. Как и прежде, даже не занимаясь торговлей или производством, можно было вступить в ряды купечества – достаточно было уплатить промысловый налог в определенных масштабах. Право на приобретение сословного купеческого свидетельства давало по I гильдии свидетельство на торговое предприятие I разряда (цена не зависела от класса местности и составляла 500 руб.) или промышленное предприятие 1-3 разрядов (соответственно, 1500, 1000 и 500 руб. не зависимо от класса местности). По второй гильдии нужно было иметь торговое свидетельство 2 разряда (в мест-

¹⁷⁵ ПСЗРИ–III. Т. XIX. – № 16384. – С. 43.

¹⁷⁶ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – С. 37–38; Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв. – С. 107.

¹⁷⁷ СЗРИ. Т. V. Положение о государственном промысловом налоге. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Ст. 366, 368, 409. – С. 44, 52, 114–116.

¹⁷⁸ СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Ст. 532, 533, 535. – С. 65–66.

ностях II класса – 100 руб., IV класса – 50 руб.) или промысловое 4-5-разрядов (150 и 50 руб. повсеместно). За право именоваться «купцом» приходилось доплачивать за сословное свидетельство 50 или 20 рублей (в зависимости от гильдии), а в 1906–1908 гг. – 75 и 30 руб. (законом от 2 января 1906 ставки гильдейского сбора были повышены). Т.е. для «неторгующих купцов» плата за статус с 1899 г. составляла как минимум 70 руб. по второй и 550 руб. по первой гильдии. Купечество облагалось также и местными сборами, из которых как «обязательный» в законе был прописан сбор на содержание коммерческих учебных заведений (в Туле он составлял 50 и 15 руб. в зависимости от разряда свидетельства). Земские и городские сборы, как и прежде, ограниченные 15 % от стоимости промыслового свидетельства¹⁷⁹, по Туле с плательщиков промыслового налога составляли от 14 до 150 руб. по свидетельствам «купеческих» разрядов. В итоге плата за право именоваться «купцом», видимо, мало изменилась или даже несколько снизилась для тех, кто не вел реальной предпринимательской деятельности. Обложение же коммерсантов, ведших крупную и прибыльную торговую или производственную деятельность, напротив, усилилось¹⁸⁰. Так, кроме основного промыслового налога, заключавшегося в выборке соответствующих промысловых или торговых свидетельств, был введен и дополнительный налог в виде процента от прибыли предприятий или раскладочного с них сбора. Таким образом, как отмечал Ю.М. Гончаров, объектом налогообложения становилось предприятие, а не его владелец¹⁸¹.

Купечество, правовой статус которого утратил непосредственную связь с предпринимательской деятельностью, еще сохранялось как особая социальная группа вплоть до 1917 г., когда декретом советской власти все сословия в России были упразднены.

---

¹⁷⁹ Гензель П.П. Промысловое обложение в России. – С. 62.

¹⁸⁰ Иловайский С.И. Учебник финансового права. – Одесса: Типо-хромолитография А. Ф. Соколовского, 1904. – С. 133.

¹⁸¹ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 93.

1.2. Динамика числа купеческих капиталов

Для лучшего понимания изменений, коснувшихся купеческой семьи в эпоху капиталистической модернизации, необходимо проанализировать динамику состава и численности купечества Тульской губернии в изучаемый период.

К 1858 г. в Тульской губернии насчитывалось в общей сложности 1319 купцов-глав капиталов (Таблица 3). Наибольшая их доля проживала в Туле (18,7 %), Ефремове (13,0 %) и Белеве (12,7 %). В Туле помимо знаменитого Императорского Оружейного завода существовали десятки фабрик и заводов, главным образом ориентированных на выпуск изделий из металла (самоваров, слесарного инструмента, замков, колоколов и др.). Но были также и предприятия по производству гармоней, кафеля, мыла, кож, щетины и др. Большинство названных товаров являлись предметом экспорта в другие губернии империи. Остальные уезды Тульской губернии имели преобладающую сельскохозяйственную ориентацию. Хлеб, сало, воск, пенька, кожи, сахар, крахмал, крупный и мелкий рогатый скот продавались как на месте, так и поставлялись в другие регионы Тульской губернии, в Калужскую губернию, на Нижегородскую ярмарку и в Москву. Перевозки товаров осуществлялись гужевым и речным транспортом, железных дорог к концу 1850-х гг. в Тульской губернии еще не было. Специфику каждого уезда во многом определяла его принадлежность к черноземной (Чернь, Новосиль, Ефремов, Епифань, Богородицк, частично Крапивна) или нечерноземной (Алексин, Кашира, Одоев, частично Венев и Белев) полосе, наличие удобных транспортных маршрутов. Так, Ефремовский уезд, самый большой по площади в губернии (3624 кв. версты)¹⁸², граничил с тремя губерниями – Орловской, Тамбовской и Рязанской, располагаясь на пересечении торговых путей и обладая богатыми черноземом почвами. Город Ефремов к 1858 г. был вторым по численности населения после Тулы, быстро развиваясь на торговле зерновыми, картофелем, сахарной свеклой и продукцией их переработки. Через Ефремов шла активная транзитная торговля. Белевский же уезд, напротив, был наименьшим по размерам в губернии (1532,9

---

¹⁸²Около 3, 87 км².

кв. верст)¹⁸³, а его почвы не отличались плодородием. Однако город Белев был выгодно расположен, являясь крупнейшей пристанью в верховьях Оки, единственной судоходной реки в Тульской губернии. К середине XIX в. Белев стал вторым после Тулы торговым центром губернии, приобретая славу «купеческого» и специализируясь на производстве, переработке и продаже кож, пеньки и конопляного масла.

Таблица 3

Численность купцов-глав капиталов в Тульской губернии в 1858–1888 гг.¹⁸⁴

Город с уездом	1858 г.	1868 г.		1878 г.		1888	
	Кол-во, чел.	Кол-во, чел.	Динамика, %	Кол-во, чел.	Динамика, %	Кол-во, чел.	Динамика, %
Тула	247	279	13	314	12,9	233	-25,8
Алексин	62	44	-27,9	22	-50	11	-50
Белев	168	130	-22,6	57	-57,1	60	5,3
Богородицк	103	94	-8,7	59	-37,9	59	0,0
Венев	96	60	-37,5	30	-50,8	32	6,7
Епифань	68	75	10,3	36	-53,2	39	8,3
Ефремов	172	152	-11,6	101	-33,6	93	-7,9
Кашира	90	51	-43,3	28	-45,1	26	-7,1
Крапивна	95	99	4,2	64	-35,4	62	-3,1
Новосиль	47	108	129,8	73	-34,2	60	-17,8
Одоев	110	87	-20,9	43	-50,6	32	-25,6
Чернь	61	89	45,9	52	-42,2	45	-13,5
Всего	1319	1268	-3,9	879	-31,3	752	-14,4

В период 1858–1868 гг. при общем незначительном сокращении числа купцов - глав капиталов по губернии (на 51 семью, около 4 %), количество купеческих семейств в уездах губернии изменялась разнонаправленно. Так, ряд уездов

¹⁸³ Около 1, 62 км².

¹⁸⁴ Составлено по материалам ГАТО Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11923; Там же. Т. 8. Д. 17355, 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 18420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Ф. 518. Оп. 1. Т. 6. Д. 14162; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 11162.

отличает значительное сокращение числа выбранных купеческих свидетельств (Алексин, Белев, Венев и Кашира), а два уезда – Чернь и Новосиль, резкое их возрастание (на 45,9 % и 129,8 % соответственно). Как было показано выше, именно Чернь и Новосиль Положением о пошлинах на право торговли 1863 г. были отнесены к V классу местности, что делало здесь купеческие свидетельства и билеты на лавки более дешевыми, чем во всех остальных уездах губернии. Также в столь резком росте привлекательности Новосилия и Черни для купечества могло сыграть роль то обстоятельство, что граничивший с ними Мценский уезд Орловской губернии принадлежал к III классу местности.

На значительное увеличение чернского купечества могло повлиять и то, что открывшиеся в 1868 г. движение по Московско-Курской железной дороге прошло через Чернский уезд, где была открыта станция Чернь (в 12 верстах от уездного города). Также от прокладки железной дороги выиграл Крапивинский уезд (но не сам город Крапивна), в селениях которого (Ясенки, Сергиево¹⁸⁵, Пеньково¹⁸⁶) были открыты железнодорожные станции. Новая магистраль изменила сложившуюся в регионе систему торговли сельскохозяйственной продукцией, которой занималось большинство уездных купцов. Власти Венева в 1878 г. жаловались, что после прокладки железной дороги хлебная торговля в уезде «угасла»¹⁸⁷, а в Белеве констатировали, что из-за магистрали их город, прежде бывший центром транзита сельскохозяйственных товаров, утратил эту свою роль¹⁸⁸. К тому же Ока во второй половине XIX века стала мелеть, что подрывало торговлю в городах-пристанях – Белеве, Кашире и Алексине.

Б.Н. Миронов констатировал падение привлекательности купеческого звания, не передававшегося по наследству, в глазах сельских и городских жителей в пореформенный период¹⁸⁹. Действительно, к 1878 г., когда принадлежность к купеческому сословию уже не позволяла избежать службы в армии, сокращение

¹⁸⁵ В настоящее время город Щекино.

¹⁸⁶ В настоящее время город Плавск.

¹⁸⁷ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 262. – С. 240.

¹⁸⁸ Там же. – С. 263.

¹⁸⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 116

численности глав капиталов происходит во всех уездах губернии (кроме Тулы). Несмотря на экономический подъем 1870-х гг., снижение числа купеческих капиталов оказалось куда более значительным, чем в предыдущее десятилетие – в целом по губернии на 31,3 %. Ежегодные данные о количестве купеческих капиталов по Тульской губернии (Таблица 4) свидетельствуют о резком сокращении их числа в 1875 г., когда была введена всеобщая воинская повинность.

Таблица 4

Изменение численности купечества Тульской губернии в 1873–1876 гг.¹⁹⁰

Город с уездом, Тула	1873 г.			1874 г.			1875 г.			1876 г.		
	Семей вступило	Семей выбыло	Прирост	Семей вступило	Семей выбыло	Прирост	Семей вступило	Семей выбыло	Прирост	Семей вступило	Семей выбыло	Прирост
Тула	22	25	-3	19	16	3	15	59	-44	13	21	-8
Алексин	6	3	3	4	3	1	2	24	-22	2	1	1
Белев	3	7	-4	8	5	3	1	36	-35	1	5	-4
Богородицк	20	4	16	7	15	-8	3	56	-53	4	8	-4
Венев	4	7	-3	3	6	-3	1	25	-24	3	6	-3
Епифань	7	7	0	4	12	-8	1	43	-42	2	5	-3
Ефремов	15	20	-5	7	21	-14	13	52	-39	4	9	-5
Кашира	1	5	-4	4	3	1	4	19	-15	4	5	-1
Крапивна	13	14	-1	7	8	-1	2	49	-47	4	10	-6
Новосиль	13	10	3	5	5	0	9	40	-31	3	11	-8
Одоев	8	12	-4	3	7	-4	3	38	-35	2	1	1
Чернь	19	12	7	10	11	-1	9	53	-44	6	8	-2
Всего	131	126	5	81	112	-31	63	494	-431	48	90	-42

Близкую дату, 1876 г., фиксирует и Л.Н. Галимова как время наибольшего оттока из купечества Симбирска во второй половине XIX века¹⁹¹. Видимо, отмена

¹⁹⁰ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17808, 17931.

¹⁹¹ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Ульяновск, 2005. – С. 40.

этой важнейшей привилегии ускорила вымывание из купечества семейств, для которых цена пребывания в гильдии перестала себя оправдывать. При этом в столице губернии и крупном центре металлургического производства, каким являлась Тула, эти процессы отчасти компенсировались притоком в купечество новых предпринимателей. Так, пережив, как и прочие города губернии, резкий отток семейств из купечества в 1875 г., Тула к концу 1870-х гг. все же сохранила положительную динамику численности сословия по сравнению с предыдущим десятилетием.

В уездах губернии оказалось куда больше малосостоятельных купцов, нежели в Туле. Более чем наполовину к 1878 г. снизилось количество купеческих капиталов в Белеве, Алексине, Епифани, Веневе и Одоеве, страдавших от изменения торговых маршрутов в губернии. Напротив, в уездах, попавших в орбиту развития новых железнодорожных магистралей, снижение числа купеческих капиталов шло медленнее. Так, по территории Крапивны и Черни проходила уже упомянутая Московско-Курская железная дорога, приносящая, как отмечалось в «Обзоре Тульской губернии за 1878 г.» все «больше и больше торговой деятельности в местности, на ней лежащей»¹⁹². Но к концу 1870-х гг. это была уже не единственная железная дорога в Тульской губернии. В 1868 г. через южную часть Ефремовского уезда была проложена Елецко-Грязская дорога¹⁹³, не затронувшая, однако, сам город Ефремов. Через Новосильский уезд прошла Ливенская узкоколейная дорога в 1871 г. Наконец, Ряжско-Вяземская железная дорога¹⁹⁴ и ее Елецкая ветка в 1872–1874 гг. пролегли по территории Ефремовского, Епифанского, Богородицкого и Алексинского уездов. Однако составители «Обзора» констатировали, что все перечисленные железные дороги, «как недавно открытые», не успели еще оказать существенного влияния на развитие мест, по которым проходили. Доказательством этому может послужить в первую очередь Алексин, купечество которого сократилось наполовину, несмотря на появление в непосредственной близости от города железнодорожной станции Ряжско-Вяземской дороги с одноименным

---

¹⁹² Обзор Тульской губернии за 1878 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1879. – С. 9.

¹⁹³ Впоследствии Орловско-Грязская железная дорога.

названием Алексин-Ока. Железнодорожная станция не смогла компенсировать убытков от снижения оборотов торговли хлебом по Оке (в 1878 г. она была уже ограничена лишь временем весеннего паводка). Еще меньше повезло Епифани: ветка железной дороги хоть и прошла через ряд сел уезда¹⁹⁵, но от самого города оказалась на расстоянии 15 километров. В целом, Рязско-Вяземская дорога играла второстепенную роль, так как не была доведена до Воронежа¹⁹⁶. Расширение железнодорожной сети сужало охват каждой из ее станций, открывало доступ на хлебные рынки дешевой продукции южных губерний с которой не могли конкурировать товары черноземных уездов Тульской губернии¹⁹⁷.

К концу 1880-х годов количество купеческих семейств в большинстве уездов губернии стабилизировалось, демонстрируя от города к городу или незначительный рост, или небольшое снижение. При этом условия для коммерции в регионе сложно назвать благоприятными: уезды Тульской губернии страдали от неурожая и снижения цен на продукцию сельского хозяйства, что приводило в упадок местную торговлю (в эти годы отмечается развитие винокурения из картофеля как способа с наибольшей выгодой переработать сырье, не находящее иначе сбыта¹⁹⁸). Нельзя забывать и о существенном повышении стоимости гильдейских свидетельств с 1885 г. Тенденцию к сокращению числа купеческих капиталов в 1880-е гг. фиксируют исследователи как купечества Москвы¹⁹⁹, так и городов Западной Сибири²⁰⁰. Тем не менее, по Тульской губернии темпы сокращения купечества замедлились по сравнению с предшествующим десятилетием (в среднем 14 % против 31 % в 1868–1878 гг.). Возможно, это объясняется тем, что основная масса предпринимателей, затруднявшихся с сохранением купеческого статуса, выбыла из гильдий в предыдущий период.

¹⁹⁴ Впоследствии Сызрано-Вяземская железная дорога.

¹⁹⁵ Современные города Кимовск, Донской и Узловая.

¹⁹⁶ Малеванов Н.А., Сафронов Е.Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – Тула: Пересвет, 2001. – С. 69.

¹⁹⁷ Симонова Е.В. Города Тульской губернии во второй половине XIX в. – Тула: Изд-во ТГПУ, 2002. – С. 91.

¹⁹⁸ Обзор Тульской губернии за 1878 г. – С. 13.

¹⁹⁹ Гавлин М.Л. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в предреформенный период // Исторические записки. Т. 92. 1973. – С. 345.

²⁰⁰ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – С. 98.

В нескольких уездах сокращение числа купцов в 1878–1888 гг. было более значительным. Так, обращает на себя внимание Алексин, в котором количество купцов вновь снизилось на 50 % – с 22 до 11 человек. Существенно снижается (на 25 %) и число купеческих капиталов по Одоеву, по-прежнему не имевшему доступа к железным дорогам. Впервые за пореформенный период демонстрирует заметную отрицательную динамику численность купечества Тулы (также снижение на 25 %). В это время традиционная для города отрасль металлообработки переживала нелегкие времена. Кустарной промышленности становилось трудно конкурировать с крупным машинным производством²⁰¹. Сокращение числа купечества по Туле ускорилось после банкротства банка купцов Сушкиных в 1884 г., приведшего к целой волне разорений в условиях распространенной среди российских предпринимателей системы взаимного кредитования. Губернские власти сетовали в 1890 г., что в 1880-е гг. развитие торговли подстегивало существование почти во всех уездных городах общественных банков, дававших чересчур легкий кредит, что и привело к падению большей их части (из 12 общественных банков удалось уцелеть лишь 4 – в Веневе, Белеве, Крапивне и Новосиле)²⁰². В 1884–1885 гг. купечество Тулы сократилось сразу на 46 семей. Для сравнения: в 1882–1883 гг. аналогичный показатель составлял 11, а в 1886–1887 гг. – 14. Подобные события, являющиеся отражением динамичной экономики пореформенной России, могли приводить к скачкам численности купечества того или иного региона в большую или меньшую сторону, не меняя, впрочем, общей тенденции.

К концу следующего временного отрезка, 1888–1898 гг., количество глав капиталов сократилось менее чем на 10 % (Таблица 5). Дальнейшей стабилизации численности купечества способствовал промышленный подъем 1890-х гг. в России. Исключением следует признать Ефремов и Новосиль, число купеческих семейств в которых снизилось, соответственно, на 28 % и 33,3 %. Ефремов с конца 1880-х гг. столкнулся с целым рядом неблагоприятных для развития коммерции событий: банкротством местного общественного банка в 1888 г., появлением в

²⁰¹ Памятная книжка Тульской губернии на 1888 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1888. Ч. II. – С. 14.

²⁰² Там же. – С. 200.

1890 г. нового железнодорожного маршрута Раненбург – Лебедянь, Раненбург – Данков в соседней Рязанской губернии, что лишило ее уезды заинтересованности в Ефремовском хлебном рынке, а также массовым голодом в 1891/92 и 1898 гг.²⁰³ Все это способствовало сокращению состава местного «торгового сословия», хотя общее количество купеческих капиталов по Ефремову оставалось наибольшим среди городов губернии после Тулы. Еще одним фактором сокращения состава гильдий было выбытие некоторых наиболее преуспевающих семейств в почетное гражданство. Так, по мнению Н.П. Малеванова с 1861 по 1897 г. около 3,5 % ефремовского купечества перешли в сословие потомственных и личных почетных граждан²⁰⁴.

Таблица 5

Численность купцов-глав капиталов в Тульской губернии в 1898–1915 гг.²⁰⁵

Город с уездом	1898 г.		1908 г.		1915 г.	
	Кол-во, чел.	Динамика, %	Кол-во, чел.	Динамика, %	Кол-во, чел.	Динамика, %
Тула	228	-2,1	197	-13,6	221	12,2
Алексин	12	9,1	4	-66,7	2	-50,0
Белев	55	-8,3	38	-30,9	23	-39,5
Богородицк	57	-3,4	30	-47,4	26	-13,3
Венев	34	6,3	16	-52,9	8	-50,0
Епифань	38	-2,6	30	-21,1	28	-6,7
Ефремов	67	-28,0	44	-34,3	36	-18,2
Кашира	28	7,7	17	-39,3	9	-47,1
Крапивна	57	-8,1	32	-43,9	24	-25,0
Новосиль	40	-33,3	12	-70,0	9	-25,0
Одоев	30	-6,3	25	-16,7	17	-32,0
Чернь	37	-17,8	8	-78,4	3	-62,5
Всего	683	-7,2	453	-42,9	406	-29,8

²⁰³ Малеванов Н.А., Сафронов Е.Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – С. 75.

²⁰⁴ Там же. – С. 77.

²⁰⁵ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19163, Там же. Т. 10. Д. 28970, 32778.

Очевидно, в Новосиле также складывались не лучшие условия для предпринимательства, показателем чего может служить низкий уровень благосостояния населения. По размеру недоимок Новосиль занимал в 1895 г. второе место по губернии, уступая только Ефремову²⁰⁶. Низкий уровень покупательной способности населения снижал доходы торговцев.

Отмена привязки купеческого звания к ведению крупного бизнеса в результате принятия Промыслового налога 1898 г. привела к значительному снижению численности купечества губернии, сопоставимому со снижением в конце 1870-х гг., когда число купеческих капиталов по губернии сократилось более чем на 40%.

Принимая во внимание, что после 1898 г. приобретение купеческого звания для крупных предпринимателей не являлось обязательным, статистика числа купеческих капиталов в 1908 г. показывает нам количество семейств, которые хотели и могли позволить себе этот статус. Так, например, по Туле снижение числа купцов оказывается наименьшим, составляя всего 13,6 %. Более пристальное изучение динамики числа купеческих семейств по этому городу позволяет констатировать, что после некоторого уменьшения в 1899 г. наблюдается даже незначительный рост числа приобретающих гильдейские свидетельства. Только революция 1905–1907 гг. создала условия для дальнейшего устойчивого снижения купечества в столице губернии²⁰⁷ (Таблица 6).

Таблица 6

Изменение числа купеческих капиталов по г. Туле в 1899–1908 гг.²⁰⁸

Год	Купеческие капиталы, шт.	Динамика, %
1899	216	-5,3
1900	230	+6,1
1901	230	0
1902	224	-2,6
1903	233	+4

²⁰⁶ Памятная книжка Тульской губернии на 1896 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1896. – С. 255.

²⁰⁷ Не стоит забывать и о повышении с 1906 г. размера сборов за гильдейские свидетельства.

²⁰⁸ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19163; Там же. Т. 8. Д. 22214; Там же. Т. 10. Д. 28970.

1904	240	+3
1905	231	-3,8
1906	219	-5,2
1907	207	-5,5
1908	197	-4,8

Для людей состоятельных, которых в губернском городе с развитой промышленностью было гораздо больше, чем в уездных, стоимость гильдейского документа, приобретаемого дополнительно к торговым или промысловым свидетельствам, видимо, была вполне приемлемой. Таким образом, даже утративший львиную долю связанных с ним льгот, купеческий статус к началу XX века остается достаточно желанным для обеспеченных выходцев из непривилегированных сословий. Более того, заметный приток новых семейств в купечество в 1900 г. подтверждает гипотезу о том, что для людей, ориентировавшихся именно на приобретение доступа в гильдию и не ведших действительно крупного бизнеса, стоимость купеческого звания снизилась.

В уездах доля купеческих семей, дорожившая своим сословным статусом настолько, что готова была платить за него дополнительные средства, ожидаемо оказывается меньше, особенно на фоне тяжелой экономической ситуации 1900–1909 гг. в стране и в отдельных регионах. Так, после строительства в 1899 г. Смоленско-Данковской железной дороги еще больше сузился хлебный рынок Ефремова, но при этом одна из ее станций была открыта в Белеве, дав ему «не только экономический, но и культурный рост»²⁰⁹. Степень благоустройства городов, несомненно, влияла на количество проживающих в нем «толстосумов», готовых ежегодно платить за членство в гильдиях. Так, настоящее бегство из купечества происходит в одних из самых маленьких (наряду с Крапивной) городков губернии – Черни и Новосиле, сорока годами ранее демонстрировавших серьезную положительную динамику числа гильдейцев.

²⁰⁹ Тишин П.П. Белев. Очерк истории города и района. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1981. – С. 65.

Спустя семь лет, к 1915 г. тенденция убыли купеческих семейств сохраняется в уездах губернии, а в некоторых городах (Алексин, Чернь) можно констатировать практически полное исчезновение купечества. Купечество же Тулы впервые с конца 1870-х гг. даже несколько увеличивается: число купеческих семейств возрастает более чем на 12 % (24 семейства). Как одну из причин данного явления можно отметить необходимость для предпринимателей из евреев, активно причислявшихся в тульское купечество с конца 1890-х гг. и к 1915 г. насчитывавших уже 70 семей, «отбыть» десятилетний срок в первой гильдии, дабы сохранить право проживания в Туле.

1.3. Изменение состава и численности купечества Тульской губернии

Пофамильное сравнение списков купеческих семейств позволяет установить степень обновления состава купечества Тульской губернии (Таблица 7). В целом за десятилетие 1858–1868 гг. купечество Тульской губернии обновилось более чем на 40 %. Этому могли способствовать как упрощение доступа в купечество (в результате освобождения крепостных крестьян и тульских оружейников, а также некоторого снижения гильдейских сборов в уездах), так и развитие предпринимательства в условиях оживления экономики. Наиболее существенным изменением состава купеческих семейств было по Новосилю и Черни, в наименьшей степени оно затронуло купечество Алексина, Белева, Венева и Каширы. Последнее обстоятельство наряду со значительным сокращением числа купеческих капиталов в этих четырех уездах к 1868 г. указывает на серьезные трудности в развитии местной торговли.

В следующее десятилетие, 1869–1878 гг. степень обновления купечества заметно снижается, составив в целом 30,8 %. Достаточно высокой она остается только по Туле, где условия для развития производства и торговли были сравнительно благоприятными. По Алексиному же и Белеву процент обновления насчитывает менее десяти процентов, что свидетельствует о почти полном отсутствии притока новых семейств в купечество этих уездов.

В 1879–1888 гг. уровень обновления тульского купечества продолжает снижаться, хотя и довольно медленными темпами, составляя в целом 27,3 % по губернии. Наименьшая степень обновления зафиксирована по Одоеву (15,6 %), отличавшемуся наибольшим снижением числа купеческих капиталов в этот период. Это подтверждает гипотезу о неблагоприятном состоянии торговли в городе, ранее считавшемуся «купеческим». Напротив, несколько улучшается ситуация в Белеве. Так, темпы обновления купечества в Белевском уезде с минимальных 8,8 % в 1869–1878 гг. вырастают к 1888 г. до одних из наибольших по губернии (36,7%), а число купеческих капиталов даже несколько увеличивается. Возможно, оживление экономической ситуации в городе было связано с деятельностью городского общественного банка (одного из четырех в Тульской губернии, избежавших разорения в конце 1880-х и продолживших работу в 1890-е гг.). В целом, однако, уменьшение притока новых семейств в купечество, наряду с устойчивым снижением его численности, указывает на постепенное падение привлекательности купеческого статуса, утратившего уже большую часть своих привилегий. Кроме того и особенности состояния торговли в регионе не создавали условий для быстрого развития бизнеса до масштабов «купеческого».

Таблица 7

Процент обновления купечества Тульской губернии в 1858–1915 гг.²¹⁰

Город с уездом	1858– 1868 г.	1869– 1878 г.	1879– 1888 г.	1889– 1898 г.	1899– 1908 г.	1909– 1915 г.	1858– 1915 г.
Тула	43,4	40,8	21,0	32,9	28,9	35,7	87,6
Алексин	25,0	9,1	45,5	25,0	50,0	0,0	100,0
Белев	32,3	8,8	36,7	30,9	7,9	0,0	88,3
Богородицк	48,9	32,2	28,8	35,1	3,3	19,2	81,4
Венев	28,3	33,3	34,4	44,1	31,3	12,5	87,5
Епифань	41,3	19,4	23,1	50,0	26,7	7,1	66,7

²¹⁰ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11923; Там же. Т. 8. Д. 17355, 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 18420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163; Там же. Т. 10. Д. 28970, 32778; Там же. Ф. 518. Оп. 1. Т. 6. Д. 14162.

Ефремов	44,1	25,7	32,3	17,9	18,2	8,3	84,9
Кашира	31,4	21,4	42,3	28,6	5,9	0,0	73,1
Крапивна	44,4	28,1	29,0	22,8	25,0	0,0	83,9
Новосиль	62,0	34,2	20,0	32,5	25,0	22,2	90,0
Одоев	36,8	16,3	15,6	33,3	12,0	0,0	56,3
Чернь	65,2	34,6	35,6	27,0	0,0	33,3	100,0
Всего	43,5	30,8	27,3	31,5	21,9	22,9	91,3

В 1890-е годы степень обновления купечества по губернии незначительно вырастает – до 31,5 %, являясь отражением оживления экономической ситуации в стране. Наименьшей степень обновления оказалась по Ефремову, о неблагоприятных для торговли событиях в котором говорилось ранее. В наибольшей мере обновляется купечество Епифанского уезда. Сам город, оказавшийся на значительном расстоянии от проложенного в уезде железнодорожного полотна, продолжал приходить в упадок (об этом свидетельствуют, в частности, медленные темпы роста числа его жителей), а поселки уезда, поблизости от которых были расположены станции, переживали подъем.

За период 1899–1908 гг. купечество Тульской губернии обновляется лишь чуть более чем на 20 %. Это позволяет подтвердить вывод исследователей купечества о сохранении членства в гильдиях к концу пореформенного периода преимущественно людьми, ориентированными на сословные ценности, большинство из которых являлись потомственными купцами²¹¹. Степень обновления существенно колеблется от уезда к уезду, но чаще всего такое расхождение вызвано довольно малым количеством купеческих семейств в большинстве регионов губернии в этот период. Так, обновление в 50 % по Алексину в абсолютных числах представляет собой всего лишь 2 семейства из 4, а более 30 % по Веневу – 5 из 16. Практически перестало обновляться купечество Черни, Каширы, Богородицка и Белева. Зато по-прежнему сохраняет достаточную интенсивность приток новых семей в купечество губернского города.

К 1915 г. степень обновления купечества Тулы еще больше возрастает, в то время как уже в целом ряде уездов полностью прекращается приток в гильдии новых семей. Малейшее изменение в составе немногочисленного уездного купечества в процентном выражении приводит порой к таким значительным показателям, как более 30% обновления купечества в Черни (одна семья из трех), более 20% по Новосилу (две семьи из девяти) и т.п. Общий же, более высокий по сравнению с предыдущим десятилетием уровень обновления в 22,9 % во многом обеспечивает купечество Тулы, пополнившееся с 1909 по 1915 гг. 79 новыми семействами.

Подтвердить и уточнить сделанные выводы об особенностях динамики числа купеческих капиталов по Тульской губернии можно при анализе данных о социальном происхождении вновь вступавших в купечество семейств (Таблица 8).

Таблица 8

**Социальное происхождение семей, вступавших в купечество
Тульской губернии в 1858–1868 гг.²¹²**

Социальные группы	Города с уездами													
	Ед. изм.	Тула	Алексин	Белев	Богородицк	Венев	Елифань	Ефремов	Кашира	Крапивна	Новосиль	Одоев	Чернь	ВСЕГО
От семейного капитала	кол.	20	8	8	3	6	3	11	2	5	10	4	1	81
	%	11,8	34,8	19,5	8,8	21,4	11,5	29,7	14,3	15,6	19,6	16,7	2,1	15,4
Мещанство своего города	кол.	47	9	25	18	16	11	15	8	14	19	15	14	211
	%	27,6	39,1	61,0	52,9	57,1	42,3	40,5	57,1	43,8	37,3	62,5	29,8	40,0
Мещанство других городов	кол.	14	0	3	1	0	1	2	1	5	8	2	2	39
	%	8,2	0	7,3	2,9	0	3,8	5,4	7,1	15,6	15,7	8,3	4,3	7,4
Крестьянство	кол.	5	0	3	1	1	1	1	2	2	3	1	0	20
	%	2,9	0	7,3	2,9	3,6	3,8	2,7	14,3	6,3	5,9	4,2	0	3,8

²¹¹ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). – С. 107; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – С. 102.

²¹² Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 15744, 16664, 16805, 16818; Там же. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. 12142, 12755, 13083, 13313, 13521, 13529, 13578, 13806, 13875, 14162.

Купечество Тульской губернии	кол.	19	3	0	6	0	6	3	0	6	1	2	14	60
	%	11,2	13,0	0	17,6	0	23,1	8,1	0	18,8	2,0	8,3	29,8	11,4
Купечество других губерний	кол.	26	2	2	5	5	4	5	1	0	10	0	16	76
	%	15,3	8,7	4,6	14,7	17,9	15,4	13,5	7,1	0	19,6	0	34,0	14,4
Оружейники и цеховые	кол.	39	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	40
	%	22,9	4,3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7,6
ВСЕГО	кол.	170	23	41	34	28	26	37	14	32	51	24	47	527

Информация о прежней сословной принадлежности купца далеко не всегда фиксировалась уездными органами власти, а потому представленные данные обладают разной полнотой от уезда к уезду (наибольшее количество данных собрано по Туле). Тем не менее, можно констатировать, что наиболее часто (всего 211 случаев, 40 %) в купечество вступали из мещанства того же города (наибольшая доля вступивших во всех уездах кроме Черни). Стоит отметить, что порой власти того или иного уезда просто не указывали в документах происхождение вступавших в купечество из местного мещанства, т.к. движение происходило в рамках одной и той же социальной группы «городского сословия» по одному и тому же городу. Таким образом, доля купцов, перешедших из мещанства своего города, вероятно, несколько больше приводимых показателей.

Интересны данные о вступлении в купечество мещан из других уездов (всего 39 семейств, 7,4 %). Наибольшей доля иногородних мещан оказывается в Крапивне и Новосиле (соответственно, 15,6 % и 15,7 % от всех вновь вступивших в купечество каждого уезда). Крапивенский уезд активно развивался вследствие появления в его селах железнодорожных станций и был, по-видимому, привлекателен с точки зрения условий для расширения или открытия бизнеса. Что касается Новосила, то выше уже отмечалась сравнительная дешевизна приобретения купеческого свидетельства в этом городе, что привлекало в ряды местного купечества семейства, стремящиеся получить сословные льготы.

Четверть (всего 136 случаев, 25,8 %,.) вступивших в купечество городов Тульской губернии составляют гильдейцы других уездов. При этом по Черни

иногороднее купечество составило более половины (всего 30 случаев, 63,8 %) всех вступивших в купечество за период 1859–1868 гг. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что иногороднее купечество играло большую роль в обновлении состава купечества по этому уезду, нежели местное мещанство. За десятилетие в чернское купечество вступили представители 7 уездов Тульской губернии из 12, как сопредельных с этим уездом, так и не имевших с ним общих границ, а также представители купечества Орловской, Калужской и Московской губерний. Приток купечества в Новосиль за рассматриваемый период хотя и уступает в процентном соотношении Черни и нескольким другим уездам (Богородицк, Епифань, Тула), но также является достаточно существенным (21,6 % вновь вступивших в купечество города). Причем, из 10 иногородних купцов, перешедших за 1858–1868 гг. в Новосиль, 8 являются выходцами из Орловской губернии, а о 4 из них известно, что они из Мценска. Таким образом, косвенно подтверждается гипотеза, что заинтересованность купечества в переходе в Новосиль и Чернь в 1860-е гг. основывалась не столько на местных условиях для бизнеса, сколько на стремлении сохранить свой статус, сэкономив на гильдейском свидетельстве. В состав купечества губернского города Тулы достаточно активно вступали как выходцы из уездных городов Тульской губернии и соседних губерний (Московской, Орловской), так и из довольно удаленных регионов (Санкт-Петербурга, Харькова, Новгородской, Олонецкой и Таврической губерний). Перенос своего дела на новое место всегда сопряжен с той или иной долей риска, требует как определенных затрат, так и наличия деловых связей в регионе. Неудивительно поэтому, что купцы, решившие развернуть свой бизнес на значительном удалении от прежнего места жительства, были нацелены преимущественно на губернский центр с развитым производством, а не на уездные городки. Спецификой Тулы также является значительная доля в купечестве выходцев из числа оружейников и цеховых (39 случаев, 22,9 % вступивших в купечество города).

Еще одним значимым источником пополнения купечества в 1858–1868 гг. стали семейные разделы (81 случай, 15,4 %). Их частота была следствием ограни-

чения круга лиц, имеющих право числиться в одном купеческом свидетельстве, Положением о пошлинах на право торговли 1863 г.

Невелика доля представителей крестьянства среди вступивших в купечество как Тулы, так и остальных уездов губернии (20 случаев, 3,8 %). На практике же крестьянское происхождение могли иметь куда больше семейств, чем фиксирует официальная отчётность уездных дум и управ. Часть мещан (основная социальная база купечества) была недавними выходцами из крестьян. Аналогично и представители купеческих семейств, вычеркнутые из гильдейских свидетельств в исполнение нового закона или в результате семейного конфликта, вступая в следующем году в купечество уже от своего имени, фиксировались как вступившие из местного мещанства. Таким образом, данные о переходе семьи в купечество из мещанства являются как наиболее часто встречающимися, так и наименее информативными.

В 1869–1878 гг. источники пополнения тульского купечества не претерпевают значительных изменений (Таблица 9). Можно, однако, констатировать очевидное падение заинтересованности купечества других губерний в переезде в этот регион (с 14 % от всех вступивших в купечество губернии в 1859–1868 гг. до 8,8 % в 1869–1878 гг.), что свидетельствует об относительно неблагоприятных условиях для развития бизнеса в губернии. Так, не зафиксировано ни одного перехода купеческих семейств в Одоев и Каширу. В то время как в купечестве Черни выходцы из гильдий других регионов все еще составляли заметную долю (10 случаев, чуть более 15 % вновь вступивших за десятилетие). Дешевизна гильдейских свидетельств в сочетании с удобством хлебной торговли по железной дороге продолжали привлекать в купечество этого уезда представителей купеческих семейств Тульской и соседних губерний.

Таблица 9

**Социальное происхождение семей, вступающих в купечество
Тульской губернии в 1869–1878 гг.²¹³**

Социальные группы	Города с уездами													
	Ед. изм.	Тула	Алексин	Белев	Богородицк	Венев	Епифань	Ефремов	Кашира	Крапивна	Новосиль	Одоев	Чернь	ВСЕГО
От семейного капитала	кол.	39	5	8	7	3	15	14	6	7	12	3	6	125
	%	20,1	26,3	27,6	11,7	13,6	33,3	14,4	17,6	11,3	21,8	11,5	9,2	17,7
Мещанство своего города	кол.	79	7	12	44	14	23	49	25	24	24	22	22	345
	%	40,7	36,8	41,4	73,3	63,6	51,1	50,5	73,5	38,7	43,6	84,6	33,8	48,7
Мещанство других городов	кол.	7	0	2	1	0	0	7	1	3	5	0	15	41
	%	3,6	0	6,9	1,7	0	0	7,2	2,9	4,8	9,1	0	23,1	5,8
Крестьянство	кол.	7	0	2	1	0	0	9	0	2	4	0	3	28
	%	3,6	0	6,9	1,7	0	0	9,3	0	3,2	7,3	0	4,6	4,0
Купечество Тульской губернии	кол.	10	1	1	5	1	6	9	1	15	3	0	8	60
	%	5,2	5,3	3,4	8,3	4,5	13,3	9,3	2,9	24,2	5,5	0	12,3	8,5
Купечество других губерний	кол.	14	5	4	1	2	1	9	0	9	7	0	10	62
	%	7,2	26,3	13,8	1,7	9,1	2,2	9,3	0	14,5	12,7	0	15,4	8,6
Оружейники и цеховые	кол.	33	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	35
	%	17,0	0	0	0	0	0	0	2,9	0	0	0	1,5	4,9
Отставные чины	кол.	5	1	0	1	2	0	0	0	2	0	1	0	12
	%	2,6	5,3	0	1,7	9,1	0	0	0	3,2	0	3,8	0	1,7
ВСЕГО	кол.	194	19	29	60	22	45	97	34	62	55	26	65	708

Другим все еще достаточно «интересным» для иногороднего купечества регионом можно назвать Крапивну. В этом уезде совокупная доля выходцев из купечества других регионов и уездов Тульской губернии возрастает с 18,8 % до 38,7

²¹³ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17355, 17808, 17931, 18414, 18417, 18418, 18419, 18420, 18591, 18593, 18596; Там же. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 14162; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 2831, 3373, 4055.

%, отражая заинтересованность в торговле хлебом на местных железнодорожных станциях. Новым явлением становится вступление в 1870-х гг. в купечество выходцев из отставных военнослужащих нижних чинов, что стало следствием сокращения сроков службы и развития предпринимательства в стране.

С 1880-х гг. данные о сословном происхождении в купеческих списках встречаются все реже, снижается и общее число семейств, переходящих в купечество губернии. Поэтому целесообразно рассматривать данные о социальном происхождении купечества за более длительный временной отрезок (1879–1898 гг.), тем более что полученные данные в процентном отношении при этом не претерпевают заметных изменений (Таблица 10).

Таблица 10

**Социальное происхождение семей, вступавших в купечество
Тульской губернии в 1879–1898 гг.²¹⁴**

Социальные группы	Города с уездами													
	Ед. изм.	Тула	Алексин	Белев	Богородицк	Венев	Елифань	Ефремов	Кашира	Крапивна	Новосиль	Одоев	Чернь	ВСЕГО
От семейного капитала	кол.	34	0	5	7	5	4	6	7	7	0	0	6	77
	%	21,3	0	21,7	19,4	29,4	21,1	16,2	33,3	33,3	0	0	22,2	20
Мещанство своего города	кол.	64	3	15	23	7	4	18	5	8	14	6	7	174
	%	40,0	42,9	65,2	63,9	41,2	21,1	48,6	55,6	38,1	66,7	78	25,9	45,2
Мещанство других городов	кол.	20	1	2	3	2	3	3	0	1	4	0	9	48
	%	12,5	14,3	8,7	8,3	11,8	15,8	8,1	0	4,8	19,0	0	33,3	12,5
Крестьянство	кол.	15	-	1	0	0	0	2	1	3	0	1	1	24
	%	9,4	-	4,3	0	0	0	5,4	11,1	14,3	0	12,5	3,7	6,2
Купечество Тульской губернии	кол.	2	1	-	1	1	4	4	0	2	0	1	3	19
	%	1,3	14,3	-	2,8	5,9	21,1	10,8	0	9,5	0	12,5	11,1	4,9
Купечество других губерний	кол.	5	0	-	1	2	3	2	0	0	1	0	0	14
	%	3,1	0	-	2,8	11,8	15,8	5,4	0	0	4,8	0	0	3,6

²¹⁴ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19201, 19378, 19858, 20091, 20349, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19163.

Оружейники и цеховые	кол.	17	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	17
	%	10,6	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4,4
Отставные чины	кол.	2	2	-	1	0	0	0	0	0	1	0	0	6
	%	1,3	28,6	-	2,8	0	0	0	0	0	4,8	0	0	1,6
Иностранцы	кол.	1	-	-	0	0	1	2	0	0	1	0	1	6
	%	0,6	-	-	0	0	5,3	5,4	0	0	4,8	0	3,8	1,6
ВСЕГО	кол.	160	7	23	36	17	19	37	9	21	21	8	27	385

Для периода 1880–1890-х гг. можно отметить дальнейшее снижение заинтересованности купечества других губерний в переезде в регион. Теперь к этому добавляется и заметное уменьшение купеческих переходов в рамках уездов самой Тульской губернии. Видимо, при возникновении неблагоприятных коммерческих обстоятельств купеческое семейство чаще чем прежде предпочитало сначала перейти в мещанство, снизив обороты торговли или вовсе временно ее прекратив, нежели пытаться начать дело на новом месте. Так, в это же время доля переходов в купечество из иногороднего мещанства возрастает с 6,6 % до 14,2 %. Также в купечество целого ряда уездов вступают перешедшие в российское подданство иностранцы, которые в конце века активно занимались предпринимательством в России в сферах фотоуслуг, кинотеатров и аптечного дела.

Наконец, за период 1899–1915 гг. ввиду крайней скудости данных по уездным городам губернии (как по причине низкого притока в малочисленное местное купечество, так и из-за плохой сохранности документов) был произведен анализ социального состава вступавших в купечество только по г. Туле (Таблица 11).

Преобладающим источником формирования тульского купечества остается мещанство, причем как минимум 8 семей, вступивших в купечество в этот период, ранее уже состояли в гильдии. Таким образом, семейные традиции, видимо, играли не последнюю роль в решении приобрести гильдейское свидетельство после реформы 1898 г. Как и в предыдущий период невысока доля перешедших в тульское купечество из других регионов.

Таблица 11

**Социальное происхождение семей, вступавших в купечество
г. Тулы в 1899–1915 гг.²¹⁵**

Город	Единица изм.	От семейного капитала	Мещанство своего города	Мещанство других уездов Тульской губернии	Мещанство других губерний	Крестьянство	Купечество Тульской губернии	Купечество соседних губерний	Цеховые	Отставные чины	Иностранцы	Всего
Тула	кол.	25	42	2	2	8	2	5	2	-	-	88
	%	28,4	47,7	2,3	2,3	9,1	2,3	5,7	2,3	-	-	100

Обращаясь к анализу динамики доли численности купечества в составе населения Тульской губернии, стоит различать понятия «число глав капитала» и «число представителей гильдейского купечества». Последнее включает в себя всех членов семьи купца, занесенных в его гильдейское свидетельство на тот или иной год. Эти данные ежегодно собирались городскими управами и Тульской казенной палатой. При такой системе из подсчетов «выпадают» купеческие вдовы и дочери, которые, как было показано выше, оставшись без лиц мужского пола в семействе, сохраняли сословные права без вступления в гильдии. Также необходимо учитывать, что порой купец-глава капитала не сразу вносил в свое свидетельство новых членов семейства. Возможно, причиной было отсутствие реальной заинтересованности в немедленном предоставлении сословных привилегий женщинам (присоединявшимся к семейству через брак) и новорожденным младенцам. Таким образом, приведенная в работе численность купечества может быть скорректирована в большую сторону.

Нужно отметить, что данные официальной статистики, которые периодически собирались Тульским Губернским Статистическим комитетом, расходятся с материалами учета купеческих семейств Казенной палаты, причем по некоторым уездам – достаточно существенно (Таблица 12).

²¹⁵ Составлено по ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 8. Д. 22214; Там же. Т. 9. Д. 23752, 23757; Там же. Т. 10. Д. 28970, 29882, 32778.

Таблица 12

**Сопоставление численности купечества, подсчитанной по материалам
Тульской Казенной палаты, данным официальной губернской статистики
за 1857 и 1868 гг. и Первой всеобщей переписи населения
Российской империи²¹⁶**

Уезды Тульской губернии	1857 г.			1868 г.			1897/1898 гг.		
	По материалам ТКП, чел.	По данным офици- альной статистики, чел.	Разница показаний, чел.	По материалам ТКП, чел.	По данным офици- альной статистики, чел.	Разница показаний, чел.	По материалам ТКП, чел.	По данным Первой всеобщей населения Российской империи 1897 г.	Разница показаний, чел.
Тула	1755	1552	203	1796	1739	57	1145	1437	294
Алексин	618	493	125	374	447	-73	78	91	13
Белев	1445	1114	331	935	800	135	298	321	23
Богородицк	1246	1126	120	999	488	511	395	443	48
Венев	1171	1001	170	598	993	-395	194	201	7
Епифань	862	752	110	779	795	-16	222	217	-5
Ефремов	1979	1688	291	1223	1491	-268	409	448	39
Кашира	817	705	112	429	414	15	141	150	9
Крапивна	899	430	469	905	746	159	327	297	-30
Новосиль	601	513	88	931	475	456	304	374	70
Одоев	966	849	117	621	727	-106	183	205	22
Чернь	668	504	164	781	856	-75	210	245	35
Средн.	-	-	191,7	-	-	33,3	-	-	43,8

Вероятно, причина расхождений кроется в том, что разные источники со-
держат данные, подсчитанные по разным методикам. Так, в некоторых уездах на
протяжении ряда лет не включали в окончательную статистику членов купече-
ских семейств, родившихся после X ревизии 1858 г. или не исключали умерших.
В 1864 г. составители Памятной книжки Тульской губернии сравнили данные о

²¹⁶ Составлено по ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 32. Д. 25389; Там же. Т. 37. Д. 29825; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922; Там же. Т. 8. Д. 16805,17355; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19163; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XLIV. Тульская губерния. – СПб.: Издание Центрального Статистического Комитета МВД, 1904. – С. 1–2.

численности населения по сословиям, представленные Полицейскими Управлениями губернии и Тульской Духовной Консistorией (по материалам исповедальных росписей). Показатели расходились по общему числу лиц мужского пола на 26273 человек, женского – на 2148 человек в пользу материалов полицейских управлений²¹⁷. Значительные расхождения были обусловлены тем, что духовные росписи регистрировали только постоянное население приходов.

Наконец, нельзя исключать и такой фактор, как ошибки переписчиков и людей, занимавшихся арифметическими подсчетами. Поскольку именно семейные списки содержат данные о составе купеческой семьи, в работе за основу в большинстве случаев взяты подсчеты по материалам Казенной палаты и уездных городских управ. Полученные из вышеназванных источников данные о численности купечества за 1898 г. минимально отличаются от показателей Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной годом ранее. Исключением стала лишь численность купечества по г. Туле, где расхождение достигает почти 300 человек. Объяснением этому может служить то обстоятельство, что в Туле, как в достаточно крупном и близком к Москве городе, постоянно находилось сравнительно большое количество приезжих, среди которых вполне могли оказаться купеческие семьи. Так, по данным переписи 1897 г., в Туле находилось более 9 тысяч человек приезжих, а в каждом из прочих уездов губернии число приезжих не превышало 2 тысяч.

Если предположить, что все купеческие семьи региона проживали в городах (что не соответствовало действительности), то к концу 1850-х гг. купечество в городах Тульской губернии насчитывало в среднем более 14 % их численности (Таблица 13). Исключением была Тула, в многотысячном населении которой купечество составляло весьма скромную долю в 4 %. Зато в малонаселенных городах Алексине, Веневе и Епифани более четверти жителей являлись членами купеческих семейств. По отношению же к численности населения городов вместе с уездом доля представителей купеческого сословия составляла чуть более 1 %.

---

²¹⁷ Памятная книжка Тульской губернии на 1864 г. – Тула: Тульская губернская типография, 1864. Ч. II. – С. 10–11.

В течение пореформенного периода общая численность купечества устойчиво снижается почти в шесть раз (с 13065 до 2242 человек), следуя за динамикой числа купеческих капиталов по городам губернии (Таблицы 13, 14, 15). Соответственно, падает и удельный вес купечества в составе населения городов и уездов губернии, составляя к 1915 г. в среднем всего 1,1 %, а по отношению к численности всего уезда – 0,1 %. Однако, в некоторых городах губернии периодически происходило временное увеличение доли купечества в составе жителей.

Таблица 13

**Доля купечества в составе населения
городов и уездов Тульской губернии в 1857 и 1868 гг.²¹⁸**

Уезды Тульской губернии	1857 г.					1868 г.				
	Кол-во купцов	Общая числ. жителей города	Процент купцов	Общая числ. жителей уезда	Процент купцов	Кол-во купцов	Общая числ. жителей города	Процент купцов	Общая числ. жителей уезда	Процент купцов
Тула	1755	42932	4,1	120576	1,2	1796	57647	3,1	130853	1,4
Алексин	618	2327	26,6	70049	0,9	374	3698	10,1	77924	0,5
Белев	1445	6766	21,4	62186	2,3	935	8082	11,6	66118	1,4
Богородицк	1246	7124	17,5	132522	1,0	999	7405	13,5	131434	0,8
Венев	1171	4090	28,6	91708	1,3	598	3900	15,3	93858	0,6
Епифань	862	3301	26,1	96171	0,9	779	2546	30,6	95380	0,8
Ефремов	1979	8263	24,0	131515	1,4	1223	7725	15,8	131813	0,9
Кашира	817	3660	22,3	62287	1,1	429	3693	11,6	65662	0,7
Крапивна	899	3669	24,5	83125	1,1	905	2445	34,6	118510	0,7
Новосиль	601	3253	18,5	112366	0,6	923	4183	22,1	115958	0,8
Одоев	966	4005	24,1	74649	1,3	621	4537	13,7	75395	0,8
Чернь	668	3012	22,2	86790	0,8	781	4002	19,5	86396	0,9
Всего	13027	92402	14,1	1123944	1,2	10363	109863	9,4	1189301	0,9

К концу 1890-х гг. уже целый ряд городов губернии переживал процесс депопуляции, следствием чего стало некоторое увеличение доли купечества (в

²¹⁸ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355; Там же. Ф. 90. Оп. 1. Т. 12. Д. 25707; Там же. Т. 37. Д. 29825.

Алексине, Богородицке, Епифани, Новосиле и Одоеве) или ее стабилизация по сравнению с 1888 г. К тому же и снижение общей численности купечества в 1890-е гг. было менее значительным, чем в предыдущем временном отрезке (чуть более чем на 1 %, в то время как в 1857–1868 гг. число купцов сократилось на 4,7 %).

Таблица 14

**Доля купечества в составе населения
городов и уездов Тульской губернии в 1888/9 и 1897/8 гг.²¹⁹**

Уезды Тульской губернии	1888/9 гг. ²²⁰					1897/8 гг. ²²¹				
	Кол-во купцов,	Общая числ. жителей города	Процент купцов,	Общая числ. жителей уезда	Процент купцов	Кол-во купцов	Общая числ. жителей города	Процент купцов	Общая числ. жителей уезда	Процент купцов
Тула	1176	65452	1,8	163303	0,7	1145	114733	1,0	211059	0,5
Алексин	82	5713	1,4	90247	0,1	78	3465	2,3	73001	0,1
Белев	319	9869	3,2	86494	0,4	298	9562	3,1	78289	0,4
Богородицк	442	7993	5,5	170658	0,3	395	4768	8,3	155403	0,3
Венев	186	3496	5,3	124473	0,1	194	5167	3,8	104228	0,2
Епифань	257	6429	4,0	134549	0,2	222	4174	5,3	114670	0,2
Ефремов	535	10088	5,3	166947	0,3	409	9038	4,5	171081	0,2
Кашира	176	5070	3,5	79138	0,2	141	4038	3,5	66535	0,2
Крапивна	353	2449	14,4	106216	0,3	327	6146	5,3	102926	0,3
Новосиль	380	4522	8,4	149686	0,3	304	2912	10,4	143292	0,2
Одоев	208	5665	3,7	101592	0,2	183	4317	4,2	91166	0,2
Чернь	263	3749	7,0	112982	0,2	210	3660	5,7	107806	0,2
Всего	4377	130495	3,4	1486285	0,3	3906	171980	2,3	1419456	0,3

²¹⁹ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163; Памятная книжка Тульской губернии за 1891 год. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1891. Отдел III. – С. 2–7.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. XLIV. Тульская губерния. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1904. – С. 1–2.

²²⁰ Численность купцов подсчитана за 1888 г., а общая численность населения городов и городов с уездами дана за 1889 г.

²²¹ Численность купцов подсчитана за 1898 г., а общая численность населения городов и городов с уездами дана за 1897 г.

К началу XX века почти все города губернии демонстрируют в той или иной степени положительную динамику числа жителей (за исключением Крапивны и Черни к 1908 г., а также Венева и Новосили к 1915 г.), а общая численность купечества заметно снижается во всех городах кроме Тулы. Таким образом, динамика численности купечества в региональном центре была иной, нежели в уездных городах. Стабилизацию численности купечества губернского центра к началу XX в. на уровне, даже превышающем численность этой группы на конец 50-х гг. XIX в., фиксировала и Л.Н. Галимова по Симбирску²²².

Таблица 15

**Доля купечества в составе населения
городов и уездов Тульской губернии в 1908/9²²³ и 1915 гг.²²⁴**

Уезды тульской губернии	1908/9 гг.					1915 г.				
	Кол-во купцов	Общая числ. жителей города	Процент купцов	Общая числ. жителей уезда	Процент купцов	Кол-во купцов	Общая числ. жителей города	Процент купцов	Общая числ. жителей уезда	Процент купцов
Тула	1079	130850	0,8	260197	0,4	1111	132678	0,8	267873	0,4
Алексин	30	5912	0,5	108317	0,03	10	6152	0,2	115899	0,009
Белев	243	13973	1,7	104951	0,2	158	15876	1,0	117852	0,1
Богородицк	222	6190	3,6	218855	0,1	167	6400	2,6	236151	0,1
Венев	73	5266	1,4	142857	0,1	47	5153	0,9	146442	0,0
Епифань	150	5030	3,0	149563	0,1	139	5123	2,7	164703	0,1
Ефремов	268	11544	2,3	194172	0,1	200	14660	1,4	214703	0,1
Кашира	100	7359	1,4	102521	0,1	56	9040	0,6	113238	0,0
Крапивна	193	2445	7,9	131432	0,1	147	2850	5,2	142713	0,1
Новосиль	133	3663	3,6	193123	0,1	82	3613	2,3	204490	0,0
Одоев	167	7307	2,3	129894	0,1	106	7518	1,4	141163	0,1

²²² Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 30.

²²³ Численность купцов подсчитана за 1908 г., а общая численность населения городов и городов с уездами дана за 1909 г.

²²⁴ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 10. Д. 28970, 32778; Обзор Тульской губернии за 1908. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1910. – С. 40.; Обзор Тульской губернии за 1914. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1916. – С. 40.

Чернь	65	2504	2,6	143604	0,05	26	2549	1,0	157193	0,02
Всего	2723	202043	1,3	1879486	0,1	2249	211612	1,1	2022420	0,1

Устойчивое сокращение количества представителей купечества и, как следствие, их доли среди населения уездных городов, стало результатом уменьшения числа приобретаемых купеческих свидетельств, а также изменений в составе и структуре купеческой семьи региона.

Необходимо отметить, что купцы, выбирая свидетельство по тому или иному городу, своим подлинным местом проживания могли иметь сельскую местность или даже другой город. Это обстоятельство позволяет предположить, что в реальности доля купечества в городах на протяжении всего периода была ниже обозначенной для большинства уездов. Торговля в уездах губернии велась главным образом сельскохозяйственными товарами, что предполагает проживание определенной части купечества вне города. Материалы официальной статистики по губернии позволяют приблизительно оценить соотношение купечества «городского» и «сельского» (Таблица 16).

Таблица 16

Доля купечества, проживающего вне города, в общей численности купечества уездов Тульской губернии в 1868 и 1897 гг.²²⁵

Уезды Тульской губернии	1868 г.			1897 г.		
	Численность купечества в городе, чел.	Численность купечества в уезде, чел.	Доля уездного купечества, %	Численность купечества в городе, чел.	Численность купечества в уезде, чел.	Доля уездного купечества, %
Тула	1691	48	2,8	1423	14	1,0
Алексин	370	77	17,2	63	28	30,8
Белев	748	52	6,5	279	42	13,1
Богородицк	309	179	36,7	195	248	56,0
Венев	958	35	3,5	96	105	52,2

²²⁵ Составлено по ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 37. Д. 29825; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. XLIV. Тульская губерния. – СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904. – С. 1–2.

Епифань	609	186	23,4	154	63	29,0
Ефремов	1116	330	22,8	232	216	48,2
Кашира	333	81	19,6	102	48	32,0
Крапивна	565	181	24,3	101	196	66,0
Новосиль	384	91	19,2	163	211	56,4
Одоев	595	132	18,2	146	59	28,8
Чернь	683	173	20,2	113	132	53,9
Средн.	-	-	17,9	-	-	39

Приведенные данные свидетельствуют, что к концу XIX века отток купечества уездов в сельскую местность усилился. На эту тенденцию, как общероссийскую для конца XIX в., указывал Б.Н. Миронов²²⁶. Как было показано ранее, многие города губернии затухают, оказавшись в стороне от железнодорожных магистралей. Купеческие семьи в этой ситуации предпочитают жить в своих деревенских усадьбах, в которых и сосредотачивалось производство товара на продажу, тем более что центром местной торговли мог выступать уже не уездный город, а железнодорожная станция, вокруг которой росло новое поселение. Так, очевиден выбор купечества Крапивны, Богородицка, Венева, Новосиля и Черни в пользу поселков, а не уездного города. Противоположная ситуация складывалась в Туле: в Тульском уезде, но вне пределов самого города в 1897 г. проживали лишь 14 человек, т.е. около 2–4 семей.

Таким образом, на протяжении изучаемого периода число купеческих семей в губернии после незначительного роста в 1860-е гг. в целом последовательно снижалось. Резкое сокращение купечества фиксируется к концу 1870-х гг., после чего в 1880–1890-е гг. темпы сокращения падали, но с начала XX века вновь происходит значительное снижение числа купеческих капиталов. Выявленная тенденция соответствует общероссийским данным, приводимым Б.Н. Мироновым: рост числа купечества до 1863г., а затем заметное сокращение к 1870 и 1897 гг.²²⁷.

²²⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. – С. 325.

²²⁷ Там же. – С. 115.

Сходные процессы наблюдались и в отдельных провинциальных городах. Так, купечество Рязани демонстрировало количественный рост до начала 1860-х гг., сохранило определенную стабильность численности к 1880 г., затем сократилось к 1895 г., а в XX в. его численность переживала быстрое падение²²⁸. Однако в больших, развитых в торгово-промышленном отношении регионах (Санкт-Петербург²²⁹, крупные города Западной Сибири²³⁰), исследователи фиксируют рост числа купеческих капиталов до начала 1880-х гг., а затем новый пик роста в 1890-х гг. Близким к описанной тенденции было развитие купечества Тулы, сохранявшего положительную динамику своей численности до конца 1870-х гг. и стабильность числа гильдейских капиталов в 1890-е гг. Также для купечества города Тулы характерно наименьшее в губернии падение числа купеческих семей в начале XX века и даже некоторый их рост к концу изучаемого периода.

Динамика численности купеческих капиталов была обусловлена постепенным сокращением сословных привилегий гильдейцев, ростом в 1880-е гг. сословных платежей, трудностями в развитии торговли в уездных городах губернии и, наконец, отменой обязательности купеческого статуса для ведения крупного торгового или промышленного бизнеса в 1898 г. Купеческий статус к 1917 г. был все еще востребован в крупных городах как дань семейным традициям и маркер принадлежности к городской элите, являясь своеобразным аналогом дворянских титулов для «неблагородных». Вынужденную заинтересованность в купеческом звании проявляли лица иудейского вероисповедания, во многом обеспечивая стабилизацию и рост числа купеческих капиталов по Туле.

Показательно, что в «деревенских» по преимущественному месту проживания купечества регионах процесс его исчезновения после реформы 1898 г. шел особенно стремительно. Исключением выступает лишь Крапивна, в которой уже начали складываться новые городские центры. Купеческое звание к концу пореформенного периода было средством приобретения или сохранения престижного статуса. Особое значение такие соображения имели для жителей относительно

---

²²⁸ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – С. 36.

²²⁹ Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). – М.: Мысль, 1974. – С. 67.

крупных городов. В уездных же городах Тульской губернии, многие из которых испытывали к началу XX века упадок, круг людей, заинтересованных в сохранении или приобретении купеческого статуса, неуклонно сужался. Причина этого лежит, по-видимому, как в сфере экономических расчетов, так и отражает различия в социальной психологии жителей маленьких городов и крупных торгово-промышленных центров с их активной «светской» жизнью.

Также было установлено, что за без малого шестьдесят лет, с 1858 по 1915 гг., купечество губернии обновилось более чем на 90 %. При более пристальном изучении купеческих семейств эта цифра, вероятно, может быть снижена, т.к. многие купцы на протяжении периода просто переходили из купечества одного уезда в другое и лишь формально могут быть отнесены к группе вновь вступивших в купечество региона. При этом не всегда с высокой степенью достоверности возможно идентифицировать членов купеческих семейств, по прошествии ряда лет вновь вступавших в гильдии, что было достаточно распространённым явлением в среде купечества губернии. Однако можно констатировать, что в целом купечество в пореформенный период, за исключением последнего пятнадцатилетия, было достаточно динамичной по своему составу социальной группой. Особенно значительным было обновление купечества в 1860-х гг., а затем темпы обновления стали постепенно снижаться, что в целом соответствует данным, приводимым исследователями купечества других регионов²³¹, и свидетельствует о некоторой стабилизации состава купечества.

Таким образом, на протяжении всего изучаемого периода лишь около 9 % семей сумели удержаться в гильдиях. Редкость для купечества многопоколенных династий, в свое время отмеченная В.П. Рябушинским²³², объяснялась как отсутствием прямого наследования членства в гильдии, так и спецификой предпринимательства, которое в определенной мере можно сравнить с искусством. В большинстве случаев бизнес вырастал благодаря таланту основателя дела, но среди

---

²³⁰ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – С. 98.

²³¹ Там же. – С. 99–100.; Нифонтов А.– С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т. 54. – С. 246.

членов его семейства редко находились столь же способные преемники. Прочность финансового положения семьи, позволявшая сохранить членство в гильдии, для следующего поколения складывалась из целого ряда факторов: размеров унаследованного бизнеса, числа и характера наследников, экономической ситуации в стране. Пореформенный же период трудно назвать временем стабильности в российской экономической истории. Необходимо также принимать во внимание, что наиболее успешные купеческие семейства, приобретя право на потомственной почетное гражданство, а подчас и выхлопотав себе дворянские титулы (как это сделала тульская семья купцов Добрыниных), уже не были заинтересованы в купеческом статусе, переходя в категорию «гостей».

Во второй половине XIX – начале XX вв. купечество Тульской губернии переживало многочисленные внутрисемейные разделы, выходило в мещанство и вновь вступало в купечество, переходило из одного региона в другой. В его ряды с той или иной долей успеха пытались влиться представители мещанства, крестьянства, ремесленников и цеховых. Изменение межсословных и межрегиональных связей купечества губернии, динамика его состава и численности служат отражением как эволюции купеческого статуса с точки зрения его привлекательности для других социальных групп и самих купеческих семей, так и особенностей экономической ситуации в различных уездах Тульской губернии в тот или иной период.

---

²³² Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – Москва; Иерусалим: Мосты, 1994. – С.

2. Структура тульской купеческой семьи и отношения между супругами

2.1. Средняя людность и типы купеческих семей

Семья, осуществляя уникальную функцию биологического воспроизводства общества, а также играя ведущую роль в социализации его членов, во многом определяет направленность развития социума и является зеркальным отражением его состояния. Поэтому на фоне незатихающих споров о специфике развития российской цивилизации интерес представляют как выявление общих тенденций изменения семейного состава купечества, так и факторы, сыгравшие определяющую роль в этих процессах.

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. среднее количество членов купеческой семьи Тульской губернии неуклонно снижается: с 10 человек в 1858 г. до 5–6 человек к 1915 г. (Таблица 17). Только в 1908 г. происходит некоторое возрастание состава средней купеческой семьи до 6 человек, но уже в 1915 г. этот показатель снижается до 5,5 человек. Сокращение средней людности купеческой семьи во второй половине XIX века фиксируют и исследователи купечества других регионов империи. Так, Ю.М. Гончаров называет цифру в 5–7 человек для купеческих семей Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.²³³ В городах Симбирской губернии по подсчетам Л.Н. Галимовой людность купеческой семьи в 1874–1906 гг. колеблется от 6,4 до 6,6 человек²³⁴. Интересно, что исследователь фиксирует небольшое возрастание средней людности купеческой семьи этого города на 1906 г., что соответствует временному увеличению средней людности семьи и в тульском купечестве в этот период. Л.А. Лернер насчитывает в 1895 г. в средней купеческой семье отдельных уездов Курской губернии 4,1 членов, в то время как в 1850 г. купеческие семьи этой губернии в

165–166.

²³³ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 116.

²³⁴ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Ульяновск, 2005. – С. 153.

среднем состояли из 9 человек²³⁵. Устойчивое снижение средней численности купеческой семьи Рязани констатирует И.Г. Кусова: если в 1859 г. она составляла 7,2 человека, то в 1880 г. уже 6,3, а в 1915 – 5,6 человек²³⁶. А.Н. Боханов отмечает, что купеческая семья столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга – к началу XX века насчитывала 5–6 членов²³⁷. В южных губерниях многолюдные семьи были более устойчивы: в Ставропольской губернии в конце 1890-х гг. средняя купеческая семья насчитывала 7,3 человек, и только к 1912 г. средняя людность купеческой семьи региона снизилась до 6,1 человека.

Таблица 17

Средняя людность купеческих семей Тульской губернии в 1858–1915 гг.²³⁸

Города с уездами	1858 г.	1868 г.	1878 г.	1888 г.	1898 г.	1908 г.	1915 г.
Тула	7,1	6,4	5,6	5,0	5,0	5,5	5,0
Алексин	10,0	8,5	6,0	7,5	6,5	7,5	5,0
Белев	8,6	7,2	7,8	5,7	5,4	6,4	6,9
Богородицк	12,1	10,6	7,4	7,4	6,9	7,4	6,4
Венев	12,2	10,0	8,5	5,8	5,7	4,6	5,9
Епифань	12,7	10,4	7,4	6,6	5,8	5,0	5,0
Ефремов	11,5	8,1	6,2	5,7	6,1	6,1	5,7
Кашира	9,2	8,4	7,7	6,8	5,0	5,9	6,2
Крапивна	9,5	9,1	8,0	5,7	5,7	6,0	6,1
Новосиль	12,8	8,6	6,5	6,3	7,6	11,1	9,1
Одоев	8,8	7,1	6,3	6,5	6,1	6,7	6,1
Чернь	11,0	8,8	6,6	5,8	5,7	8,1	8,7
Средн.	9,9	8,2	6,5	5,8	5,7	6,0	5,5

²³⁵ Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 2003. – С. 51.

²³⁶ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – Рязань: Март, 1996. – С. 115.

²³⁷ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в.– 1914 г.). – М.: Наука, 1992. – С. 42.

²³⁸ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

Снижение средней людности купеческой семьи обусловлено, на наш взгляд, рядом факторов. Законодательное ужесточение правил приписки членов семейства к купеческому капиталу, последовавшее в 1863 г., вынуждало купечество чаще производить семейные разделы. При переходе купеческого капитала от отца к сыну менялся статус всех членов семьи: «купеческий сын» становился «купеческим братом», «купеческий внук» – «купеческим племянником» и т.п. Степень родства с новым главой капитала не позволяла некоторым членам семейства числиться в его купеческом свидетельстве: они выбывали в мещанство или объявляли капитал уже от собственного имени.

Существенное изменение социально-экономических условий предпринимательства в пореформенный период также могло способствовать росту внутрисемейных разделов. Б.Н. Миронов в своем исследовании приходит к заключению, что между родом деятельности человека и численностью его семейства существует определенная взаимосвязь. Так, по его мнению, «...занятие торговлей, промышленностью в разных ее формах и промыслами ...[способствовало] – уменьшению размера семьи»²³⁹. Более подробно остановился на этой взаимосвязи коллектив авторов А. Авдеев, И. Троицкая и Г. Ульянова, отметив, что «в крестьянском населении ... большая семья со значительным числом трудоспособных мужчин и женщин и вследствие этого со значительным земельным наделом была ... гарантией исполнения ... повинностей. Купечество несло персональную или семейную ответственность за уплату налога, сумма которого зависела не от размера и структуры домохозяйства, а от капитала, объявленного его главой...»²⁴⁰.

Экономическое развитие в пореформенной России было достаточно динамичным. Выше мы отмечали влияние развития сети железных дорог на состояние традиционной для губернии торговли продукцией сельского хозяйства, волну банкротств, охватившую общественные банки Тульской губернии в первой половине 80-х гг. XIX века, а в 1900–1903 гг. империю впервые в полной мере затро-

²³⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – Т.1. – С. 222.

²⁴⁰ Авдеев А., Троицкая И, Ульянова Г. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX веке: Москва и ее окрестности. // Демографическое обозрение. Т. 2. 2015. №2. – С. 83.

нул мировой экономической кризис. Предпринимательская деятельность в этих условиях требовала от купечества, среди прочего, еще более рачительного и ответственного отношения к ведению дел. Между тем наличие в гильдейском свидетельстве помимо самого главы капитала мужчин, достигших 17-летнего возраста, после 1863 г. означало ежегодную уплату как минимум 5 рублей за каждого из них (по первой гильдии – 10 руб.) на оформление купеческого паспорта. С другой стороны, каждый член семейства, вписанный в купеческое свидетельство, мог быть использован в качестве приказчика. Привлечение же приказчика «со стороны» требовало взятия на него отдельного платного свидетельства. К.М. Макистрин, изучая купеческую семью Самары, отметил, что оставление при капитале взрослых сыновей и внуков позволяло сэкономить как на взятии свидетельств на приказчиков, так и на самом их найме²⁴¹. Но далеко не все купеческие родственники могли успешно и добросовестно исполнять роль приказчика. Защищая бизнес купца и его партнеров от самоуправства приказчиков, законодатель ограничивал право членов капитала заключать торговые соглашения условиями доверенности, получаемой от его главы²⁴². На практике же деловые партнеры, видимо, не всегда спрашивали у купеческих сыновей и братьев такую доверенность. Так, в 1864 г. тульский купеческий брат А.В. Мозжечков заключил с руководством Тульского Духовного училища контракт на сумму 1800 руб., который глава семейства, Н.В. Мозжечков, после скоропостижной кончины родственника отказался исполнять, указав, что у брата не было доверенности на совершение этой сделки и он находился «в болезненном состоянии тела и духа» при заключении договора²⁴³. Можно предположить, что купцы зачастую брались оформлять доверенность на своих родственников лишь тогда, когда тем предстояло вести дела за пределами уезда. В этой ситуации нахождение при капитале взрослых родственников, которым купец не мог вполне доверять, оказывалось не только коммерче-

---

²⁴¹ Макистрин К.М. Купеческая семья города Самары в конце XIX – начале XX в. (демографический аспект) // Известия Самарской научного центра Российской академии наук. Отечественная история. – Самара, 2013. № 1. – С. 49–52.

²⁴² Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 г. Ч. II. Статьи к части V. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. – Ст. 57, 71. – С. 79, 81.

²⁴³ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2721. Л. 35–37.

ски нецелесообразно, но и достаточно рискованно. После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности причин числить при капитале взрослых сыновей и внуков в случае, если они оказались не в состоянии успешно включиться в семейный бизнес, стало еще меньше. Показательно, что именно к концу 1870-х гг. средняя людность купеческой семьи Тульской губернии снижается наиболее существенно (в 1,3 раза по сравнению с предыдущим десятилетием).

Проблему внутрисемейных купеческих разделов можно рассмотреть и с другой стороны. Инициатива выхода из семейного бизнеса с целью начать собственное дело или заняться иного рода деятельностью могла исходить и от самих купеческих сыновей и братьев. С начала 1870-х гг. в купеческих семейных списках периодически встречаются пометки делопроизводителей об исключении из капитала сына или внука начальника семейства в связи с окончанием высшего учебного заведения. Получение высшего образования давало право на получение наследственного статуса «потомственного почетного гражданина», но не отменяло необходимости объявлять капитал в случае ведения коммерческих дел с соответствующим оборотом. Исключение таких юношей из купеческих списков указывает на начало купеческими родственниками самостоятельной профессиональной деятельности вне сферы торгово-промышленного предпринимательства. Таким образом, семейные разделы, не позволявшие разрастаться купеческим семьям, могли быть, в том числе, и проявлением роста индивидуализма и личной инициативы, постепенного освобождения личности от диктата семьи. Этот вывод перекликается с заключением, сделанным Л.А. Лернер, указывавшей на сохранение в купеческой среде патриархальных традиций как на причину высокой средней людности купеческих семей середины XIX века. При этом исследователь подчеркивала, что в губернских городах принесенная из деревни установка на большую семью изживалась быстрее. Действительно, на протяжении почти всего изучаемого периода купеческая семья Тулы обладала самой низкой средней людностью среди всех уездов губернии.

Разделение купеческих семей на типы по количеству домочадцев (до 5 человек, от 6 до 10 человек и более 10 человек) с последующим анализом доли каж-

дого из типов семей в купечестве губернии позволяет подтвердить выявленные тенденции изменения средней численности купеческой семьи (Таблица 18)²⁴⁴.

Таблица 18

**Типы семей по количеству членов и поколенному составу
в купечестве Тульской губернии в 1858–1915 гг.**²⁴⁵

Год	Регионы	Типы семей по количеству членов						Типы семей по поколенному составу					
		до 5 чел.		6–10 чел.		более 10 чел.		1 поколение		2 поколения		3–4 поколения	
		шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
1858	Тула	103	41,7	110	44,5	34	13,8	33	13,4	147	59,5	67	27,1
	Уезды	238	22,2	413	38,5	421	39,3	63	5,9	495	46,2	514	47,9
	Всего	341	25,9	523	39,7	455	34,5	96	7,3	642	48,7	581	44,0
1868	Тула	130	46,6	104	37,3	45	16,1	54	19,4	152	54,5	73	26,2
	Уезды	300	30,3	419	42,4	270	27,3	93	9,4	510	51,6	386	39,0
	Всего	430	33,9	523	41,2	315	24,8	147	11,6	662	52,2	459	36,2
1878	Тула	181	57,6	97	30,9	36	11,5	80	25,5	176	56,1	58	18,5
	Уезды	239	42,3	232	41,1	94	16,6	81	14,3	316	55,9	168	29,7
	Всего	420	47,8	329	37,4	130	14,8	161	18,3	492	56,0	226	25,7
1888	Тула	143	61,4	74	31,8	16	6,9	58	24,9	142	60,9	33	14,2
	Уезды	264	50,9	193	37,2	62	11,9	103	19,8	283	54,5	133	25,6
	Всего	407	54,1	267	35,5	78	10,4	161	21,4	425	56,4	167	22,2
1898	Тула	139	61,0	75	32,9	14	6,1	64	28,1	135	59,2	29	12,7
	Уезды	227	49,8	182	39,9	47	10,3	76	16,7	284	62,3	96	21,1
	Всего	366	53,5	257	37,6	61	8,9	140	20,5	419	61,3	125	18,3
1908	Тула	109	55,3	72	36,5	16	8,1	39	19,8	129	65,5	29	14,7
	Уезды	127	49,6	90	35,2	39	15,2	54	21,1	146	57,0	56	21,9
	Всего	236	52,1	162	35,8	55	12,1	93	20,5	275	60,7	85	18,8

²⁴⁴ Для удобства восприятия большого массива данных было решено отказаться для Таблиц 18 и 19 от приведения показателей по каждому уезду. Вместо этого было введено разграничение купечества Тулы и уездных городов, как отражающего различия в темпах изменения рассматриваемых показателей в губернском городе и уездных центрах. В тексте, если не указано иначе, анализируются средние данные по губернии.

²⁴⁵ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

1915	Тула	135	61,1	67	30,3	19	8,6	68	30,8	126	57,0	27	12,2
	Уезды	93	50,3	70	37,8	22	11,9	32	17,3	116	62,7	37	20,0
	Всего	228	56,2	137	33,7	41	10,1	100	24,6	242	59,6	64	15,8

В конце 50-х гг. XIX века в Тульской губернии преобладала, хотя и незначительно, семья, насчитывающая 6–10 человек (в среднем 39,7 % семей). Через десять лет, в 1868 г. доля таких семей незначительно возрастает (до 41,2 %) за счет существенного сокращения доли семей с числом домочадцев более 10 человек (с 35,4 % до 24,8 %) и увеличения таковой небольших семей (с 25,9 % до 33,9 %). При этом в Туле доля семей из 5 человек и меньше уже к этому времени становится преобладающей (46,6 %). К концу 1870-х процент семей, состоящих не более чем из 5 человек, становится наибольшим уже по всей губернии (47,8 %).

Тенденция роста доли небольших по составу семей за счет сокращения представительства семей двух других типов сохраняется и в 1880-е гг. Первый из указанных типов семей составляет в 1888 г. уже более половины всех купеческих семейств Тульского региона (54,1 %). В 1898 г. процент семей из 5 и менее человек несколько снижается, при этом происходит небольшое увеличение доли семейств в 5–10 человек, а затем к 1908 г. возрастает процент многолюдных семей. Выше было отмечено, что к концу первого десятилетия XX века средняя численность купеческой семьи временно возрастает, вернувшись к показателям двадцатилетней давности. Вероятно, указанная тенденция стала результатом изменения порядка причисления в купечество и лишения этой социальной группы ее экономических привилегий «Положением о государственном промысловом налоге» 1898 г. К 1908 г. количество купеческих семейств сокращается более чем на 40 % (наибольшее сокращение состава за весь изучаемый период). Можно предположить, что от приобретения сословных купеческих свидетельств, требовавших дополнительных, но не обязательных для ведения крупного бизнеса расходов, чаще отказывались предприниматели в меньшей степени ориентированные на традиционные ценности. Соответственно, остаются в сословии семейства, стремившиеся к сохранению престижного статуса и распространению его на как можно более

широкий круг своих членов. Однако, меньше чем через десятилетие, к 1915 г., возобновляется тенденция снижения численности купеческой семьи и процент семей с числом домочадцев не более 5 человек достигает по губернии 56,2 % (по Туле этот показатель оказывается несколько выше – 61,1 %, а в уездах, напротив, заметно ниже – 50,3 %). Видимо, из состава купеческих семейств выбывали повзрослевшие дети: дочери выходили замуж, а некоторые сыновья покидали семейство как в результате конфликтов, так и стремясь обрести самостоятельность. В условиях снижения темпов обновления купечества с начала XX века утрата заинтересованности в этом статусе более молодого поколения естественным образом приводила купеческую семью к сокращению своего состава.

Обращение к анализу динамики поколенной структуры купеческой семьи (Таблица 18) позволяет констатировать, что семьи, насчитывавшие три и более поколения, к 1915 г. становятся достаточно редким явлением (15,8 %), в то время как в 1858 г. к этому типу относилась практически каждая вторая тульская купеческая семья (44 %). Двухпоколенная семья преобладает в купеческой среде на протяжении всего изучаемого периода: доля таких семейств возрастает вплоть до 1898 г. (с 48,7 до 61,3 %), а затем начинает незначительно снижаться (до 59,1 % в 1915 г.).

Параллельно разворачивается процесс роста доли однопоколенных семей в тульском купечестве. Купеческая семья, как своеобразная форма предпринимательства, естественным образом была нацелена на обеспечение продолжения дела следующими поколениями, потому в начале изучаемого периода доля однопоколенных семейств составляла менее 10 %. Но к 1915 г., когда была утрачена непосредственная связь крупного торгово-промышленного бизнеса с принадлежностью к гильдиям, однопоколенными являлась четверть купеческих семейств региона. Показательно, что именно в период с 1908 по 1915 гг. процент таких семей в купеческой среде возрастает на 4,5 %, в то время как в предыдущее десятилетие его рост составил всего 0,2 %, а еще десятилетием ранее наблюдалось даже некоторое снижение однопоколенных семейств – на 1,1 %. Это подтверждает предположение, что в период с 1908 по 1915 гг. многие представители младшего поколения

покидали купечество. Вновь можно констатировать, что изживание патриархальных форм семейной организации происходило в губернском городе быстрее по сравнению с уездными центрами. Так, выявленная тенденция к сокращению трехпоколенных семей на протяжении всего периода проявлялась в г. Туле в большей степени, нежели в уездных городах (27,1 против 47,9 % в 1858 г. и 12,2 против 20 % в 1915 г.). Двухпоколенные семьи преобладали и в купеческих семьях Симбирска²⁴⁶. При этом динамика поколенной структуры Тульской губернии существенно отличается от данных, приводимых Л.А. Лернер по Курской губернии. Согласно подсчетам исследователя, к концу XIX века в регионе почти 90 % семей были однопоколенными, а трех- и четырехпоколенных семей не было вовсе²⁴⁷.

Уточнить сделанные выводы можно с помощью классификации купеческих семей Тулы по характеру родственных связей между ее членами и последующего анализа динамики каждого из выделенных типов (Таблица 19). Классификация была проведена на основе типологий, предложенных О.В. Фоминой и В.А. Зверевым²⁴⁸ с учетом наиболее характерных для тульского купечества семейных типов. К первому типу была отнесена малая или нуклеарная семья: один или двое родителей с детьми или бездетная супружеская пара. Вторым типом представляются не состоящие в браке братья и сестры. К семьям третьего типа отнесены одинокие представители купечества, которые могут представлять собой как конечный, так и начальный этап формирования семейной ячейки. Эти три типа семейной организации могут быть охарактеризованы как «простые». Четвертым типом – расширенная семья. К этому типу были отнесены семьи, в которых вместе с брачной парой или одним родителем проживает сын, вступивший в брак. Также к данному типу были отнесены семьи, в которых совместно с брачной парой проживают братья или сестры, не вступившие в брак или бездетные вдовы невестки. Пятым типом – составная отцовская семья. Это семья, в которой в брак вступили двое и более

²⁴⁶ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 155.

²⁴⁷ Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. – С. 67–68.

²⁴⁸ Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2003. – С. 73.; Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – С. 39–40.

сыновей, проживающих вместе с родителями или родителем. Для простоты анализа к данному типу были отнесены и т.н. «линейные» семьи – семьи, в которых существуют три брачные пары вертикального родства, т.е. женатые сыновья и как минимум один из внуков. Сюда же было решено отнести семьи, в которых проживают наряду с основной брачной парой и дальние родственники бокового родства – племянники, двоюродные братья. Шестой тип – это сложная братская семья: вместе проживают двое и более женатых братьев. Последние три типа семейной организации можно обозначить как «сложные».

Таблица 19

**Типы семей по характеру родственных связей в купечестве
Тульской губернии в 1858–1915 гг.²⁴⁹**

Год	Регион	Простые типы семьи							Сложные типы семьи						
		1-й тип		2-й тип		3-й тип		Всего	4-й тип		5-й тип		6-й тип		Всего
		шт.	%	шт.	%	шт.	%		%	шт.	%	шт.	%	шт.	
1858	Тула	122	49,4	3	1,2	8	3,2	53,8	62	25,1	40	16,2	12	4,9	46,2
	Уезды	335	31,3	9	0,8	25	2,3	34,4	242	22,6	323	30,1	138	12,9	65,6
	Всего	457	34,6	12	0,9	33	2,5	38,1	304	23,0	363	27,5	150	11,4	61,9
1868	Тула	142	51,1	6	2,2	21	7,6	60,8	60	21,6	38	13,7	11	4,0	39,2
	Уезды	367	37,1	16	1,6	33	3,3	42,0	256	25,9	237	23,9	81	8,2	58
	Всего	509	40,1	22	1,7	54	4,3	46,1	316	24,9	275	21,7	92	7,3	53,9
1878	Тула	186	59,2	8	2,5	38,0	12,1	73,9	50	15,9	24	7,6	8	2,5	26,1
	Уезды	281	49,7	10	1,8	23	4,1	55,6	136	24,1	81	14,3	34	6,0	44,4
	Всего	467	53,1	18	2,0	61	6,9	62,0	186	21,2	105	11,9	42	4,8	37,9
1888	Тула	136	58,4	3	1,3	33	14,2	73,8	37	15,9	19	8,2	5	2,1	26,2
	Уезды	275	53,0	14	2,7	34	6,6	62,2	122	23,5	62	11,9	12	2,3	37,8
	Всего	411	54,7	17	2,3	67	8,9	65,9	159	21,1	81	10,8	17	2,3	34,2
1898	Тула	40	61,4	4	1,8	27	11,8	75	39	17,1	15	6,6	3	1,3	25,0
	Уезды	268	58,9	8	1,8	33	7,3	67,9	93	20,4	39	8,6	14	3,1	32,1
	Всего	408	59,7	12	1,8	60	8,8	70,3	132	19,3	54	7,9	17	2,5	29,7

²⁴⁹ Составлено по ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

1908	Тула	124	62,9	5	2,5	19	9,6	75,1	36	18,3	10	5,1	3	1,5	24,9
	Уезды	145	56,6	6	2,3	28	10,9	69,9	48	18,8	21	8,2	8	3,1	30,1
	Всего	269	59,4	11	2,4	47	10,4	72,2	84	18,5	31	6,8	11	2,4	27,7
1915	Тула	141	63,8	4	1,8	30	13,6	79,2	37	16,7	8	3,6	1	0,5	20,8
	Уезды	104	56,2	5	2,7	11	5,9	64,9	40	21,6	17	9,2	8	4,3	35,1
	Всего	245	60,3	9	2,2	41	10,1	72,6	77	19,0	25	6,2	9	2,2	27,4

В начале изучаемого периода малая семья преобладала в тульском купечестве, но удельный вес составной отцовской семьи был немногим меньше (34,6 % и 27,5 % соответственно). При этом совокупная доля семей, которые могут быть отнесены к «простым», заметно уступала проценту всех сложных типов семей в тульском купечестве (38,0 % против 61,9 %). Здесь можно увидеть как приверженность купечества традиционным ценностям, предполагающим сохранение отцовской власти даже над женатыми сыновьями и их совместное проживание, так и действие простых экономических расчетов. Причисление к одному капиталу позволяло родственникам, сэкономив на приобретении свидетельства, пользоваться преимуществами купеческого статуса. Видимо этому способствовало и определенное попустительство со стороны местных властей. Вопреки законодательству в купеческих семьях 1858 г. по ряду уездов (Белев, Венев, Епифань, Ефремов, Кашира) значатся двоюродные братья, двоюродные племянники и деверя. Также с большой долей вероятности можно предположить, что семьи, насчитывавшие по некоторым уездам по 30, 40 и более человек, вряд ли вели совместное хозяйство и проживали в одной усадьбе, т.е. были семьей в подлинном смысле слова. Для законодателя, однако, значение имела, прежде всего, экономическая функция купеческой семьи. Раздельное проживание с родственниками, состоящими в одном капитале, допускалось при условии ведения общего дела. Так, алексинский купец П.К. Рыкалов (семья которого в 1858 г. насчитывала 17 человек) в своем завещании прямо указывал, что его сын Павел, «...хотя и состоит со мной в одном капитале, но живет со своим семейством отдельно...»²⁵⁰. Сопостав-

²⁵⁰ ГАТО. Ф. 1231. Оп. 1. Д. 9. Л. 59.

ление Тулы и уездных городов вновь позволяет констатировать заметно более быстрое развитие купеческой семьи губернского города в направлении простых форм семейной организации. Уже в 1858 г. в Туле доля малых семей существенно превосходила таковую составных отцовских (49,4 % против 16,2 %), а процент последних, к тому же, уступал в губернском городе и доле расширенных семей (25,1 %). Как устойчивость традиционных семейных установок, так и стремление сэкономить на купеческом свидетельстве очевидным образом более актуальны для купечества уездных городков, тесно связанного с сельской местностью и имеющего меньше средств для приобретения сословных привилегий.

После принятия «Положения о пошлинах» 1863 г., еще больше сузившего круг родственников, которых было разрешено причислять к купеческому капиталу, контроль местных властей за составом купеческих семейств, видимо, усилился. К концу 60-х гг. XIX века процент сложных отцовских семей по губернии снижается (с 27,5 % до 21,7 %), а в семейных списках купцов уже нет отступлений от закона. Заметно падает и доля сложных братских семей (с 11,4 % до 7,3 %), возможность сохранения которых в купечестве ограничило «Положение о пошлинах». Семейные разделы приводят к росту доли простых форм семей: «одиночек», семей из не состоящих в браке братьев и сестер, и в наибольшей степени, нуклеарной семьи (с 34,6 % до 40,1 %). Тем не менее, совокупный процент простых семей в 1868 г. все еще уступает доле сложных семей в купечестве (46,1 % против 53,9 %).

В 1878 г. совокупный процент простых семей уже заметно больше совокупного процента сложных семей (62,0 % против 37,9 %), а по Туле превосходит его более чем в два раза (73,9 против 26,1 %). Происходит это за счет интенсивного роста доли малой семьи в купечестве губернии (с 40,1 % до 53,1 %). Почти в два раза сокращается и доля сложной отцовской семьи (с 21,7 % до 11,9 %). Законодательные ограничения и потеря значительной части преимуществ купеческого статуса, а также рост налогообложения привели к тому, что купечество уже не было заинтересовано в искусственном расширении состава своих семейств. Таким образом, данные конца 70-х гг. XIX века предположительно представляют более до-

стоверную информацию о реальном составе и преобладающих типах купеческих семей региона. Так, динамика остальных форм семейной организации, сохранив прежнюю направленность (увеличение доли «простых» семей и семьи расширенной, снижение процента братских семей), демонстрирует заметно более низкие темпы (от 0,3 % до 4,1 %). Вероятно, это свидетельствует о большей устойчивости таких семейных форм, как реально существующих, в отличие от сложной отцовской семьи, в ряде случаев присутствовавшей лишь в купеческих свидетельствах.

Динамика долей различных типов семейной организации в тульском купечестве в последующие десятилетия подтверждает сделанный вывод. После резких колебаний конца 50-х – конца 70-х гг. XIX века процент всех шести типов семьи лишь незначительно изменяется к концу 1880-х гг. (в пределах от 0,3 % до 2,5 %). Выявленная тенденция к упрощению форм семейной организации при этом сохраняется. К концу 1890-х гг. несколько ускоряется рост доли нуклеарной семьи (на 5 % – до 59,7 %), при незначительном сокращении процента всех остальных типов семей кроме братской (последний возрастает на символические 0,2 %). Последовавшее в 1898 г. изменение порядка причисления в купечество уже не вызвало существенных перемен в процентном распределении различных типов семей в тульском купечестве. Это позволяет подтвердить наш тезис как о фиктивности значительной части сложных отцовских и братских семей, фиксируемых купеческими списками конца 50–60-х гг. XIX века, так и о большем соответствии действительности списков купеческих семейств в последующие десятилетия, вплоть до начала XX века.

Неуклонно на протяжении всего изучаемого периода снижается доля сложной отцовской семьи (6,2 % в 1915 г.). Препятствием к сохранению этого типа семьи были, видимо, как естественные трудности (экономического и бытового плана) в совместном проживании быстро разрастающихся семейств сыновей, вступивших в брак, так и возраставшая экономическая независимость детей от отца в случае получения ими специального образования.

Еще большей редкостью становится сложная братская семья (2,2 % в 1915 г.). Совместное проживание и ведение бизнеса двух и более братьев с женами и детьми очевидным образом было в наибольшей степени подвержено бытовым и деловым конфликтам с последующим разделом. Некоторую устойчивость в начале изучаемого периода такому типу семьи придавало желание сэкономить на купеческих свидетельствах и избежать дробления унаследованного от отца капитала. С течением времени количество семей, числившихся в купечестве до 1863 г., которым законодатель разрешал оставлять в купеческом свидетельстве совершеннолетних братьев главы капитала, неизбежно снижалось.

Относительную устойчивость из всех «сложных» типов семьи демонстрирует расширенная семья, доля которой занимает второе место после нуклеарной и составляет к 1915 г. 19 % от всех семей региона. Тот из сыновей, в котором родители видели своего преемника, в большинстве случаев оставался вместе с ними даже после вступления в брак и обзаведения собственными детьми. Необходимость сохранения контроля над хотя бы одним из сыновей с постепенной передачей ему ведения коммерческих дел диктовалась нацеленностью купечества на обеспечение преемственности своего бизнеса.

В начале XX века возобновляется рост долей простых форм семьи, из которых нуклеарная в 1915 г. составляла уже почти 60 % всех купеческих семей Тульской губернии. Также с начала изучаемого периода заметно увеличилась доля одиноких купцов, составляя в 1915 г. более 10 %. Здесь можно увидеть проявление устойчивости сословных ценностей для людей старшего поколения, которые, доживая свой век в одиночестве, продолжали приобретать купеческие документы, в то время как их дети уже не были заинтересованы в сохранении членства в гильдии. Вторым объяснением может служить небрежность делопроизводителей. Так, в купечестве Тулы представительство «одиночек» в абсолютных цифрах было наиболее существенным (30 человек в 1915 г. – 13,6 % всех купеческих семейств этого города, а в остальных уездах вместе взятых – лишь 11 человек – 5,9 %). Между тем, зафиксирован целый ряд случаев, относящихся преимущественно ко второму десятилетию XX века, когда при вступлении в тульское купечество в

списки купцов заносился только один человек, а спустя год-два в документах начинало фигурировать его семейство. Таким образом, вполне возможно, что часть одиноких купцов по Туле на деле таковыми не являлась. При этом с начала XX века переписчики все чаще не указывали возраст вновь вступающих в купечество, что мешает сделать обоснованные предположения относительно возможных причин отсутствия семейства у таких «одинок». В 1915 г. не указан возраст 22 тульских купцов-глав капиталов (5,6 % купцов старше 18 лет). Помимо семейных купцов, ошибочно отнесенных к «одинокам», это могли быть, как уже названные пожилые вдовцы, не имевшие детей и старые холостяки, так и относительно молодые люди, не успевшие еще создать семью или не пожелавшие этого сделать.

Доля семей, состоящих из холостых и незамужних братьев и сестер, продемонстрировав наименьшую динамику на протяжении изучаемого периода, к 1915 г. оставалась незначительной (только 2,2 %). Чаще всего такие семьи образовывали пожилые уже люди, так и не вступившие в брак. Но встречались и семьи, состоявшие из сирот, оставшихся без родителей в достаточно молодом возрасте. В последнем случае такой тип семьи оказывался крайне неустойчивым и изменялся после женитьбы одного из братьев.

Сравнение приведенных показателей по тульской губернии с данными по городам Западной Сибири, приводимым Ю.М. Гончаровым²⁵¹, показывает, что упрощение семейных структур было общей тенденцией для этих регионов.

2.2. Брачная структура и возраст вступления в первый брак

Темпы и направленность динамики брачного поведения купечества в пореформенный период дает возможность в определенной мере судить о степени подверженности этой группы процессам модернизации. Индикатором здесь может выступать мера приближения купеческой семьи к европейскому типу брачности, выделенному Дж. Хаджналом и характеризующую относительно поздним (26–28 лет у мужчин, после 24 лет у женщин) вступлением в брак при наличии достаточно большой доли лиц, остающихся вне брака на протяжении всей своей жизни (9–

20 % для мужчин и 11–29 % для женщин)²⁵². Напротив, традиционный тип брачного поведения предполагает высокий уровень брачности и достаточно раннее вступление в брак. При рассмотрении брачной структуры тульского купечества (Таблица 20) учитывались все члены семейства купца, записанные при капитале и достигшие брачного возраста – на основании императорского указа от 1830 г. он составлял для юношей 18, а для девушек – 16 лет²⁵³.

Данные о брачном статусе купцов Тулы свидетельствуют, что большинство тульских купцов брачного возраста, как мужчин, так и женщин, состояли в браке. Процент холостых купцов на протяжении всего рассматриваемого периода несколько превышал процент незамужних женщин купеческого сословия. Это хорошо иллюстрирует половые различия в брачно-семейном поведении представителей данной социальной группы. При этом, в отличие от структуры купеческих семей, при рассмотрении такого показателя как брачный статус, не было выявлено существенных различий между купечеством Тулы и уездными городами.

Таблица 20

Брачная структура купечества Тульской губернии в 1858–1915 гг.²⁵⁴

Год	Мужчины						Женщины					
	Холостяки		Женатые		Вдовы		Незамужние		Замужние		Вдовы	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1858 ²⁵⁵	1460	38,6	2145	56,7	177	4,7	730	21,9	2186	65,7	413	12,4
1868	1528	42,6	1852	51,6	207	5,8	660	24,8	1675	62,9	328	12,3
1878	678	37,9	1017	56,8	96	5,4	448	28,5	947	60,2	178	11,3
1888	560	39,3	796	55,7	72	5,0	365	29,5	725	58,6	147	11,9

²⁵¹ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – С. 134–135.

²⁵² Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе. // Брачность, рождаемость, семья за три века. – М.: Статистика, 1979. – С. 14–23.

²⁵³ СЗРИ. Т. X. Ч. I. Законы гражданские. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 3. – С. 1.

²⁵⁴ Составлено по БУОО ГАОО. Ф. 760. Д. 645; ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 23; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Ф. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Ф. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

²⁵⁵ В Таблицах 20–24, 26–27 данные за 1858 г. не включают сведений по Богородицку и Кашире.

1898	485	39,1	694	56,0	61	4,9	334	30,0	658	59,1	122	11,0
1908	373	44,1	425	50,3	47	5,6	296	37,2	405	50,9	94	11,8
1915	374	47,3	378	47,8	38	4,8	303	40,6	364	48,9	78	10,5

Как отмечала исследователь московского купечества XVIII в. О.В. Фомина, при существовавшем традиционном типе брачности «...у русской женщины не существовало альтернативы браку и семье». Женитьбе же мужчин-купцов «...предшествовало приобретение навыков и знаний, необходимых в их профессиональной деятельности ...». Доли мужчин-холостяков, вдовцов и женатых с 1858 по 1898 гг. испытывали разнонаправленные колебания в пределах 0,1 – 4,7%, но с начала XX века обозначилась тенденция к сокращению процента женатых купцов при росте такового холостяков. Однако необходимо учитывать определенную неполноту данных о семейном статусе наиболее многочисленного в регионе купечества Тулы, обусловленную небрежностью делопроизводителей этого периода. В отношении же купеческих женщин можно уже с 1858 г. проследить выраженную тенденцию к увеличению процента представительниц купечества, не состоящих в браке (с 21,9 % в 1858 г. до 40,6 % в 1915 г.), заметно усилившуюся с начала XX века. Таким образом, брачное поведение купеческих женщин сближалось с таковым мужчин, развиваясь в направлении европейской модели брачности.

Распределение купеческих мужчин и женщин по возрастным группам и выделение в каждой из них процента не состоящих в браке (Таблица 21, 22), позволяет определить как возрастной диапазон вступления в первый брак, так и уровень окончательной безбрачности. Приведенные данные свидетельствуют, что тульские купцы-мужчины во второй половине XIX – начале XX вв. вступали в брак, как правило, после 30 лет. Случаи женитьбы в относительно юном возрасте – до достижения совершеннолетия²⁵⁶ – на протяжении всего изучаемого периода были, видимо, редким явлением. Доля женатых мужчин в возрастной группе 18–20 лет колебалась от 4,8 % в 1858 г. до 1,2 % в 1915 г. При этом в 1878 и 1888 гг.

²⁵⁶ СЗРИ. Т. X. Ч. I. Законы гражданские. – Ст. 213. – С. 40.

таковых не зафиксировано вовсе. В возрастных группах 21–30 и 31–40 лет отчетливо прослеживается тенденция к росту процента холостяков (небольшое снижение этого показателя по сравнению с предшествующим периодом отмечено лишь, соответственно, в 1888 и 1898 гг.).

Таблица 21

Доля купцов мужского пола, не состоявших в браке, к общей численности купцов в Тульской губернии по возрастным категориям в 1858–1915 гг.²⁵⁷

Год	Мужчины-холостяки											
	18–20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51–60 лет		более 60 лет	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1858	374	95,2	824	64,4	204	22,6	47	8,7	10	2,6	1	0,4
1868	401	95,5	861	67,6	193	25,5	56	11,4	14	3,8	2	0,7
1878	154	100,0	325	72,5	122	28,7	51	14,5	20	7,9	5	3,1
1888	130	100,0	274	79,7	92	27,3	42	16,0	18	9,7	12	6,8
1898	114	99,1	249	78,1	77	29,2	27	11,5	12	6,8	6	4,6
1908	70	98,6	198	86,8	73	39,3	20	12,6	6	5,3	6	6,7
1915	81	98,8	188	88,3	64	42,1	17	13,1	7	6,4	4	4,8

К 1915 г. среди купеческих мужчин возрастом 31–40 лет значительная часть (42,1 %) не состояла в браке, причем доля холостяков в этой группе существенно выросла с 1858 г., когда она насчитывала 22,6 %. В 1908 гг. отмечено резкое увеличение процента неженатых купцов в рассматриваемой возрастной группе по сравнению с 1898 г. (на 10,5 %), которое может быть отчасти объяснено упомянутой ранее небрежностью тульских делопроизводителей начала XX в., не всегда указывавших в купеческих списках состав семейства вновь вступающих в сословие. Также вероятно и выбытие из купеческих семейств взрослых сыновей после

²⁵⁷ Составлено по БУОО ГАОО. Ф. 760. Д. 645; ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 23; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

обзаведения ими собственной семьей. Однако, несмотря на возможное влияние на итог подсчетов приведенных обстоятельств, в целом можно констатировать, что в Тульской губернии купеческие мужчины вступали в брак все позже, и к концу изучаемого периода значительная доля представителей купечества женилась после тридцати лет. Этот вывод вполне согласуется с данными о среднем возрасте вступления в первый брак купцов Тулы, полученными в результате анализа ежегодных купеческих списков по этому городу. Так, если в период 1860–1878 гг. средний показатель возраста заключающих первый брак мужчин составлял 26,6 лет, то в 1879–1896 – 27,2 года, а в 1897–1914 гг. он достигает уже 29,1 лет, совершив заметный скачок почти на 2 года по сравнению с предыдущей временной отсечкой. Между тем, согласно исследованиям Б.Н. Миронова, с 60-х гг. XIX в. и до 1917 г. средний брачный возраст для юношей в России составлял 24,2 года, а в крупных городах к 1910 г. – 27,7 лет²⁵⁸. Для купечества средней полосы России абсолютный брачный возраст мужчин приходился на 26–35 лет²⁵⁹. Средний возраст тульских женихов в 1897–1903 гг. колебался в диапазоне от 26,6 до 27,2 лет²⁶⁰. Таким образом, купеческие мужчины в первый брак вступали несколько позже, чем средний горожанин. Столь позднее вступление в первый брак даже по меркам европейской модели брачности для мужчин-предпринимателей, вероятно, было продиктовано социально-экономическими факторами. Оттягивая время обзаведения женой и детьми, сам купец или члены его семейства стремились уберечь свой бизнес от неизбежных расходов на содержание иждивенцев, которыми являлись малолетние дети и отчасти супруга. Также, в случае смерти женатого родственника главы купеческого семейства, состоявшего с ним в одном свидетельстве, его вдова и дети могли по закону требовать выдела из родового имения своей доли. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что при наличии нескольких женатых и имеющих детей братьев, младшие сыновья купца или купчихи, продолжая числиться при капитале, зачастую оставались холостяками. Нельзя

---

²⁵⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. С. 169.

²⁵⁹ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). С. 25.

²⁶⁰ Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1903 г. Тула. С. 170.

сбрасывать со счетов и вероятную смену ценностных установок в российском пореформенном обществе: ориентация на личный успех и индивидуальный жизненный выбор постепенно вытесняли традицию наличия большой семьи и следования моделям брачного поведения старшего поколения. Вероятно также, что указанные социально-экономические факторы были одной из причин, влиявших на изменение мировоззрения купечества в части отношения к браку и семье.

В возрастной группе мужчин 41–50 лет доля холостяков, продемонстрировав некоторый рост в конце 70–80-х гг. XIX века (с 8,7 % в 1858 до 16 % в 1888 г.), в 1898 г. вернулась к показателям конца 1860-х гг., составляя 11,5 %. В первые десятилетия XX века вновь фиксируем некоторое возрастание процента неженатых мужчин в этой возрастной группе, который достиг в 1915 г. 13 %. Аналогичным образом доля холостяков среди купцов 51–60 лет, после заметного роста в 1870–1880-е гг. (с 2,6 % в 1858 г. до 9,7 % в 1888 г.) к концу 1890-х гг. снижается до 6,8 %, а в 1908 и 1915 гг. демонстрирует еще более низкие показатели: соответственно 5,3 % и 6,4 %.

Ту же самую динамику демонстрирует и процент мужчин, не состоявших в браке среди купцов самой старшей возрастной категории – после 60 лет: стабильный рост до 1888 г. (до 6,8 %), после чего резкое снижение в 1898 г. (4,6 %), а затем некоторое увеличение показателей, которое, однако, не является устойчивым (6,7 % в 1908 г. и 4,8 % в 1915 г.). Колебания процентов во многом связаны с относительной немногочисленностью в начале XX века как тульского купечества вообще, так и пожилых его представителей в особенности. В такой ситуации минимальные изменения количества неженатых купцов в данной возрастной группе оказывает существенное влияние на процентные показатели. Но в целом уровень окончательного безбрачия (если взять за индикатор такового для мужчины сохранение статуса холостяка после 50 лет) среди тульского купечества хотя и возрастал, приближаясь к европейской модели брачности, все еще не достигал его.

Динамика доли незамужних среди женщин купеческого сословия по возрастным категориям (Таблица 22) во многом повторяет таковую мужчин: прослеживается сдвигание возраста вступления в первый брак на более поздний период.

Изменение брачного поведения мужчин закономерным образом влияло на брачное поведение женщин. На протяжении всего изучаемого периода купеческие женщины выходили замуж чаще всего в возрастном диапазоне 21–30 лет (в возрастной группе до 21 года подавляющее большинство девушек были не замужем, а в возрастной группе после 30 лет, напротив, в основной своей массе уже состояли в браке). При этом доля незамужних девушек 21–30 лет устойчиво возрастает от десятилетия к десятилетию, составляя в 1915 г. 63,5 %, что и позволяет нам сделать вывод о все более позднем вступлении в первый брак купеческих женщин.

Таблица 22

Доля лиц, не состоявших в браке к общей численности купеческих жен, вдов и дочерей Тульской губернии по возрастным категориям в 1858–1915 гг.²⁶¹

Год	Незамужние женщины											
	16–20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51–60 лет		более 60 лет	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1858	416	70,9	240	23,6	61	8,6	7	1,5	6	1,8	0	0,0
1868	361	71,8	209	27,6	63	11,9	21	5,3	3	1,1	3	1,6
1878	237	87,5	148	34,0	43	12,8	17	6,5	7	4,8	0	0,0
1888	185	81,5	122	37,0	33	13,7	16	8,0	10	7,5	1	1,0
1898	157	88,2	128	37,9	33	15,0	11	6,1	4	3,5	3	3,6
1908	134	90,5	110	53,1	34	19,7	12	10,4	4	4,8	2	3,4
1915	126	93,3	115	63,5	41	26,6	13	12,1	6	8,7	3	4,8

Определенную роль в резком увеличении доли незамужних женщин по ряду возрастных групп в 1908 и 1915 гг. вновь могла сыграть небрежность тульских делопроизводителей начала XX века: часто они не указывали возраст жен купцов

²⁶¹ Составлено по БУОО ГАОО. Ф. 760. Д. 645; ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 23; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

и членов их семей, впервые появляющихся в списках. В итоге эти женщины (всего 10 человек в 1908 г., что составляет 3 % всех женщин брачного возраста, и 40 человек в 1915 г., – 10,3 %) не были включены в подсчеты, что способствовало увеличению в них удельного веса незамужних женщин. Также с упрощением структуры купеческих семей к началу XX века в большинстве из них было 1–2 замужние и вдовы женщины (жена или вдова главы капитала и ее невестка), что опять же приводит к росту удельного веса незамужних женщин, представленных дочерьми или сестрами купца. Однако динамика среднего возраста вступления купеческих женщин в брак по г. Туле вполне укладывается в обозначенную тенденцию его увеличения, не демонстрируя при этом резких скачков: в 1860–1878 гг. он составлял 20,3 года, в 1879–1896 гг. вырос до 21,4 лет, а в 1897–1914 гг. равнялся 22,2 годам. Средний возраст вступления в брак для русской девушки по подсчетам Б.Н. Миронова в 1867–1910 гг. составлял 21,4 года, а в крупных городах к 1910 г. – в 24,3 года²⁶². Таким образом, на протяжении изучаемого периода тульские купеческие девушки в среднем выходили замуж заметно раньше средне-статистической городской невесты. На достаточно высокий абсолютный брачный возраст купеческих невест средней полосы России (17–20 лет) указывала и Г.В. Жирнова²⁶³. Тем не менее, средний возраст вступления в брак для этой категории невест имел тенденцию к возрастанию, и на рубеже веков уже вписывался в средне-статистические данные по Туле (в 1897–1903 гг. средний возраст тульских невест колебался в диапазоне от 21,7 до 22,4 лет²⁶⁴).

Следствием увеличения возраста вступления в первый брак для купеческих женщин стал рост доли оставшихся вне брака – к таковым с определенной степенью условности можно отнести женщин, не вышедших замуж до 40 лет. Доля незамужних женщин в возрастной группе 41–50 лет, составлявшая в конце 1850-х гг. 1,5 %, к 1915 г. возрастает до 12,1 %. В последующих возрастных группах (51–60 лет и старше) доля незамужних женщин также увеличивается к 1915 г. до 8,7 % и 4,8 %. Однако, если в возрастной группе купеческих женщин 51–60 лет процент

²⁶² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – Т. 1. – С. 169.

²⁶³ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – С. 25.

незамужних заметно снижался в 1898 и 1908 гг. до 3,5 % и 4,8 % (аналогичную тенденцию мы отмечали и у купеческих мужчин старших возрастных категорий), то доля девиц в возрастной категории старше 60 лет с 1888 г. достаточно стабильно возрастала, за исключением незначительного падения в 1908 г. на 0,2 %.

Выйти замуж после 40 лет для женщины с состоянием было возможно. Так, ранее упомянутая девица М.И. Храмчинская вступила в брак в возрасте около 45 лет, жене купеческого брата 53-летнего Н.С. Мостовского было в год замужества около 42 лет, а супруге 57-летнего купца М.И. Зябрева – 47 лет. Однако в целом снижение доли незамужних женщин в возрастных группах старше 50 лет вряд ли можно трактовать как результат выхода замуж большинства из тех, кто оставались вне брака к 40 годам. Вероятнее будет предположение, что после смены главы капитала немолодые женщины исключались из купеческого свидетельства своими братьями, племянниками или их женами, тем более что законодательство позволяло сохранять купеческое звание вдовам и дочерям купцов, не имевшим, соответственно, взрослых сыновей и братьев. Таким образом, к 1915 г. доля купеческих женщин, остававшихся вне брака на протяжении всей жизни, составляла 12,1 %, минимально соответствуя европейской модели брачности.

Можно выделить ряд факторов, способствовавших эволюции брачного поведения купеческих женщин в сторону более позднего выхода в замужество и роста процента купеческих дочерей, остававшихся вне брака. Прежде всего, это укрепление имущественного положения купеческих семей. Предположительно во второй половине XIX в. заключение брака в относительно юном возрасте девушкой из купеческой семьи уже не являлось нормой, а носило вынужденный характер: ее семья стремилась избавиться от «лишнего рта» или же не упустить «выгодного жениха». Так, поскольку посватавшийся купец П.Н. Винников «жених очень хорошей нравственности, с добрыми качествами и выгодный» вдова тульского купца П.П. Авчинникова поспешила выдать в 1862 г. за него свою дочь, едва той исполнилось 16 лет. Тетка и опекуна девушки Л.П. Ситникова оценила

---

²⁶⁴ Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1903 г. – С. 170.

происходящее словами «еще молода, спешить не к чему»²⁶⁵. Хотя нельзя забывать о нежелании опекунов терять контроль над имуществом несовершеннолетних, эта фраза подтверждает тезис об отходе в купеческой среде от традиции ранних браков девиц. Нежеланием «упустить для моей дочери хорошего, пользующегося общим добрым мнением» жениха, объяснял в 1862 г. спешку с венчанием своей дочери, до 16-летия которой не хватало месяца, и белевский купец Н.П. Коноплин²⁶⁶. В аналогичной ситуации оказался и купеческий сын И.Н. Чеботарев. Имея дома больную жену и четырех дочерей, которым он был не в состоянии обеспечить приданое, Чеботарев намеревался выдать замуж не достигшую 16-летия старшую дочь как можно скорее, опасаясь, что ее жених «переменит свое намерение»²⁶⁷. Между тем в рассматриваемый период купечество губернии покидали семьи, чей бизнес потерпел крах, а также те, которые и вовсе не имели собственного крупного дела и числились в гильдиях ради сословных льгот, постепенно утрачивавших свое значение. Следовательно, сохраняли членство в гильдиях сравнительно успешные предприниматели. Семьи с высоким достатком имели куда больше шансов привлечь «достойного жениха» приданым и деловыми связями, а содержание дочерей было для них менее обременительно. Снижение доли замужних женщин в категории до 21 года в купечестве Тульской губернии (к 1915 г. составляла 6,7 %) позволяет утверждать, что случаи относительно ранней выдачи замуж дочерей и сестер встречались все реже, хотя и были более распространены, чем ранняя женитьба купеческих мужчин. Для сравнения: в конце XVIII в. в среде московского купечества в возрасте до 20 лет выходили замуж около 47 % невест²⁶⁸.

С другой стороны, выдача дочери или сестры замуж предполагала значительные расходы на обеспечение приданого, которые могли серьезно повлиять на развитие дела купца в условиях и без того хронической нехватки свободных капиталов (русские купцы XIX века преимущественно использовали заемный

²⁶⁵ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2471. Л. 86, 90.

²⁶⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2012. Л. 2.

²⁶⁷ Там же. Оп. 11. Д. 1451. Л. 3.

²⁶⁸ Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи ... – С. 112.

капитал, будучи связанными друг с другом прочной сетью взаимных долговых обязательств). А.И. Аксенов отмечал, что выплата приданого за многочисленными дочерьми могла даже стать для купца причиной разорения²⁶⁹. На желание наиболее обеспеченных московских купцов XVIII в. оттянуть выдачу замуж дочерей указывает и О.В. Фомина²⁷⁰.

На изменение стандартов брачного поведения купечества в отношении выдачи в замужество дочерей мог повлиять и возросший уровень образованности в этой социальной группе. Отсюда могли проистекать понимание вреда раннего замужества для здоровья женщины, уважение к ее личности и жизненному выбору и, наконец, просто переориентация на стандарты поведения, диктуемые образованными слоями общества – дворянством и интеллигенцией.

2.3. Вдовство и повторные браки в тульском купечестве

Обращаясь к изучению истории семьи невозможно обойти вниманием и такой этап ее развития, как вдовство и возможный повторный брак. Специалисты, занимающиеся изучением купечества, неоднократно отмечали, что купеческая семья выступала в роли коммерческого предприятия, и поведение ее членов во многом диктовалось стремлением сохранить и приумножить капитал, обеспечить успешную его передачу следующему поколению²⁷¹. В этой связи потеря прежнего брачного партнера и приобретение нового имела для купеческой семьи особое значение.

Анализ брачно-семейного и половозрастного статусов представителей купечества Тульской губернии (Таблица 20) позволяет констатировать, что доля вдов (от 10,4 % до 12,4 %) на протяжении всего изучаемого периода более чем в 2 раза превышала долю вдовцов (от 4,7 % до 5,8 %). Другими словами, женщины чаще переживали своих супругов. Мужская смертность в Российской империи

²⁶⁹ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (из истории формирования русской буржуазии). – М., 1988. – С. 90.

²⁷⁰ Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи... – С. 107.

²⁷¹ Брянцев М.В. Культура русского купечества: Воспитание и образование. Брянск, 1999; Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири в к. XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1992.

XIX в. была выше женской, составляя, в частности, по Тульской губернии 54,5 % в 1878 г., 51,4 % в 1887 г., 54,8 % в 1896 г. и 52 % в 1902 г.²⁷² Также, купеческие мужчины в меньшей степени рисковали овдоветь, нежели женщины, ввиду значительной разницы в возрасте, неоднократно отмечаемой исследователями в качестве одной из особенностей купеческой семьи²⁷³.

Средняя разница в возрасте супругов (Таблица 23) как для всех брачных пар в купечестве губернии, так и для пар первого брака (выделяемых с определенной долей условности, так как в купеческих списках далеко не всегда фиксировалась информация о кратности браков), достигнув своих пиковых показателей в 1898 г. (соответственно в 8,7 и 8 лет), в дальнейшем стабилизируется и даже демонстрирует тенденцию к некоторому снижению. В итоге к концу изучаемого периода в тульском купечестве преобладали брачные пары, чья разница в возрасте не превышала 10 лет, причем половину из них составляли пары с разницей более 5 лет. Рост средней разницы в возрасте между супругами был обусловлен увеличением разрыва среднего возраста вступления в первый брак для мужчин и женщин.

Таблица 23

**Разница в возрасте брачных пар в купечестве Тульской губернии
в 1858–1915 гг.²⁷⁴**

Год	Средняя разница в возрасте		Пар с разницей в возрасте									
	Всех пар, лет	Пар 1 брака, лет	До 5 лет		От 6 до 10 лет		От 11 до 15 лет		От 16 до 20 лет		Более 20 лет	
			пар	%	пар	%	пар	%	пар	%	пар	%
1858	6,3	5,6	1148	54,8	569	27,2	215	10,3	104	5,0	57	2,7
1868	6,7	5,7	863	51,4	497	29,6	194	11,6	83	4,9	41	2,4

²⁷² Симонова Е.В. Города Тульской губернии во второй половине XIX в.: население и экономика. – Тула, 2002. – С. 77.

²⁷³ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – С. 25–26; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – С. 128–129.

²⁷⁴ Составлено по БУОО ГАОО. Ф. 760. Д. 645; ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 23; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

1878	7,4	6,6	420	44,4	308	32,5	132	13,9	50	5,3	37	3,9
1888	8,5	7,7	246	35,3	240	34,5	119	17,1	62	8,9	29	4,2
1898	8,7	8,0	232	35,7	197	30,4	137	21,1	55	8,5	28	4,3
1908	8,5	7,7	142	35,6	134	33,6	80	20,1	28	7,0	15	3,8
1915	8,4	7,6	112	36,0	112	36,0	52	16,7	21	6,8	14	4,5

Обратившись к анализу доли вдовых среди купеческих мужчин, вступавших в брак, по возрастным группам (Таблица 24) мы видим значительные колебания показателей в большинстве групп (30-ти, 40-ка и 50-тилетних мужчин). При этом стабильно низкие доли вдовцов фиксируются среди мужчин самой младшей возрастной группы (от 18 до 30 лет), что объясняется невысоким процентом мужчин, вступавших в брак в этом возрасте. Относительной стабильностью отличаются и показатели доли вдовцов среди мужчин старшей возрастной группы (старше 60 лет). После снижения на 9,2 % до 26,9 % в 1878 г. в последующие годы процент вдовцов демонстрирует незначительные колебания в пределах 1,2–2,1 %. Таким образом, в преклонные годы вдовцами оставалось чуть более четверти купеческих мужчин.

Таблица 24

Доля вдовцов по отношению к общей численности вступавших в брак купеческих мужчин Тульской губернии в 1858–1915 гг.²⁷⁵

Год	Мужчины-вдовцы									
	18–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51–60 лет		Старше 60 лет	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1858	4	0,8	14	2,0	29	5,9	52	13,9	78	27,6
1868	1	0,2	13	2,3	39	8,8	59	17,3	96	36,1
1878	2	1,6	6	2,0	11	3,7	35	15,1	42	26,9

²⁷⁵ Составлено по БУОО ГАОО. Ф. 760. Д. 645; ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. Д. 23; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

1888	0	0,0	13	5,2	10	4,6	9	5,4	41	25,3
1898	2	2,8	6	3,2	6	2,9	13	7,9	34	27,4
1908	0	0,0	2	1,8	11	7,9	20	18,5	22	26,2
1915	0	0,0	3	3,4	2	1,8	11	10,9	22	27,8

Существенные колебания долей вдовцов в возрастных группах 31–40, 41–50 и 51–60 лет могут свидетельствовать о непостоянстве статуса вдовца для мужчин указанных возрастных категорий и их стремлении к скорейшему заключению нового брака. И.В. Маслова выдвинула предположение, что в условиях сохранения многофокальной семьи (включающей в себя несколько брачных пар) задача рождения и воспитания преемников семейного дела упрощалась, а потому в повторный брак вступали только рано овдовевшие купцы и купеческие сыновья. Основным мотивом повторных браков И.В. Маслова считает продолжение рода²⁷⁶. Изучение ежегодных списков купеческих семейств по Туле за период 1858–1917 гг. дает достаточно полную информацию о брачном поведении купеческих мужчин в случае вдовства и позволяет выявить иную тенденцию. Распределив мужчин-вдовцов по возрастным группам, мы получаем следующие данные (Таблица 25).

Таблица 25

**Доля вдовцов, вступивших во второй брак в купечестве г. Тулы
в 1858–1917 гг.²⁷⁷**

Возрастные группы, лет	18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60	Всего
Число вдовцов, чел.	27	28	31	35	38	159
Число вдовцов, вступивших во второй брак, чел.	18	18	16	8	6	66
Доля вдовцов, вступивших во второй брак, от всех вдовцов, %	66,7	64,3	51,6	22,9	15,8	41,5

²⁷⁶ Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии): Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2011. – С. 187.

²⁷⁷ Составлено по ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 23; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

Больше половины купеческих мужчин младше 51 года в случае вдовства вступали в повторный брак. Среди мужчин старшей возрастной группы доля тех, кто женился вновь после смерти супруги, закономерным образом резко снижается, но остается достаточно высокой. Тульский купец Р.Д. Тяпкин полагал, что в возрасте 50 лет он еще «не старых лет» и достоин «счастья» нового брака²⁷⁸. Повторный брак, видимо, не являлся большой редкостью даже для пожилых мужчин (старше 60 лет). Необходимо также учитывать, что часть вдовцов, в отношении которых не был зафиксирован факт повторного супружества, на деле могли выступить во второй брак уже после выбытия из тульского купечества. Таким образом, доля купеческих мужчин, вступивших в повторный брак, вероятно, была еще выше представленной в подсчетах. Другими словами, второй брак для мужчин-купцов, в случае относительно раннего вдовства, был распространенной практикой. В этом выводе убеждает и то обстоятельство, что в среднем между наступлением вдовства и повторной женитьбой тульских купцов проходило всего около 2,4 лет.

Устойчивое стремление купцов, не достигших преклонного возраста, иметь брачного партнера помимо естественного желания главы капитала иметь наследников, если первый брак остался бездетным, объясняется рядом причин. Прежде всего, женские руки были необходимы купеческому домохозяйству, которое во многом держалось на женщине, в то время как мужчины – сам купец и его подросшие сыновья – большую часть времени проводили в лавке, к тому же периодически уезжали на ярмарки. Наличие же в семье малолетних детей от первого брака, тем более диктовало необходимость повторного супружества в отсутствии системы детских воспитательных и досуговых учреждений. Так, Р.Д. Тяпкин объяснял свое желание вступить вновь в брак так: «...я остался один в доме, а за малолетними ухаживать некому»²⁷⁹. Конечно, для более обеспеченных представителей купечества последнее обстоятельство представляло куда меньшую проблему. Тульский купеческий сын первой гильдии Петр Иванович Сушкин, оставшись по-

---

²⁷⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1764. Л. 1.

²⁷⁹ Там же.

сле смерти супруги с полуторагодовалым сыном, нанял «для хождения за ним няньку и прочую прислугу»²⁸⁰.

Повторный брак мог диктоваться в определенной степени и коммерческой целесообразностью. Вступая во второй брак, купец имел возможность укрепить прежние и приобрести новые деловые связи. Также, не стоит забывать и о свойствах российского обществу XIX в. религиозности, традиционализме мировоззрения, ограничивающих возможности удовлетворять сексуальные потребности вне брака для того, кто хотел считаться «человеком почтенным».

Как мы видим, значительная часть возможных резонов для вступления в повторный брак была обусловлена экономическими факторами. Следовательно, по мере укрепления имущественного положения предпринимателей, необходимость нового супружества в случае вдовства должна была ослабевать. Однако четкой тенденции к снижению доли вторых и третьих браков в тульском купечестве не прослеживается (Таблица 26). При этом приводимые данные нельзя в полной мере считать достоверными: как уже отмечалось, делопроизводители далеко не всегда в купеческих списках фиксировали, в каком именно браке состоит купец или его родственник.

Таблица 26

**Доля пар первого, второго и третьего браков в купечестве
Тульской губернии в 1858–1915 гг.**²⁸¹

Год	Пар первого брака		Пар второго брака		Пар третьего брака		Всего пар	
	кол.	Доля от всех пар, %	кол.	Доля от всех пар, %	кол.	Доля от всех пар, %	кол.	%
1858	2047	93,4	131	6,0	14	0,6	2192	100
1868	1510	89,8	160	9,5	12	0,7	1682	100
1878	849	89,7	85	9,0	13	1,4	947	100
1888	730	93,1	62	7,8	8	1,0	800	100

²⁸⁰ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2385. Л. 18.

²⁸¹ Составлено по БУОО ГАОО. Ф. 760. Д. 645; ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 2; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 41073; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

1898	596	91,8	49	7,6	4	0,6	649	100
1908	368	92,2	29	7,3	2	0,5	399	100
1915	293	93,9	18	5,8	1	0,3	312	100

Доля вдов среди купеческих женщин всех возрастных групп была выше и менее подвержена колебаниям на протяжении изучаемого периода, нежели таковая вдовцов (Таблица 27). Можно предположить, что женщины не только чаще вдовели, но и реже вступали в повторные браки. Между тем, потребность вдовы в новом замужестве была куда более насущной, чем таковая мужчины-вдовца: наличие мужа позволяло переложить на его плечи задачу содержания как самой вдовы, так и ее детей. Для вдов купцов, унаследовавших от мужа его дело, дополнительно остро стояла проблема управления делами. Вдовы большинства купцов, не оставивших после себя взрослых сыновей, имели мало шансов сохранить бизнес своими силами. Семью покойного начинали осаждать кредиторы, а для продолжения торговых дел вдове необходимо было выделить свободные средства не только на приобретение ежегодного купеческого свидетельства, но и на наем надежного приказчика. Лишь немногие купеческие женщины разбирались в торговле, но даже и в этом случае наличие малолетних детей мешало отлучкам в лавку.

Таблица 27

Доля вдов по отношению к общей численности вступающих в брак купеческих женщин Тульской губернии в 1858–1915 гг.²⁸²

Год	Женщины-вдовы									
	16–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		51–60 лет		Старше 60 лет	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1858	20	2,1	53	8,2	109	23,8	105	31,9	126	58,3
1868	12	1,7	30	6,4	74	19,6	98	35,6	114	60,3

²⁸² Составлено по БУОО ГАОО. Ф. 760. Д. 645; ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 14; Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 368. Оп. 1. Д. 38, 39; Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 19; Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 23; Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 13; Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 35; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923; Там же. Т. 8. Д. 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596; Там же. Т. 9. Д. 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658; Там же. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020; Там же. Т. 16. Д. 33243; Там же. Т. 18. Д. 4107; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055; Там же. Т. 5. Д. 11162; Там же. Т. 7. Д. 19163.

1878	10	3,1	24	8,2	21	8,6	39	27,7	84	66,1
1888	9	3,6	11	5,0	32	17,4	33	26,6	61	58,7
1898	3	1,3	10	5,3	26	15,3	32	28,8	51	63,8
1908	5	4,5	8	5,8	17	16,5	25	31,6	38	66,7
1915	1	1,3	8	7,1	11	11,7	18	28,6	40	67,8

Свертывание торговли и выход из купечества становился закономерным итогом для купеческой вдовы, не сумевшей в короткие сроки найти себе нового мужа, способного продолжать дело ее прежнего супруга. Именно так сложилась судьба 38-летней вдовы тульского купца М.Е. Делимова. Вынуждена была прекратить достаточно крупный (имелось пять приказчиков) бизнес в Туле и 32-летняя вдова М.И. Уварова, так как, по ее собственным словам, «...сама я дальнейшей торговли как женщина не могу вести, а человека, которому можно было бы поверить, нет... тем более, для производства торговли нужен большой расход»²⁸³.

Тем не менее, многие относительно молодые купчихи, оставшиеся после смерти мужа в одиночестве или с малолетними детьми во главе капитала в короткие сроки (в течение одного – полутора лет) повторно выходили замуж. Собранные данные позволяют предположить, что зачастую выбор вдовы падал на собственного приказчика (если он был), как человека ей хорошо знакомого, в том числе и с деловой стороны. Так, за приказчика своей свекрови вышла М.И. Беляева, невестка торгующей тульской оружейницы М.Д. Неструевой. Возможно, ранее выполняли обязанности приказчиков мужья второго брака купчих Е.И. Линьковой, М.Ф. Крыловой и Т.Н. Рыкаловой, чье перечисление в купечество из мещанства совпало с их браком или произошло через несколько лет после него. Женитьба на богатой вдове позволял начинающим предпринимателям увеличить стартовый капитал, быстрее влиться в круг купечества. Другим кандидатом на роль нового мужа купеческих вдов выступали младшие отпрыски купеческих семейств региона, ищущие финансовой независимости от родителей (и также, кста-

²⁸³ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 3. Д. 4736. Л. 76.

ти, нередко работавшие приказчиками в лавках более обеспеченных купцов). Купеческий сын В.И. Томас после заключения брака с вдовой Л.П. Ивановой выделился из семейного капитала и начал собственное дело. Тульская купеческая вдова П.А. Чулкова, выйдя замуж за чернского купеческого сына А.Л. Окорокова и перестав объявлять капитал от своего имени, продолжила торговлю в Туле на правах гостыи. Брачный союз богатой вдовы с человеком, готовым и способным включиться в ведение бизнеса, был взаимовыгоден. Купчиха А.И. Белобородова с гордостью говорила о своем втором муже, что он «...человек опытный, бережливый и благоразумный, доказавший это на деле в течение...моей жизни с ним, сохранив и увеличив достояние мое»²⁸⁴. Мужья второго брака купчих зачастую были или примерно того же возраста, что и их жены, или гораздо моложе (на 20–25 лет), что говорит нам о личных симпатиях вдовы как еще одном факторе выбора мужа.

Отсутствие финансовой обеспеченности с высокой вероятностью могло помешать повторному замужеству купеческих женщин или существенно сузить их выбор. Так, купеческие невестки – жены сыновей, братьев и внуков купцов-глав капиталов к моменту овдовения вполне могли столкнуться с тем, что их приданное уже истрачено (о таком развитии событий упоминала в своем завещании ефремовская купеческая невестка Е.Я. Позднякова)²⁸⁵, а умерший супруг, не обладая сам имущественной самостоятельностью, не оставил вдове значительных средств. Порой выручали родители. Одоевский купец М.А. Толстикова ставил себе в особую заслугу то, что «по сердолюбию» обеспечил дочь приданым при выходе не только в первое, но и во второе замужество²⁸⁶. А.А. Солодовниковой помог с приданым для повторного замужества свекр. Не имея такой поддержки, купеческие жены и невестки вынуждены были заключать браки с представителями не самых обеспеченных городских слоев, привлеченных теми немногими средствами, которыми располагала молодая вдова. Так, 32-летняя А.Н. Долгова через семь лет после смерти мужа, потеряв к тому моменту одного из детей, вышла вторым браком

²⁸⁴ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 582, Л. 275.

²⁸⁵ Там же. Д. 598. Л. 176.

за елецкого мещанина П.В. Максимова. Семья проживала в Туле в одном из флигелей, доставшихся женщине от первого мужа (остальное имущество сдавалось в аренду в целях обеспечения средств на содержание и обучение троих детей). По заключенному с новым супругом договору, он согласился уступить все движимое имущество своей жены в случае ее смерти ее детям в обмен на денежную сумму²⁸⁷. Скоропостижная кончина А.Н. Максимовой в десятую годовщину смерти первого мужа наводит на предположение, что женщина была несчастлива в новом браке.

Наименьшей была вероятность второго замужества для купеческих женщин старших возрастных групп. Так, более четверти представительниц тульского купечества старше 50 лет и большинство женщин старше 60 лет были вдовами. С одной стороны, шансы женщин на повторное замужество резко снижало завершение репродуктивного цикла. С другой стороны, весьма вероятное обретение в зрелом возрасте имущественной самостоятельности или финансовой защищенности (при наличии уже взрослых детей), приводило к утрате такими женщинами заинтересованности в экономической поддержке со стороны нового брачного партнера.

2.4. Выбор брачного партнера и отношения между супругами

Жизненный цикл семьи, как правило, начинался с создания новой брачной пары, которая нередко встраивалась в уже существующую семейную ячейку родителей мужа. Традиционно браки купеческих отпрысков свершались по воле родителей. Даже в отношении совершеннолетних сыновей звучала формулировка их отцов: «Решил я женить своего сына» на невесте «избранной мной»²⁸⁸. Переговоры вели родители будущих мужа и жены. Самостоятельный выбор супруга допускался, но ставился под контроль родителей. Так, невеста не могла «дать слова» посватавшемуся к ней мужчине без согласия отца и матери, а жених предварительно обговаривал свой выбор с семьей. Без согласия родителей на брак священ-

²⁸⁶ Там же. Д. 582. Л. 269.

²⁸⁷ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2447. Л. 192–210.

ник не имел права венчать жениха и невесту. Заключение брака без разрешения отца и матери грозило детям по иску родителей тюремным заключением²⁸⁹. Однако, родители, в случае отказа в согласии на брак, должны были «объявить законные и достаточные причины для этого».

Тульский купец Р.Л. Гречихин заявлял о стремлении представить своего брата «равным себе» «для значения личности», дабы он смог «заискать согласия в хорошем семействе»²⁹⁰, как мотиве выдачи ему доверенности на ведение торговых дел. Таким образом, социальный статус жениха был одним из определяющих факторов при выборе такового семейством невесты. Г.В. Жирнова отмечала, что «у купцов смешанные браки были единичны»²⁹¹. Л.А. Лернер подтверждает этот вывод на основе данных о матримониальных связях представителей курского купечества. При этом исследователь уточняет, что мужья купеческих дочерей и сестер имели самое разное социальное происхождение, но преимущественно принадлежали к городскому сословию²⁹². В городах Западной Сибири, по подсчетам Ю.М. Гончарова преобладания браков внутри своей социальной группы для купечества выявлено не было²⁹³. Собранные сведения о сословной принадлежности брачных партнеров представителей Тульского купечества в рассматриваемый период хоть и страдают неполнотой, однако позволяют сделать некоторые выводы (Таблица 28). При анализе брачные пары были разделены на несколько групп. Во-первых, это пары, уже состоявшие в браке к началу изучаемого периода, т.е. заключившие брак до 1858 г. Далее, изучаемый период был разделен на два равных хронологических отрезка по 29 лет. Таким образом, вторую группу составили пары, вступившие в брак в период 1858–1887 гг., а третью – пары, заключившие брак в 1888–1916 гг. Ввиду того, что во второй группе количество пар оказалось значительно больше, нежели в третьей (124 пары против 44), было признано целесообразным проанализировать социальное происхождение супругов представите-

²⁸⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2432. Л. 16.

²⁸⁹ СЗРИ. Т. X. Ч. I. Законы гражданские. – Ст. 6. – С. 2; Там же. Т. XV. Уложение о наказаниях. – Ст. 2135. – С. 542.

²⁹⁰ ГАТО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 137. Л. 31.

²⁹¹ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – С. 22.

²⁹² Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. – С. 63.

²⁹³ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – С. 131.

лей купечества и за весь изучаемый период 1858–1916 гг. Все пары, вступившие в брак в эти годы, были отнесены к четвертой группе. При этом время заключения брака в большинстве случаев определялось приблизительно, исходя из среднего возраста выхода женщин в замужество в 20 лет.

Таблица 28

**Социальное происхождение жен представителей купечества
Тульской губернии в 1859–1915 гг.²⁹⁴**

Время заключения брака	До 1858 г.		1858–1887 гг.		1888–1915 гг.		1858–1915 гг.	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Купечество	67	67,0	91	73,4	29	65,9	120	71,4
Мещанство	17	17,0	22	17,7	5	11,4	27	16,7
Оружейники и цеховые	8	8,0	4	3,2	0	0	4	2,8
Дворянство	4	4,0	4	3,2	6	13,6	10	6,0
Почетное гражданство	1	1,0	1	0,8	1	2,3	2	1,2
Духовенство	0	0	0	0	2	4,5	2	1,2
Крестьянство	3	3,0	2	1,6	1	2,3	3	1,8
Всего	100	100	124	100	44	100	168	100

Анализ полученной информации позволяет утверждать, что браки купеческих мужчин заключались преимущественно, но отнюдь не исключительно в рамках своей социальной группы (74,3 % браков с представительницами купечества в 1858–1916 гг.). К 1859 г. около трети жен купцов и купеческих сыновей не были представительницами купечества на момент вступления в брак. Это во многом объясняется тем, что и сами купеческие семейства в недавнем прошлом могли принадлежать к числу тульских оружейников, цеховых, мещан или крестьян. Сказанное можно отнести и к последующим временным отрезкам, учитывая актив-

²⁹⁴ Составлено по ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1730, 2012, 2025, 2246, 2432, 3194, 3482; Там же. Оп. 13. Д. 1575; Там же. Ф. 118. Оп. 1. Т. 10. Д. 21391; Там же. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2447, 2462, 2469, 2471, 2771, 2800, 2831, 2870, 2871, 3017, 3027, 3108, 3112, 4070; Там же. Т. 3. Д. 4563, 4719, 4859, 4874, 5008, 5038, 5054, 5140, 5184, 5365, 5471, 5561, 5600, 5727, 5763, 5768, 6062, 6169; Там же. Оп. 2. Д. 104, 119, 138; Там же. Оп. 5. Д. 111; Там же. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1496, 603; Там же. Ф. 248. Оп. 1. Д. 471, 475, 516, 555, 591; Там же. Ф. 464. Оп. 1. Д. 829; Там же. Ф. 518. Оп. 1. Т. 2. Д. 2788; Там же. Т. 3. Д. 5618; Там же. Т. 5. Д. 8638, 12409, 12720, 13521, 14184, 14212; Там же. Т. 6. Д. 39; Там

ные процессы обновления купечества в 1860–1880-е гг. Однако были зафиксированы неоднократные случаи браков уже состоящих в гильдиях (в том числе и во втором-третьем поколении) купеческих мужчин с представительницами иных социальных групп. Женитьба на невесте не из своего социального круга, вероятно, во многих случаях была проявлением личного выбора мужчины. Так, браки с мещанками и крестьянками, обстоятельства которых в какой-то мере известны, были заключены либо зрелыми мужчинами (главами капитала или их братьями), нередко вступавшими уже во второе-третье супружество, либо стали предметом конфликта жениха с его семейством. К разрыву с отцом, тульским купцом С.А. Перовым, привело намерение его сына П.С. Перова вступить в брак по собственному выбору с дочерью солдатки Е.М. Баташевой. На момент бракосочетания изгнанный из дома юноша жил со своей невестой в доме ее матери. Возможно, именно лишение отцом своей финансовой поддержки вынудило П.С. Перова все же пойти на заключение брака, с которым он прежде тянул два года, несмотря на данную невесте расписку с обязательством жениться и рождение общего ребенка. Купец С.А. Перов, упрекая сына в «неблагодарности» и называя его «погибшим», невесту его считал женщиной «потерянного поведения», «имеющей в виду одно мое благосостояние». Волновало купца и то, что дом его ранее не был «запятнан подобными случаями» и что на это «скажут сторонние», а также пример, который будет подан остальным его детям. Купец настаивал, что его протест вызывает не бедность невесты «не по моему состоянию», а ее «развращенное поведение» (т.е. рождение внебрачного сына). С.А. Перов отмечал, что мать избранницы сына «сама оставила мужа и живет Бог весть где, отчего муж ее нанялся в солдаты». Сын же указывал, что все дело в желании его отца «взять ему невесту» не из «бедного сословия»²⁹⁵. Таким образом, выбор «достойной» в глазах купеческого семейства невесты, был обусловлен как ее социальным и имущественным статусом, так и репутацией самой избранницы и ее близких родственников. Схожую ситуацию пережил каширский купеческий внук Н.И. Никольский, женившийся в

же. Ф. 842. Оп. 1. Д. 137; Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 571, 573, 576, 580, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 596, 597, 598; Там же. Ф. 1231. Оп. 1. Д. 9, 10.

1887 г. на крестьянке А.М. Егоровой, уже родившей ему к тому времени двоих внебрачных детей²⁹⁶. При этом Никольский проживал со своим семейством не в доме деда, а в деревне Коровкино Московской губернии, что может указывать на его конфликт с главой семейства или, по крайней мере, на определенную от него имущественную самостоятельность. Напротив, двадцатисемилетний богородицкий купеческий сын Т.Ф. Большаков без оглядки на близких заявлял в 1860 г., что «расположившись жениться», он «приискал себе по своему выбору невесту»²⁹⁷ из мещан своего города. Возможно, помимо достаточно зрелого возраста жениха, самостоятельность его брачного поведения объяснялась отсутствием отца-главы капитала (семью возглавляла овдовевшая мать юноши, купчиха Т.М. Большакова). Женщины-купчихи, нередко лишь формально возглавляя купеческий бизнес, экономически зависели от своих сыновей-предпринимателей. Пример полного одобрения неравного брака встречаем в случае алексинского купца П.А. Савостина, который в 1858 г. заявлял о намерении женить сына на мещанской девице. При этом сын купца уже достиг возраста тридцати лет и имел ребенка от первого брака.

Что касается оружейников и цеховых, то по роду своей деятельности они были близки к купечеству, а наиболее преуспевающие из торгующих ремесленников нередко впоследствии вступали в гильдии. Это же в известной степени можно отнести и к некоторым мещанским семействам. Из 22 мещанских, цеховых и оружейнических семейств, которым довелось породниться с представителями тульского купечества в 1858–1916 гг. впоследствии вступило в гильдии 9 семей (29 %) Ранее упомянутый купец Гречихин под «хорошим семейством» подразумевал, вероятно, семью оружейника Михаила Алпатова, на сестре которого женился его брат Егор. Зафиксированы также браки представителей купечества с мещанками, происходившими из семей, ранее состоявшими в купечестве. Веневский купеческий сын И.Ф. Бологов третьим браком женился на дочери мещанина И.Ф. Костолындина, выходца из купеческого семейства, неоднократно избиравшегося глас-

---

²⁹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2025. Л. 15–18.

²⁹⁶ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 10. Д. 21391. Л. 1.

ным городской думы. Веневский же купеческий сын И.Н. Зуев женился на дочери тульской мещанки А.Н. Бобровой, ранее возглавлявшей купеческий капитал. Возможно, некоторые купеческие семьи даже после выхода в мещанство сохраняли относительно высокий имущественный достаток и деловые связи, что делало их представительниц «хорошей партией» для купеческого сына.

Отношение тульских купеческих семей к бракам с дворянками сложно оценить на имеющемся материале. Такие союзы заключались в большинстве своем опять же зрелыми, самостоятельными мужчинами, уже возглавляющими семейное дело, а их избранницами становились в ряде случаев сироты, вероятно, ограниченные в средствах (В.Ф. Вознесенская в замужестве Соколова, С.А. Безваль в замужестве Кузовлева, П.М. Дмитриенко в замужестве Прянчикова). Купеческому сыну Н.С. Мозжечкову удалось в 1863 г. обвенчаться с дочерью штабс-капитана К. Еремеева вопреки воле родителей девушки, в то время как отец жениха изъявил согласие на брак сына. Похожая история произошла в 1901 г. и с ефремовским купеческим сыном М.М. Мясищевым, совершившим побег с дворянской дочерью Н.Е. Дудкевич. Родители Мясищева изъявили «полное согласие» на брак сына и оформили ему необходимые документы. Родители же невесты организовали настоящую погоню за беглецами и, не сумев вовремя вернуть дочь, проклинали ее. Невеста отмечала, что родители противятся браку «потому только, что он купец, а я дворянка». Однако впоследствии ее женихом и его родителями была выдвинута версия о «польском фанатизме и религиозной нетерпимости» отца и матери невесты. Возможно, такое объяснение было призвано помочь купеческому семейству заручиться поддержкой православного духовенства²⁹⁸.

В период 1888–1915 г. купеческие мужчины несколько чаще стали вступать в браки за пределами своей социальной группы (34,1 % браков против 26,6 % в 1858–1887 гг.). Причем доля представительниц мещанства в качестве купеческих невест снижается (5 случаев – 11,4 % против 22 случаев – 17,7 % в 1858–1887 гг.), а доля цеховых (тульские оружейники прекратили существование как

²⁹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1817. Л. 1.

²⁹⁸ Там же. Оп. 11. Д. 3194. Л. 17, 49.

особая социальная группа с 1864 г.) исчезает вовсе. Зато впервые фиксируются браки с дочерьми священников (2 случая – 4,5 %) и возрастает доля браков с дворянками (6 случаев – 13,6 % против 4 случаев – 3,2 % в 1858–1887 гг.). Если приведенные данные достаточно верно отражают тенденции изменения брачного поведения купеческих мужчин, то можно говорить как о ментальном сближении купечества с «образованными классами», так и о большей свободе в выборе невесты для мужчины из купеческой семьи.

По воспоминаниям потомков, молодые люди знакомились друг с другом на семейных праздниках и вечерах. Г.В. Жирнова также отмечает, что молодежные семейные вечера, проводимые обязательно в присутствии старших родственников, в купеческой среде были нацелены на знакомство с возможным будущим супругом/ой²⁹⁹. Скрытой формой контроля родителей за брачным выбором сыновей было недопущение до участия в таких вечерах «неподходящих» потенциальных невест. Епифанская купчиха Е.Н. Расторгуева, узнав на свадьбе своего сына, что брат невесты, купеческий сын С. Оводов, привел с собой подругу – сестру священника – немедленно потребовала от девушки уйти. Тем не менее, юноша все же вступил в брак с небогатой невестой, поставив своих родных перед свершившимся фактом.

Что касается купеческих женщин (Таблица 29), то они, действительно, чаще выходили в замужество за пределами своей социальной группы, нежели мужчины (35,98 % браков в 1858–1915 гг. против 28,6 %). При этом доля браков купеческих дочерей и сестер с представителями мещанства не претерпевает заметных колебаний на протяжении изучаемого периода и сопоставима с таковой браков, заключенных до 1858 г. Предположительно выбор жениха для купеческой невесты в меньшей степени определялся его социальным статусом, будучи ограничен временными рамками «подходящего брачного возраста» невесты. Особенно это относится к семьям, имевшим много дочерей, каждую из которых следовало обеспечить приданым.

---

²⁹⁹ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – С. 29.

Купцы, недавно вступившие в гильдии, еще сохраняли тесные связи с представителями своей прежней социальной группы. Купец Н.Н. Лукичев, вступивший в купечество в 1862 г. из временнообязанных крестьян, в 1866 г. выдал свою дочь за казенного крестьянина³⁰⁰.

Таблица 29

**Социальное происхождение супругов купеческих сестер и дочерей
Тульской губернии в 1858–1915 гг.³⁰¹**

Время заключения брака	До 1858г.		1858–1887 гг.		1888–1915 гг.		1858–1915 гг.	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Купечество	44	66,7	69	65,7	29	60,4	98	64,1
Мещанство	10	15,2	16	15,2	7	14,6	23	15,0
Оружейники и цеховые	3	4,5	7	6,7	0	0	7	4,6
Дворянство	3	4,5	5	4,8	3	6,3	8	5,2
Почетные граждане и служащие	5	7,6	4	3,8	8	16,7	12	7,8
Духовенство	0	0	0	0	1	2,1	1	0,7
Крестьянство	1	1,5	4	3,8	0	0	4	2,6
Всего	66	100	105	100	48	100	153	100

С конца 1880-х гг. представительницы купечества стали чаще вступать в браки с дворянами, почетными гражданами и служащими (мелкими чиновниками и учителями), а браков купеческих невест с крестьянами и цеховыми в этот период не зафиксировано. Таким образом, подтверждается ранее сделанный вывод о сближении купечества с образованными слоями общества.

Помимо социального и имущественного статуса жениха семья невесты принимала во внимание и иные факторы. «Выгодный», по мнению представителей тульского купечества, жених характеризовался как человек «очень хорошей

³⁰⁰ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Л. 2, 75.

³⁰¹ Составлено по ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2432; Там же. Ф. 21. Оп. 2. Д. 5554; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 8. Д. 21919; Там же. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2447, 2452, 2460, 2462, 2469, 2471, 2515, 2771, 2831, 2870, 3027, 3108, 3112; Там же. Т. 3. Д. 4563, 4719, 4736, 4859, 4874, 5038, 5054, 5140, 5184, 5365, 5471, 5561, 5600, 5727, 5763, 5768, 6062, 6169; Там же. Оп. 2. Д. 104, 119; Там же. Ф. 248. Оп. 1. Д. 471, 475, 516, 555, 562, 591; Там же. Ф. 464. Оп. 1. Д. 430; Там же. Ф. 518. Оп. 1. Т. 2. Д. 2788; Там же. Т. 5. Д. 8638, 13521, 14184, 14212; Там же. Т. 6. Д. 39; Там же. Т. 7. Д.

нравственности, с добрыми качествами», «пользующийся общим добрым мнением». Т.е. учитывалась репутация будущего родственника, что может быть следствием как значимости общественного мнения для представителей купечества, так и недостаточного личного знакомства с предполагаемым зятем.

В понятие «хорошей нравственности», очевидно, включалось отсутствие внебрачных связей, или, по крайней мере, сохранение их в тайне. У неженатых купцов иногда возникали связи с мещанками из бедных и обычно неполных семей, что вело к менее тщательному родительскому контролю за поведением дочерей. Часто временную подругу находили из числа домашней прислуги. Чернский купеческий сын Д.Е. Соколов состоял в связи с горничной в доме его родственника, купца В.А. Соколова³⁰². Белевский купеческий сын В.Г. Петухов, регулярно посещая дом коллежского советника Ковалевского, встречался там с кухаркой – замужней У. Гончаровой³⁰³. Существовала и практика полного содержания любовницы: Ф.Т. Большаков снял квартиру для пятнадцатилетней Д.Ф. Окуневой. Расторжение таких отношений предполагало ценные подарки со стороны мужчины. Собираясь жениться, Большаков предложил «наградить и нарядить» свою любовницу, дабы она «не доводила его до хлопот»³⁰⁴, не расстроила его суженую и не сорвала свадьбу. Однако в случаях, если предложенная сумма не устраивала женщину или мужчина отказывался платить вовсе, дело могло закончиться обращением любовницы в полицию. Огласка внебрачной связи грозила репутационным ущербом и санкциями Синода для обеих сторон, но дабы прекратить производство дела мужчины из купеческих семей во всех рассмотренных случаях в конечном итоге шли на некоторые уступки своим подругам. Учитывая, что названные случаи попали в сферу внимания Духовной Консистории вследствие жалоб недовольных «отступным» женщин или случайно (о связи В.Г. Петухова полиция узнала в ходе расследования кражи), можно предположить, что добрачные связи не были исключительным событием в жизни купеческих сыновей. Однако, став

16744; Там же. Т. 8. Д. 21919; Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 571, 573, 576, 580, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 596, 597, 598; Там же. Ф. 1231. Оп. 1. Д. 9, 10.

³⁰² ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 7509. Л. 9.

³⁰³ Там же. Оп. 12. Д. 1979. Л. 1–3.

достоянием широкой гласности, подобная связь могла негативно сказаться на репутации юноши. Большаков так и не женился на первоначально намеченной им невесте, вероятно, в виду все же последовавшего «расстройства» его суженой и ее семейства.

Хорошие внешние данные открывали перед девушкой из купеческой семьи возможность выбора жениха из ряда кандидатов, а ее родители в такой ситуации были более склонны прислушиваться к мнению дочери. По воспоминаниям В.С. Глаголева, его бабушка, крапивенская купеческая дочь М.Н. Пряничкова, будучи признанной красавицей, долго выбирала подходящего жениха. В претендентах ее не устраивали такие качества, как отсутствие ума, алкоголизм и «несостоятельность для семейной жизни». В последнем случае речь идет, видимо, об имущественном положении жениха. Младшие сестры выказывали недовольство такой разборчивостью, считая, что старшая сестра «заслоняет» им путь к замужеству. В итоге Пряничкова приняла предложение по ее выражению «первого же приличного человека, который посватался». Им оказался епифанский купеческий сын А.П. Оводов, вдовец, который был старше Пряничковой на более чем двадцать лет. Жених пообещал родителям невесты обеспечить ей благополучную жизнь.

Купеческим дочерям выделялись средства в приданое, без которого, по замечанию купца И.Н. Чеботарева, девушке выйти за «порядочного человека» было крайне затруднительно³⁰⁵. В приданое входила денежная сумма, соответствующая доле купеческих дочерей в наследстве по закону (1/14 из недвижимого имущества и 1/8 из движимого³⁰⁶) или превышающая ее, дабы исключить дальнейшее их участие в разделе семейного капитала. О таком принципе «награждения» дочерей и сестер неоднократно упоминали представители тульского купечества³⁰⁷. Помимо денежных сумм в состав приданого представительниц купечества, как правило, включалась одна или несколько икон, а также предметы постельного белья, салфетки, полотенца, носовые платки, ткани «на разрез», одежда т.е. «приличное

---

³⁰⁴ Там же. Д. 1817. Л. 17.

³⁰⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1451. Л. 3.

³⁰⁶ СЗРИ. Т. XV. Ч. I. Законы гражданские. – Ст. 1130. – С. 220.

³⁰⁷ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 3027. Л. 1в; Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 585. Л. 19; Там же. Д. 582. Л. 269.

приданое платье». Отправляясь в дом мужа, невеста из купеческой семьи, насколько можно судить по описям имущества, составляемым после смерти купеческих жен, также брала с собой и некоторую мебель для обстановки спальни, фарфоровый сервиз и самовар.

Отношения, которые складывались между супругами в купеческих семьях достаточно сложная для изучения тема. Во-первых, информация по этому вопросу крайне скудна ввиду его очевидной «закрытости» от посторонних. Во-вторых, затруднительным представляется выделение типичных черт в явлении, сугубо индивидуальном по своей природе. Определенные сведения по этому вопросу содержат тексты некоторых купеческих завещаний. Купцы, имеющие несовершеннолетних детей, дабы избежать установления опеки Сиротского Суда над своим именем, как правило, завещали свое благоприобретенное имущество жене (родовое имение подлежало разделу по закону³⁰⁸). Обосновывая свое решение, одни купцы ограничивались лаконичными указаниями, что все имущество должно стать собственностью жены, другие же давали развернутые пояснения. Тульский купец В.Ф. Иванов прагматично указывал: «Чтобы устранить опеку над моим именем, могущую остановить круг торгового оборота, доставляющего моему семейству пропитание и, будучи уверен в хорошей нравственности жены моей, все имение завещаю поэтому ей в полное владение»³⁰⁹. Под «нравственностью» здесь, очевидно, подразумевается добросовестность, рачительность и забота об интересах несовершеннолетних детей. Действительно, существует немало примеров успешного руководства женщиной-купчихой торговым делом, тем более что соответствующие навыки она могла получить в годы замужества, заменяя в лавке уехавшего мужа (так поступали епифанская и крапивенская купеческие жены Е.М. Оводова и А.М. Юдина), или же еще ранее, помогая своему отцу в пору девичества (дочь тульского кондитера И.А. Скворцова Анна помогала отцу в летнем павильоне в Кремлевском саду³¹⁰). В семьях, где жены принимали участие в делах

³⁰⁸ СЗРИ. Т. XV. Ч. I. Законы гражданские. – Ст. 1110. – С. 217.

³⁰⁹ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 582. Л. 322.

³¹⁰ Майоров М.В. Последние кондитеры: Иван Скворцов и Петр Козлов // Тени старинного кладбища – Тульские некрополи. – Тула: ООО «Борус-Принт», 2015. – С. 137.

своего мужа, между супругами складывались отношения делового партнерства, что не могло не способствовать их сближению. Ефремовский купец В.Я. Потудин заявил, что в точности исполнения своих инструкций полностью полагается на «любимую жену»³¹¹, а новосильский купец И.А. Бабков поручил «любящей супруге» на завещанные ей средства самостоятельно производить закупки товара для продолжения торговли в лавке³¹². Купчиха А.И. Белобородова, по ее словам, дала покойному мужу устное обещание приучить сыновей к торговле³¹³. С другой стороны, расхождение финансовых интересов могло стать причиной супружеской размолвки. Так, жена крапивенского купеческого сына Е.С. Кондратьева, отказав мужу в выдаче наличных денег, выгнала его из дома с помощью «посторонних людей». Сам Кондратьев признавал, что вел торговлю на деньги, полученные женой в приданое и жил в унаследованном ею доме. Женщина, видимо, была недовольна тем, как муж использовал ее деньги. В частности, ее могло беспокоить то, что он больше пекся об успехе дел своего отца, нежели своей собственной семьи. Поводом к конфликту стало желание Кондратьева, забрав наличность, отправиться к отцу по его торговым делам³¹⁴.

Некоторые купцы приводили в своих завещаниях формулировки, указывающие на привязанность между супругами: «за ее ко мне расположение и любовь к детям моим»³¹⁵, «принимая во внимание супружескую верность и любовь жены моей, равно попечения и услуги, оказанные мне во время болезни моей»³¹⁶ и т.п. Все завещание каширского купца Ф.Ф. Муравлева было проникнуто заботой о благополучии жены второго брака, которая «во всех пунктах меня успокаивала», но у которой не сложились отношения с детьми первого брака купца.³¹⁷ Епифанский купеческий сын И.К. Расторгуев, скорбя о смерти молодой жены, приказал выбить на восточной стороне ее надгробного памятника стихотворную эпитафию

³¹¹ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 584. Л. 101.

³¹² Там же. Д. 582. Л. 288.

³¹³ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 12720. Л. 2.

³¹⁴ ГАТО. Ф. 464. Оп. 1. Д. 829. Л. 1.

³¹⁵ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 574. Л. 89.

³¹⁶ Там же. Д. 584. Л. 25.

³¹⁷ Там же. Д. 573. Л. 219.

(занимает всю площадь плиты)³¹⁸. Само решение оставить на памятнике эпитафию, а также длина стихотворения, косвенно свидетельствуют, что выражение чувств супруга было отнюдь не формальным. Жена тульского купца, Ф.С. Кузовлева в своем завещании писала о своей «супружеской любви и связи» с мужем³¹⁹. То, что родители жили «хорошо, согласно» и жена «ничего от мужа не скрывала», подтверждал впоследствии и сын четы Кузовлевых³²⁰. Ксения Еремеева указывала, что дала купеческому сыну Николаю Мозжечкову полное согласие на брак, руководствуясь «истинной любовью к нему».

Наряду с верностью, заботой и супружеской любовью некоторые купцы упоминали и такие достоинства своих жен, как «безупречное почтение и уважение»³²¹. Выдвижение подобных требований к жене подтверждает зависимое и подчиненное положение женщины в купеческой семье, выделяемое исследователями как одну из ярких особенностей этой социальной среды³²². Однако к концу XIX – началу XX вв. отдельные представительницы купечества стали выражать протест против таких практик семейной жизни, не желая терпеть запоев и побоев со стороны супруга. Вступая в брак с купеческим сыном А.П. Оводовым в 1906 г. М.Н. Пряничкова взяла с жениха два обещания: не пить и не «учить» ее рукоприкладством. Жена белевского купца П.М. Федосеева, будучи моложе мужа на 21 год, после пятнадцати лет супружества в 1888 г. ушла от него к ровеснику – белевскому почетному гражданину Н.П. Сорокину. В качестве оправдания своего поступка женщина обвинила супруга в «пьянстве и деспотическом обращении». Однако обманутый муж отмел предъявленные обвинения, заявив что «...водку я пью, но не пьянствую», и что он «всегда с женой обращался ласково; ...никогда ни драк, ни ссор у меня с ней не было»³²³. Это подтверждал и купеческий сын П.Ф. Мигунов, дававший свидетельские показания по делу о разводе четы Федосеевых: «Бывая у них в доме, деспотического отношения к ней не замечал. Же-

³¹⁸ Кусакин С.В. Храмы Куликова поля. Книга первая: Епифань, Монастырщина, Красный холм, Себино. – Тула: АСТРА, 2010. – С. 135.

³¹⁹ Там же. Л. 179.

³²⁰ Там же. Д. 757. Л. 1.

³²¹ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 582. Л. 120.

³²² Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – С. 49.

³²³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 448. Л. 45.

на...пользовалась от всех семейным уважением». То, что обвинения Федосеевой, возможно, были не вполне обоснованы, тем не менее подтверждает расхожесть в купеческой среде стереотипа мужа как пьющего и подвергающего жену семейному насилию. С этим выводом согласуются и показания некоторых других участников рассматриваемого процесса. Пожилой белевский купец А.Н. Богданов (1828 г.р.) именно в «уважительном» отношении П.М. Федосеева к жене увидел причину его семейной драмы: «жена уехала потому, что муж держал ее очень свободно». Ему вторил и купеческий сын Н.В. Киселев (1854 г.р.), отметивший, что «...жена ушла от мужа потому, что плохо была воспитана и не приготовлена к семейной жизни»³²⁴.

Сохранение подобных взглядов на положение женщины, как и распространенная в купеческой среде достаточно большая разница в возрасте супругов, несомненно, влияли на характер взаимоотношений во многих семьях. Так, по воспоминаниям потомков некоторых купеческих родов, отношение женщин к мужьям в этих семьях характеризовалось подчеркнутым уважением, но не более сильным чувством привязанности. Выйдя замуж, М.Н. Пряничкова до конца своих дней именовала мужа по имени-отчеству. Белевская купеческая дочь М.И. Игнатова, просватанная по «предварительному сговору, ... по старинке, а не по любви» за елецкого купеческого сына М.Д. Пришвина (в будущем мать писателя М.М. Пришвина), после двадцати лет брака, когда умер ее супруг «...вела себя так, как будто мужа она никогда не знала»³²⁵.

Решение супругов жить отдельно было в условиях дореволюционной России доступной альтернативой церковному разводу и, по-видимому, не всегда встречало осуждение близких разошедшейся пары. Так, родители ранее упомянутой П.М. Федосеевой, в недавнем прошлом также состоявшие в купечестве, не отказали от дома дочери, ушедшей от мужа и практически открыто жившей с другим мужчиной. В конце изучаемого периода встречаем уже юридическое оформление прав и обязанностей сторон в такой ситуации. В 1916 г. тульский купец

³²⁴ Там же. Л. 91.

³²⁵ Пришвина В.Д. Путь к слову. – М: Молодая гвардия, 1984. – С. 10.

В.М. Быков заключил нотариально заверенный договор со своей женой, согласно которому обязался содержать жену с дочерьми, в то время как его супруга, выехав из дома, обязалась избрать себе место жительства в пределах Московского учебного округа и не мешать свиданиям супруга с детьми³²⁶.

Справедливости ради нужно отметить, что заключение брака по любви также не гарантировало его от распада. Ранее упомянутые М.М. Мясищев и Н.Е. Дудкевич развелись после 15 лет брака в 1916 г. Обстоятельства развода позволяют предполагать сговор супругов, нацеленный на скорейшее получение согласия от Синода. Вину за измену взяла на себя жена, предоставив следствию необходимое количество свидетелей «прелюбодеяния» – трех человек (все из ее окружения). Каждый из свидетелей дал нужные показания, отказываясь назвать имя возлюбленной женщины. Не указал имени своего соперника и купец, что встречено в делах такого рода впервые. Сама Мясищева в процессе развода вернулась в католичество, что позволило ей не опасаться санкций со стороны православной церкви³²⁷. Таким образом, к концу изучаемого периода распад купеческой семьи, хотя и оставался исключительным явлением, встречал в ряде случаев уже более рациональное отношение со стороны участников семейной драмы.

Таким образом, в течение второй половины XIX – начала XX вв. купечество Тульского региона шло по пути постепенного отхода от сложных форм семейной организации и снижения количества членов семейства. Одним из определяющих факторов этих тенденций было изменение законодательства Российской империи, в целом направленное на ликвидацию сословных привилегий и увеличение налогообложения. Эта политика привела к тому, что уже к 80-м годам XIX в. средняя численность купеческих семейств существенно снизилась, а преобладающей формой семейной организации стала малая семья в результате исключения из купеческих свидетельств родственников, фактически не являвшихся членами одного домохозяйства. Однако помимо причин юридического и финансового характера на изменение купеческой семьи воздействовали и социально-психологические

---

³²⁶ ГАТО. Ф. 202. Оп. 6. Д. 30. Л. 1–4.

³²⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1575. Л. 1–10.

факторы. Глава капитала уже не стремился обеспечить участие в бизнесе всех своих сыновей, а перед юношами из купеческих семейств с развитием системы образования и усложнением структуры экономики Российской империи открывалось все больше возможностей помимо продолжения семейного дела. Показательно, что более быстрыми темпами упрощение форм семейной организации происходило в губернском городе.

Также под воздействием совокупности культурных и социально-экономических факторов демографическая структура тульского купечества во второй половине XIX века ощутимо меняется в сторону так называемой европейской модели брачности. Неуклонный рост среднего возраста вступления в брак купеческих мужчин был обусловлен стремлением укрепить свое финансовое положение перед обзаведением семейством. Но нельзя исключать и роста самостоятельности купеческих сыновей, приводившей к постепенному отказу от традиции устройства брака родителями жениха. Изменение брачного поведения купеческих женщин было, неразрывно связанное с таковым мужчин, также, вероятно, было продиктовано совокупностью как экономических, так и социально-психологических факторов. Финансовая обеспеченность купеческой семьи в определённой степени защищала ее представительниц от участи старых дев, но в то же время могла диктовать стремление главы капитала оттянуть замужество дочерей в целях сохранения пущенных в оборот средств от выплаты в качестве приданого. Также вероятно влияние возросшего уровня образования в российском обществе в целом и в данной социальной группе в частности на изменение стандартов брачного поведения купечества, о чем будет сказано далее.

Тем не менее, реалии XIX – начала XX в. диктовали желательность как для мужчины-владельца семейного бизнеса, так и, в особенности, для женщины наличие брачного партнера и детей, гарантирующих обеспечение в старости. Представители купечества, пережившие смерть супруга, стремились, как правило, к заключению нового брака. Препятствием для повторного брака женщин порой выступала нехватка средств для привлечения «достойного» жениха. Для мужчин же, напротив, экономическое благополучие и наличие детей от предыдущих браков

могло сделать перспективу повторного брака менее привлекательной. Таким образом, зажиточные представители купечества были более свободны в своем брачном поведении.

Купечество, устраивая браки своих детей, руководствовалось как социальным положением и уровнем благосостояния семьи предполагаемого супруга, так и его репутацией. Логичным следствием нежелания купечеством союзов с мещанством и крестьянством при неодобрении браков с купеческими детьми уже со стороны дворянских семей, стала определенная сословная замкнутость, особенно характерная для потомственного купечества. Браки с представителями мещанства и крестьянства заключались преимущественно при финансовых затруднениях купеческой семьи. Самостоятельный выбор супруги купеческими сыновьями был обусловлен либо достижением ими имущественной самостоятельности (и в таком случае мог быть обращен и на представительницу непривилегированных слоев), либо следованием общей логике купеческих браков (невеста из купеческой, дворянской семьи при получении формального одобрения родителей). Тем не менее приведенные данные позволяют предполагать, что к концу XIX – началу XX века выбор супруга, становится более свободным будучи обусловленным ростом самостоятельности купеческих детей, готовых жить независимо от родителей. Взросший же культурный уровень купечества увеличивал шансы его представителей заключить брак с выходцами из среды дворянства и потомственного почетного гражданства.

Залогом прочности купеческих браков были многочисленные семейные обязанности, требовавшие взаимной поддержки и нередко участия в семейном предприятии обоих супругов. Однако результатом устроенных родителями браков и распространенности в купеческой среде патриархальных стереотипов было достаточно сдержанное отношение купеческих жен к своим мужьям в некоторых семьях.

3. Дети в купеческой семье. Воспитание и образование

3.1. Воспитание детей в купеческой семье

В детях предприниматели надеялись увидеть надежных помощников и в будущем продолжателей семейного дела. Б.Н. Миронов отмечал, что со второй половины XIX в. в среде купечества из-за более позднего вступления в брак число детей снизилось на 10 % по сравнению с XVIII – первой половиной XIX вв.³²⁸. Однако по данным купеческих списков Тульской губернии тенденция к снижению числа детей в купеческих семьях в 1915 г. по сравнению с 1858 г. не была выявлена. Для подсчетов были взяты купеческие списки Тулы и Ефремова³²⁹. Количество детей, рожденных у каждой брачной пары в купеческих семьях, было разделено на общее количество брачных пар, имевших детей. Так, в 1858 г. в среднем в купечестве Тулы было 3,3 ребенка у каждой брачной пары, а в 1915 г. – уже 3,7. В Ефремове в 1858 г., как и в 1915 г. в среднем на каждую пару приходилось 3,5 ребенка. Особенности использованного при подсчетах источника вынуждают предполагать, что в реальности среднее число рожденных детей было еще большим: в купеческие списки не вносились дети, умершие в младенчестве, также не были учтены дети, выбывшие из семьи до ее вступления в купечество и рожденные в ней после того, как семья покинула купечество. Аналогичные данные – в среднем три-четыре ребенка в каждой полной простой по типу купеческой семье были получены и при исследовании купеческой семьи Симбирска³³⁰. Вероятно, сохранение прежнего показателя среднего количества детей на каждую семейную пару и даже его некоторое увеличение к XX веку по Туле было следствием снижения младенческой смертности. На эту тенденцию, приводящую к росту числа

---

³²⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 180.

³²⁹ Ефремов был выбран для подсчетов как город, в котором к концу изучаемого периода сохранилось наибольшее число купеческих семей после Тулы.

³³⁰ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Ульяновск, 2005. – С. 158.

детей в семье при снижении уровня рождаемости, также указывал Б.Н. Миронов применительно к населению России второй половины XIX века³³¹.

Л.Н. Галимова отмечала, что иногда предприниматели, не имеющие своих детей, усыновляли приемышей, но только мальчиков, могущих в будущем возглавить дело³³². Стремясь гарантировать себя от случайностей в способностях и характере принимаемого в семью ребенка, некоторые тульские купцы шли на усыновление достаточно взрослых мальчиков. Бездетный ефремовский купец И.В. Ерилов усыновил шестнадцатилетнего мещанина Аксенова, осиротевшего в семилетнем возрасте, тульский купец С.Г. Флигер также усыновил уже взрослого крестьянского сына. Приемному сыну одоевского купца А.М. Клеменова на момент усыновления было не менее семи лет. Вероятно, ранее эти молодые люди работали у купцов и были им хорошо знакомы. Чувством сострадания были мотивированы случаи принятия купцом, уже имеющим сыновей, в свою семью подкидышей или осиротевших родственников. В этой ситуации пол и возраст ребенка не имели принципиального значения. Так, тульский купец П.П. Данилов, имея взрослых сына и трех дочерей, принял в семью восьмилетнюю девочку. Судя по тому, что отчество ребенку дали по крестному отцу, она была подкидышем или незаконнорожденной. Также и купец В.А. Струков, имея сына, удочерил трехлетнюю девочку.

По данным, приводимым в конце XIX в. И.А. Краснопевцевым, в городской среде Одоева рождение и крещение детей не сопровождалось какими-либо особенными обрядами. Отец в назначенный день приглашал для крещения в дом священника с причтом, крестных отца и мать, а также знакомых и родственников. После крещения устраивался обед, в конце которого повивальная бабка или акушерка угощала вином всех гостей³³³. Вероятно описанная традиция была характерна и для остальных городов губернии. По данным Л.А. Лернер в Курской гу-

³³¹ Миронов Б.Н. Там же.

³³² Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 160.

³³³ Краснопевцев И.А. Очерки города Одоева. – С. 162. // Майоров М.В. История Тульского края в воспоминаниях и документах: редкие и недоступные тексты. Т. 1. – Тула: Левша, 2009.

бернии также крещение отмечали обедом с распитием крепких напитков и тостами за новорожденного и его мать³³⁴.

Для хождения за маленькими детьми в богатых семьях нанимали няньку. Особенно актуальной эта мера была в случае, если дети росли без матери – в этом случае нянька приглядывала за детьми до 10–11 лет. Порой в купеческих семьях приходилось прибегать к помощи кормилицы, которая оставалась важным человеком для детей и когда они подрастали, выполняла обязанности няньки. Позже место няньки занимала гувернантка. В относительно небогатых купеческих семьях уход за маленькими детьми полностью ложился на их мать или старших братьев и сестер.

Обязательным элементом воспитания купеческих сыновей было «обучение торговому делу». Чаще всего такое обучение происходило в лавке отца или старших братьев подростка. Иногда купеческих сыновей направляли для овладения навыками торговли и в лавки других купцов – родственников или знакомых. Можно предположить, что в последнем случае при выборе места прохождения «торговой практики» в первую очередь учитывали степень процветания дел предпринимателя, а не сферу бизнеса, в котором он был занят. Так, 17-летний сын купца М.Е. Делимова, изготавливавшего и продававшего кожаную обувь, обучался торговому мастерству в Москве у братьев Красавиных, ведших «медную торговлю»³³⁵. Другим важным фактором была сама готовность купца взять в лавку мальчика, поскольку число рабочих мест в ней было ограничено, да и далеко не каждая семья имела возможность устроить сына «волонтером» («...т.е. без жалования, для приобретения нужных знаний»³³⁶). Если купеческая семья торговала продукцией собственного производства, акцент в обучении сыновей делали на овладении соответствующими ремесленными навыками: сыновья купчихи-самоварщицы А.М. Худяковой обучались «самоварному мастерству»³³⁷. При этом, однако, отдельные представители купечества отнюдь не исключали и вари-

³³⁴ Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 2003. – С. 82.

³³⁵ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 3. Д. 5038. Л. 67.

³³⁶ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 573. Л. 287.

анта, что у кого-то из сыновей может не оказаться коммерческих способностей. Так, Г.Ф. Юрасов в своем завещании наказывал старшим сыновьям, чтобы они своих младших братьев «... пристроили к занятию или при своем заведении, или к другого рода занятию сообразно их способностям и наклонностям»³³⁸.

Начав «приучаться торговле» мальчик зачастую уже не имел достаточно времени для продолжения обучения «наукам». Потому возраст, в котором купеческих сыновей начинали приучать к ведению бизнеса в лавке и степень их общего образования оказывались тесно взаимосвязанными. В небогатых семьях, где ощущалась острая потребность в скорейшем подключении сыновей к семейному делу, торговая практика мальчиков могла начинаться уже в возрасте 12–13 лет. В среднем же возраст начала обучения «торговой части» составлял 14–15 лет. С ходом времени прохождение «торговой практики» имело тенденцию отодвигаться на все более поздний срок. Так, в 1860-е гг. 15-летнего купеческого внука Петра Павловича Авчинникова душеприказчики его деда сочли необходимым как можно скорее благоустроить «по торговой операции», пеняя его опекунше, как женщине «неопытной» и «беспечной», что этого не было сделано раньше. Во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. упоминания о поступлении купеческих сыновей в лавки для торговой практики встречаем не ранее достижения ими 17 лет.

Девочек, начиная с подросткового возраста (12–13 лет, а иногда и с 7 лет), в обязательном порядке обучали «домашним женским рукоделиям», как «приличным свойствам их и воспитанию»³³⁹. Такая подготовка в будущем позволяла купеческим женщинам самостоятельно изготавливать себе и своим домашним предметы одежды, заниматься «домоводством и хозяйством».

Важнейшим качеством своих детей купцы считали покорность воле родителей, неоднократно указывая на это в своих завещаниях и даже используя такие эпитеты, как «бессловесная» и «безусловная». Одоевский купец второй половины 1860-х гг. П.М. Толстиков полагал, что в переписке взрослый сын должен обращения к нему по имени-отчеству, а при появлении отца в своей лавке вставать и

³³⁷ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2625. Л. 27.

³³⁸ Там же. Т. 3. Д. 2607. Л. 9.

кланяться ему. Не встретив со стороны сына должного «послушания» купец тут же в лавке дал ему пощечину, впоследствии уверяя, что это был единственный случай подобного с ним обращения. К возмущению М.П. Толстикова молодой человек не принял свое наказание с «должной покорностью», а стал кричать и звать исправника³⁴⁰. Считая себя «добрым и чадолюбивым» отцом, Толстиков требовал «всего лишь» отправить сына на два месяца в смиренный дом, ссылаясь на уголовное законодательство.

Приводимые И. Краснопевцевым отрывки бесед одоевских купеческих сыновей на местном «масовском» говоре позволяют заключить, что контроль родителей над сыновьями-подростками был достаточно жестким, но не всегда эффективным. В одном из описываемых исследователем эпизодов юноши, посещая трактир, обсуждают перспективу того, что «отец будет бить» одного из них за позднее возвращение домой. Однако их товарищ убежден, что ему удастся избежать наказания, если он вернется домой тайно («перелезу через забор»). В другом эпизоде юноша приглашает к себе друга и родственника на чай и игру в карты в тайне от остальной родни: «матери дома нет», «не говори сестрам»³⁴¹.

Ценным качеством купеческих сыновей с точки зрения их родителей были способности к коммерции, развитие которых старались всячески поощрять. Так, А.П. Оводов давал своим детям задачи на устный счет, и, если они не справлялись, по-отечески и с юмором журил: «слабо, слабо, груш надо». Именно в сыновьях, проявлявших умение вести торговые дела, родители видели своих приемников, ставя их в своих завещаниях во главе семейства подчас в обход старших братьев. Средним сыновьям завещали основную часть имущества купцы И.И. Белоусов, П.Е. Афанасьев, Е.П. Савостина и П.Н. Московский. Соответственно главными причинами для применения к сыновьям родительских санкций (вплоть до лишения наследства) было их «непочтение» отца и матери, «непослушание» и «дерзкие поступки», а также «нерадение по хозяйственной части» с растратой «семейного

³³⁹ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 3657. Л. 142.

³⁴⁰ СЗРИ. Т. XV. Ч. I. Законы уголовные. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 2164, 2165. – С. 549.

³⁴¹ Краснопевцев И.А. Очерки города Одоева. – С. 158.

достояния». Белевский купец А.С. Собинин призывал сыновей воздерживаться от «мотовства», указывая, что «бережливость похвальна – это богатство бедных и мудрость богатых». Купец предостерегал сыновей от могущих встретиться на жизненном пути таких неприятелей, как «вино, азарт, карточная игра, леность и гнуснейший отвратительнейший всех пороков – ложь и неблагодарность к тем, кто делали нам добро»³⁴².

Еще одной задачей воспитания детей в купеческом семействе было поддержание между братьями и сестрами бесконфликтных отношений, основанных на принципах взаимовыручки. Такой подход диктовался как моральными и религиозными нормами, так и деловой целесообразностью. Так, тульский купец А.М. Постников, призывая детей сохранять между собой мир и согласие, ссылаясь на Священное Писание и на наличие больших возможностей «при общих занятиях и трудах...следить за действиями торговой коммерции и заботиться об общей пользе»³⁴³. Елифанский купец А.И. Слемзин наказывал детям «жить дружно и помогать друг другу, если у кого-либо будет в чем недостаток». Сохранение тесных родственных связей и готовность оказать друг другу финансовую помощь были одним из способов выживания семейного бизнеса в условиях высокого риска предпринимательской деятельности.

Залогом мира в семье представители купечества видели «кротость характера» и «умеренность» детей, которые расценивались как отличительная особенность воспитания привилегированных слоев населения. В 1884 г. тульский купец И.М. Абакумов жаловался, что дядя и опекун его сводных брата с сестрой, мещанин В.Г. Пушкин «топал ногами, кричал и угрожал забрать малолетних к себе, чем довел сирот до слез». Действуя небескорыстно, а именно пытаясь отобрать у Пушкина право опеки над детьми, Абакумов, тем не менее, констатировал, что такое обращение с малолетними «крайне для них вредно и кроме душевного расстройства портит их нравственность». Купец отмечал, что его родственник Пушкин сам воспитан иначе, «как человек рабочий, грубый», а дети привыкли жить в

---

³⁴² ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 573. Л. 287.

³⁴³ Там же. Д. 588. Л. 97.

«тихой, благоустроенной отцом моим семье»³⁴⁴. В этой ситуации личная неприязнь и идеализация уклада своей семьи в восприятии купца накладывались на стремление противопоставить себя и своих близких людям, имеющим более низкое социальное положение. На значимость в глазах купечества принадлежности к привилегированной социальной группе указывает частое использование его представителями таких оборотов, как «по званию моему», «сообразно званию и состоянию нашему». Опекуну детей купца И.Б. Капищева считали, что малолетним, «по состоянию их», надлежит приучаться к жизни «трудолюбивой, умеренной и безмятежной». Таким образом, следование элементарным нормам коммерческой целесообразности воспринималось как фундамент для достижения финансового благополучия, избавляющего от лишних забот³⁴⁵.

Среди качеств хорошо воспитанных детей их родители часто указывали религиозность («страх Божий»). В 1860-е гг. каширский купец Ф.Ф. Муравлев одним из условий передачи сыновьям состояния выдвинул требование «оставить богопротивное логическое умствование», подразумевая под ним, вероятно, увлечение европейскими философскими учениями. Залогом сохранения деловой репутации являлись «добрая нравственность» и «честность»³⁴⁶. Купчиха М.Н. Соломенцева призывала сыновей «вести себя добропорядочно», продолжать семейное дело, «радея о своей пользе и поддержании доброго имени»³⁴⁷. Некоторые представители купечества в своих рекомендациях детям выходили за рамки ценностей личного и семейного благополучия. А.М. Постников выразил надежду, что его дети «сделаются добрыми гражданами и останутся притом хорошей нравственности, каковой они пользуются».

3.2. Образование мальчиков из купеческих семей

«Торговое сословие» является интересным объектом для изучения восприятия роли образования в обществе. Обеспеченность и относительно высокий соци-

---

³⁴⁴ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 3. Д. 5008. Л. 41.

³⁴⁵ Там же. Т. 2. Д. 2869. Л. 30.

³⁴⁶ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 3. Д. 5600. Л. 8.

³⁴⁷ Там же. Д. 5602. Л. 9.

альный статус в значительной степени снимали для купечества объективные преграды для получения образования. Правда, и здесь могли быть исключения. До середины 1870-х гг. в купеческие гильдии порой записывались и небогатые люди. Так, в 1868 г. тульский купец К.А. Соболев был вынужден заявить о невозможности заплатить за обучение сына в Московском Университете, попросив городские власти подтвердить, что он не имеет необходимой для этого суммы³⁴⁸. Быстро изменяющаяся, впитывающая новые веяния российская экономика пореформенного периода диктовала своим участникам необходимость в получении как общего, так и специального образования. Так насколько же сильно «дух времени» сумел повлиять на ценностные установки и модели поведения этой социальной группы, активно вовлеченной в предпринимательскую деятельность и в то же время заинтересованной в сословных привилегиях?

Исследователи купечества неоднократно констатировали, что многие представители гильдий в начале пореформенного периода не отличались, как правило, сколько-нибудь достойным уровнем образования, а зачастую и вовсе были неграмотны³⁴⁹. При этом, не имея образования кроме «домашнего» и не умея, подчас, писать, купцы с началом пореформенного периода все чаще старались обеспечить образование своим детям. Действительно, насколько можно судить по прошениям о зачислении в купечество Тулы на 1860 г., значительная часть глав купеческих семейств оказывалась не в состоянии собственноручно поставить подпись «за неграмотностью» (Таблица 30). Характер подписей другой группы купцов (многочисленные грубые ошибки, явная неуверенность в написании букв) заставляет предположить, что уровень их образования был крайне низким – условно такие купцы были отнесены к категории «малограмотных». Были зафиксированы ситуации, когда купец, ранее признавшийся в неграмотности, в другом случае все же оставлял свою подпись, свидетельствующую, однако, о крайнем затруднении при

³⁴⁸ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 15451. Л. 1.

³⁴⁹ Гончаров, Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С.165.; Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 200.; Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – Рязань, 1996. – С. 112, 120.; Мельникова С.А. Купечество и образование в дореволюционном Симбирске // Сборник материалов научной конференции, посвященной Симбирской губернской гимназии (1809–1899) / отв. ред. А.Н. Зубов. – Ульяновск: УлГУ, 1999. – С. 120.

выведении букв. Таким образом, граница между понятиями «неграмотный» и «малограмотный» оказывается весьма условной. Наряду с прямыми указаниями на неграмотность зачастую встречается оговорка «по болезни руки» как оправдание отсутствия личной подписи. Распространённость таких «болезней» может указывать на то, что многие представители купечества стеснялись своей неграмотности и старались ее скрыть³⁵⁰. При этом за неграмотных или малограмотных родителей подпись под документом довольно часто (45 случаев – 28,7 %) ставили их сыновья или внуки, многие из которых писали уже достаточно свободно. Показательной в этом смысле является подпись 1860 г. тульского купца И.Д. Сушкина и его старшего сына П.И. Сушкина под описью имущества умершей невестки купца (Приложение 1).

Таблица 30

Грамотность купцов-глав капитала г. Тулы в 1860 и в 1875 гг.³⁵¹

Год	Всего купцов		Грамотные купцы-главы капитала		Малограмотные купцы-главы капитала		Неграмотные купцы-главы капитала	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1860	252	100	95	37,7	97	38,5	60	23,8
1875	284	100	169	59,5	73	25,7	42	14,8

В делах об опеке над детьми из купеческих семей практически всегда отмечалось, что они, как мальчики, так и девочки, «обучаются русской грамоте и Закону Божьему». При этом четких сроков начала обучения купеческих детей не существовало. Дочери купчихи Е.Ф. Есиповой приступили к обучению – старшая в 10, а младшая – только в 12 лет, до этого же времени они «...по малолетству ничему не обучались»³⁵². Напротив, купец Г.И. Туляков начал обучать своих детей грамоте сравнительно рано: дочь в 8 лет, а сына в 6 лет³⁵³. Разумеется, следует учитывать, что сведения о сроках обучения, приводимые в официальных отчетах опекунов детей, не всегда соответствовали действительности. Так, дочь богородицкого купца Ф.Ф. Синявина, хотя и значилась в отчетах «обучавшейся грамо-

³⁵⁰ Тульский купец 1864–1866 гг. М. П. Малевский ставил роспись с помощью трафарета – то ли, опять же, маскируя неграмотность, то ли проявляя таким образом свое эстетическое чувство.

³⁵¹ Составлено по ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 12755; Там же. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 2831, 3373.

³⁵² Там же. Д. 2452. Л. 185, 207.

те», но, достигнув семнадцати лет, писала с грубыми ошибками, а порой уклонялась от собственноручной подписи «по болезни правой руки»³⁵⁴.

Данные о численности учащихся по сословиям в трехклассных уездных училищах Ведомства министерства народного просвещения Тульской губернии в 1862 г. (Таблица 31) свидетельствуют о том, что купечество достаточно скромно было представлено в данном типе школ, уступая лишь крестьянству.

Таблица 31

Социальный состав учащихся уездных училищ Тульской губернии в 1862 г.³⁵⁵

Город с уездом	Социальный состав учащихся											
	Дворяне		Духовенство		Почетные граждане и купцы		Мещане		Крестьяне и казаки		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Тула	82	36,1	0	0,0	11	4,8	134	59,0	0	0	227	100
Алексин	24	20,3	6	5,1	14	11,9	49	41,5	25	21,2	118	100
Белев	31	39,7	2	2,6	8	10,3	28	35,9	9	11,5	78	100
Богородицк	8	11,9	0	0,0	23	34,3	36	53,7	0	0	67	100
Венев ³⁵⁶	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Епифань	7	14,0	3	6,0	10	20,0	27	54,0	3	6,0	50	100
Ефремов	13	23,2	0	0,0	20	35,7	22	39,3	1	1,8	56	100
Кашира	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Крапивна	12	16,4	2	2,7	18	24,7	29	39,7	12	16,4	73	100
Новосиль	11	15,7	1	1,4	26	37,1	29	41,4	3	4,3	70	100
Одоев	14	25,9	0	0,0	12	22,2	25	46,3	3	5,6	54	100
Чернь	13	22,8	2	3,5	7	12,3	28	49,1	7	12,3	57	100
Всего	215	25,3	16	1,9	149	17,5	407	47,9	63	7,4	850	100

³⁵³ Там же. Д. 2913. Л. 58, 77.

³⁵⁴ ГАТО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 475. Л. 169.

³⁵⁵ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 468.

³⁵⁶ В Веневе и Кашире в 1862 г. уездных училищ не было.

Интересно, что в процентах наименьшее представительство купечества мы наблюдаем в Тульском уездном училище, в то время как численность этой социальной группы в губернском городе намного превосходила таковую в остальных городах губернии. Объяснение этому факту находим при рассмотрении численности и социального состава учащихся в одноклассных приходских уездных училищах, содержащихся за счет городских обществ (Таблица 32).

Таблица 32

**Социальный состав учащихся приходских училищ ведомства
Министерства Народного Просвещения в Тульской губернии в 1862 г.³⁵⁷**

Город с уездом	Социальный состав учащихся											
	Дворяне		Духовенство		Почетные граждане, купцы		Мещане		Крестьяне, казаки		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Тула	38	7,2	0	0,0	97	18,4	374	71,1	17	3,2	526	100
Алексин	6	7,9	2	2,6	12	15,8	46	60,5	9	11,8	76	100
Белев	10	9,4	4	3,8	18	17,0	69	65,1	5	4,7	106	100
Богородицк ³⁵⁸	0	0,0	0	0,0	39	27,5	94	66,2	9	6,3	142	100
Венев	2	2,5	0	0,0	27	33,8	42	52,5	9	11,3	80	100
Епифань	2	2,6	1	1,3	20	26,0	49	63,6	5	6,5	77	100
Ефремов	5	4,2	0	0,0	24	20,3	74	62,7	15	12,7	118	100
Кашира	6	6,3	0	0,0	20	20,8	70	72,9	0	0,0	96	100
Крапивна	4	6,1	0	0,0	19	28,8	42	63,6	1	1,5	66	100
Новосиль	5	5,3	3	3,2	21	22,3	57	60,6	8	8,5	94	100
Одоев	6	11,3	0	0,0	14	26,4	24	45,3	9	17,0	53	100
Чернь	6	9,5	2	3,2	14	22,2	36	57,1	5	7,9	63	100
Всего	90	6,0	12	0,8	325	21,7	977	65,3	92	6,1	1497	100

Оказывается, что данный тип учебных заведений пользовался куда большим спросом в купеческой и мещанской среде Тулы, чем уездные училища, да и в

³⁵⁷ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 468, 469.

³⁵⁸ В Богородицке и Ефремове приходских училищ в 1862 г. было по два.

большинстве остальных уездов губернии купечество отдавало ему предпочтение. Таким образом, к началу 1860-х гг. купечество в основной своей массе еще не было ориентировано на получение сыновьями как можно более полного образования, полагая достаточным знание грамоты и счета, которое обеспечивали одно-классные приходские училища. К тому же в этот период часть купеческих детей, по-прежнему оставалась вне системы «регулярного» образования, традиционно отдавая предпочтение небольшим частным школам³⁵⁹ или домашним учителям. И.Г. Кусова отмечает, что скептическое отношение купечества к государственным начальным и средним учебным заведениям может быть объяснено недовольством программами таких школ, как оторванными от практических нужд³⁶⁰. И.Д. Сахаров еще в 1840-х гг. указал на причины такого недовольства: купцы стремились взять в лавку для помощи в торговле сыновей уже по достижении ими 10–12 лет³⁶¹. Разумеется, в таком случае продолжать образование в учебном заведении с твердым расписанием было для мальчиков невозможно.

В формулярных списках о службе на общественных должностях находим и подтверждение распространенности среди представителей этого сословия т.н. «домашнего» образования, которому отдавалось явное предпочтение перед образованием в учебных заведениях. Из 13 представителей купечества Тульской губернии 1860-х гг., формулярные списки о службе которых сохранились, 9 человек в графе «где обучался» указали «в доме родителей», а еще про одного купца сказано прямо: «нигде не обучался»³⁶². При этом многие купцы начала 1860-х гг. использовали при письме буквы старославянского алфавита, что также позволяет предположить получение ими «домашнего» образования, под которым подразумевалось обучение нанятым «грамотеям», а чаще всего – в одной из частных школ лиц духовного звания. Так, до 1881 г. пользовались педагогическими услугами священника Глаголева дети купца И.Б. Капищева³⁶³. Однако среди частных школ

³⁵⁹ Дружинин А.Г. Начальное образование в Тульской губернии с 1800 по 1900 г. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1901. – С. 19, 25.

³⁶⁰ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – С. 112.

³⁶¹ Сахаров И.П. Алексин и Алексинский уезд в первой половине XIX века. – Тула: Ясная Поляна, 2005. – С. 105.

³⁶² ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 14250; Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 469, 499.

³⁶³ Там же. Д. 2869. Л. 72, 138, 654.

в Туле были и такие, которые, не ограничиваясь «обучению русской грамоте и Закону Божьему», готовили детей к поступлению в средние учебные заведения. В 1861 г. купеческие внуки Авчинниковы были устроены опекунами в тульский пансион г. Бер, с платой за каждого по 200 руб.³⁶⁴ После года обучения в пансионе брат и сестра Авчинниковы поступили в Тульские мужскую и женскую гимназии «для приличного по званию их образования».

К середине 1870-х гг. можно констатировать заметное повышение уровня образования тульского купечества. В губернском городе Туле количество грамотных купцов возрастает с 37,7 % до 59,5 % (Таблица 30), а в уездном городе Богородицке доля грамотных купцов-глав капиталов в 1875 г. составляла 60 %³⁶⁵. Близость приведенных значений позволяет предполагать, что данный показатель отражал общий средний уровень грамотности среди взрослых мужчин-начальников семейств купечества Тульской губернии. По данным однодневной переписи в Туле в 1891 г. среди купеческих мужчин грамотными были уже 78,8 %. По этому показателю купеческие мужчины незначительно уступали дворянам (81,8 %) и существенно превосходили мещан (42,2 %) и крестьян (41,8 %)³⁶⁶.

С течением времени возрастала заинтересованность купечества в более полном среднем и высшем образовании для сыновей, подстегиваемая как запросом на специалистов в российской экономике, так и возможностью получения образовательной льготы при прохождении юношами военной службы. Закономерным следствием стало дальнейшее снижение интереса купечества к системе государственных и общественных одноклассных начальных школ. В конце 1890-х исследователи системы начального образования констатировали, что купечество, как и остальные привилегированные сословия, «не ощущает сильной потребности в обучении своих детей в начальных училищах»³⁶⁷. В 1895 г. во всех земских школах губернии обучалось всего 37 учеников купеческого происхождения (0,2 %)³⁶⁸.

³⁶⁴ Там же. Д. 2471. Л.18.

³⁶⁵ ГАТО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1226.

³⁶⁶ Памятная книжка Тульской губернии на 1895 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1895. – С. 86.

³⁶⁷ Начальное народное образование в Тульской губернии в 1896–97 учебном году. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1898. – С. 11.

³⁶⁸ Там же. – С. 233.

Напротив, могла несколько возрасти востребованность у купечества, особенно уездного, учебных заведений, дающих образование в объеме трёх-четырёх классов (уездных и городских³⁶⁹ училищ и прогимназий). По данным Статистического обзора 1880 г. в Белеве мужская прогимназия имела в своем составе 10 учеников купеческого происхождения (23,3 % всех учеников), что было больше численности учащихся всех остальных сословий, кроме дворянства³⁷⁰. Тем не менее, в 1895 г. Белевская прогимназия была закрыта, так как не сумела в полной мере удовлетворить ни запросов верхушки города (не открывала прямой дороги в ВУЗ), ни его средних слоев (не давала профессионального образования)³⁷¹.

Формулярные списки представителей купечества, служивших на выборных должностях в 1870–1880 гг., свидетельствуют о сохранявшейся тенденции обучения значительной доли купеческих детей в частных школах или найма приходящего учителя. Из 23 человек 14 (60,9 %) получили «домашнее» образование, 4 закончили уездные и городские училища (17,4 %), 3 закончили реальные училища (13 %) и 1 высшее учебное заведение (4,3 %). Из учеников купеческого происхождения, поступивших в период 1885–1908 гг. в Тульское реальное училище, лишь 6 человек окончили уездные и городское училища, в то время как 31 ученик прошел подготовку в различных частных школах (Конопацкой, Бурцевой, Полюбиной, Иудольской, Любомудровой и др.).

Обращение к социальному составу тульских средних учебных заведений помогает проследить изменение отношения купечества к получению их детьми образования во второй половине XIX – начале XX вв. Так, в Тульской мужской гимназии – единственном среднем учебном заведении губернии начала 1860-х гг. для мальчиков (Таблица 33) доля купеческих детей в 1861 г. была еще довольно незначительна, а в ее старших классах их представительство становилось единичным (как, впрочем, и других учащихся недворянского происхождения). Безусловно, препятствием для получения более полного образования купеческими детьми

³⁶⁹ По положению 1872 г. на базе уездных училищ создавались городские училища.

³⁷⁰ Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – СПб: Изд-во Центрального Статистического Комитета МВД, 1888. – С. 118–119.

³⁷¹ Тишин П.П. Белев. Очерк истории города и района. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1981. – С. 71.

выступали и объективные трудности: ограниченность мест в учебном заведении, высокий уровень требований к учащимся, а для детей из уездных городов еще и необходимость обеспечения проживания в Туле. Из трех купеческих детей, обучавшихся в шестом классе гимназии, в следующий класс перешли только двое, закончить же гимназию удалось лишь одному из них.

Таблица 33

Социальный состав учащихся Тульской мужской гимназии по классам в 1861 г.³⁷²

Социальное происхождение учащихся	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	6 класс	7 класс	Всего, чел.	Всего, %
Дворяне потомственные, чел.	24	23	26	31	24	12	14	154	55,0
Дворяне личные, чел.	15	13	11	14	15	3	2	73	26,1
Духовного звания, чел.	0	0	2	0	1	2	0	5	1,8
Почетные граждане и купцы, чел.	5	4	5	1	1	3	0	19	6,8
Мещане и другие обыватели, чел.	3	5	4	6	3	3	0	24	8,6
Иноверцы, чел.	1	1	1	1	1	0	0	5	1,8
Всего, чел.	48	46	49	53	45	23	16	280	100,0

В 1871 г. число учащихся из купеческих семей, поступавших в Тульскую мужскую гимназию (с 1864 г. – «классическую») более чем в два раза увеличилось по сравнению с таковым 1861 г. Возрастает и доля купеческих детей среди всех учащихся гимназии (Таблица 34). В последующие годы численность в гимназии учеников из купеческих семей продолжала увеличиваться (до 76 человек в 1910 гг.) (Таблица 35). Однако их доля среди прочих учащихся, достигнув в 1880 г. показателя в 15 %, к 1908 г. снижается до 11,1 %. Эта тенденция была обусловлена расширением количества учащихся гимназии и отчасти утратой ее аристократического характера (доля детей из дворянских семей снизилась до 44,8 %), что вело к росту долей выходцев из других сословий.

³⁷² Составлено по материалам ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 458.

Таблица 34

**Социальный состав учащихся, принятых в Тульскую мужскую гимназию
в 1861 и 1871 гг.³⁷³**

Социальное происхождение учащихся	1861/62 учебный год		1871/1872 учебный год	
	Количество учащихся, чел.	Процент от всего количества принятых учеников	Количество учащихся, чел.	Процент от всего количества принятых учеников
Дворяне потомственные	29	50	36	35,6
Дворяне личные ³⁷⁴	19	32,8	34	33,7
Духовного звания	0	0	4	4
Почетные граждане и купцы	6	10,3	15	14,9
Мещане и другие обыватели	3	5,2	9	8,9
Крестьяне	-	-	-	-
Иноверцы ³⁷⁵	1	1,7	1	1,0
Всего	58	100	101	100

Таблица 35

**Социальный состав учащихся Тульской мужской классической гимназии
в 1861–1910 гг.³⁷⁶**

Годы	Социальный состав учащихся													
	Дворяне		Духовенство		Почетные граждане и купцы		Мещане и цеховые		Крестьянство и казачество		Иных сословий		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1861	39	81,1	5	1,8	19	6,8	24	8,6	-	-	5	1,8	280	100
1880	210	60,9	25	7,2	52	15,1	28	8,1	8	2,3	22	6,4	345	100
1908	318	50,3	49	7,8	70	11,1	138	21,8	54	8,5	3	0,5	632	100
1909	283	46,4	54	8,9	71	11,6	135	22,1	64	10,5	3	0,5	610	100
1910	283	44,8	53	8,4	76	12,0	147	23,3	71	11,2	2	0,3	632	100

³⁷³ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 458, 691.

³⁷⁴ В 1871/1872 гг. – дети офицерских чинов.

³⁷⁵ В 1871/1872 гг. – иностранцы.

³⁷⁶ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 458, 691; Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – С. 118–119; Отчету о состоянии Тульской мужской гимназии за 1908/1909 учебный год. – Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1909. – С. 22.; Отчету о состоянии Тульской мужской гимназии за 1909/1910 учебный год. – Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1910. – С. 14.; Отчету о состоянии Тульской мужской гимназии за 1910/1911 учебный год. – Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1911. – С. 9.

Более объективно оценить значимость для купечества образования сыновей в средних учебных заведениях можно, проанализировав представительство купеческих детей в иных образовательных учреждениях данного типа. До 1875 г. мужская гимназия оставалась единственным средним учебным заведением для мальчиков в губернии. Гласные Тульского губернского земского собрания отмечали, что мужская гимназия отказывает из-за нехватки мест даже детям, успешно выдержавшим экзамен. Вероятно, при приеме в гимназию предпочтение отдавалось детям дворянского происхождения, что вынуждало купеческие семьи, чьи дети не сумели пробиться в число учеников Тульской гимназии, отправлять сыновей в другие регионы. Другой причиной поиска альтернативных средних учебных заведений была заинтересованность части купечества в приобретении их сыновьями более практических знаний. Так, один из представителей белевского купечества потомственный почетный гражданин А.С. Собинин в своем завещании середины 1850-х гг. настаивал, чтобы сыновья поступили в Московскую коммерческую академию и окончили в ней, в том числе, и дополнительный класс для «большого усовершенствования себя, ... особенно в мануфактурной части и законоведении ... из которых первая доставит им существенную пользу, а последнее охранит от противозаконных действий». Дети купеческого сына М.М. Струкова в конце 1860-х гг. учились в Москве в частной немецкой школе, состоявшей при Лютеранской церкви св. Михаила. Программа школы также была ориентирована на предпринимателей. В нее входили такие предметы, как иностранные языки и коммерция. Уездное купечество также иногда посылало своих детей в частные учебные заведения Москвы. Богородицкий купеческий брат И.А. Ломакин в 1889 г. закончил полный курс наук в частном реальном училище К.К. Мазинга в Москве. Брат И.А. Ломакина, купец В.А. Ломакин обучался в уже упомянутом реальном училище при Лютеранской церкви св. Михаила, где также окончил полный курс. Показательно, что все перечисленные учебные заведения имели уклон в изучение немецкого языка (в Московской коммерческой академии преподавание велось на немецком). Исследователи отмечают, что именно немецкая культура была наиболее близка купечеству среди иностранных, как наиболее «практиче-

ская». Тем не менее, обучение сыновей в Москве в виду очевидных финансовых и организационных трудностей было доступно, вероятно, лишь верхушке купечества губернии.

В 1875 г. было открыто Тульское реальное училище, выпускники которого, лишенные возможности поступить в университет, могли продолжить обучение в институте технической направленности. На второй год работы училища количество в нем купеческих детей было ниже числа купеческих сыновей, поступивших в мужскую классическую гимназию пятью годами ранее (11 человек против 15) (Таблица 34, 36). Меньше была и доля представителей купечества среди прочих учеников училища (12,4 % против 14,9 %). Первоначальное прохладное отношение купечества к Тульскому реальному училищу могло быть обусловлено недоверием к новому учебному заведению, имевшему, к тому же, наряду с ограниченными возможностями для своих выпускников по сравнению с гимназией и весьма слабый набор учеников первых лет. Интересно, что и среди одиннадцати учащихся училища купеческого происхождения как минимум один – Аким Гудков – перешел из классической гимназии, в которой имел явные проблемы с успеваемостью (остался на второй год во втором классе). В следующем, 1877 г., в училище из гимназии перешло еще, по меньшей мере, трое купеческих сыновей (Н. Глаголев, Н. Маторин, В. Коротков)³⁷⁷. Правило, позволявшее ученикам гимназии поступать в училище без экзаменов, привлекло в его стены мальчиков, оказавшихся в гимназии на грани отчисления за «малоуспешность» (именно такими учениками были все вышеупомянутые дети купеческого происхождения, перешедшие из гимназии). Из 14 купеческих мальчиков, обучавшихся в реальном училище в 1876–1877 гг., ни одному не удалось закончить это учебное заведение.

Тем не менее, уже в 1880 г. купеческих детей в училище по данным официальной статистики насчитывалось свыше 60, причем 6 человек – в дополнительных отделениях седьмого класса³⁷⁸. В дальнейшем, в период 1886–1903 гг. коли-

---

³⁷⁷ ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 42.

³⁷⁸ Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – С. 118–119.

чество купеческих мальчиков во всех его классах ни разу не превысило 50³⁷⁹. Если в материалы официальной статистики по части сословной принадлежности учащихся не вкралась ошибка (по данным самого училища в седьмом классе в 1880 г. находим только двух учащихся из купеческих семей губернии), то объяснением такого всплеска интереса купечества к училищу может быть именно невысокие требования для поступления в него по сравнению с Тульской гимназией и иными средними учебными заведениями. Так, в том же 1880 г. в Тульской классической мужской гимназии обучалось уже меньшее количество купеческих детей, нежели в реальном училище, меньше была и их доля среди всех учащихся гимназии (около 15 %, а в реальном училище – больше 25 %). Таким образом, та часть купечества, которая была в принципе ориентирована на получение среднего образования для своих детей, в 1870 – начале 1880-х гг. отдавала все же предпочтение классической гимназии или частным учебным заведениям Москвы и их выбор в пользу Тульского реального училища был вынужденным.

Таблица 36

Учащиеся Тульского реального училища в 1876–1901 гг.³⁸⁰

Год	Количество учащихся купеческого происхождения, чел.	Общее количество учащихся, чел.	Доля учащихся купеческого происхождения среди всех учеников, %
1876	11	89	12,4
1880	61	241	25,3
1886	42	166	25,3
1887	34	162	21,0
1888	38	145	26,2
1889	41	163	25,2
1890	37	167	22,2
1891	32	172	18,6
1892	37	187	19,8

³⁷⁹ ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 149.

³⁸⁰ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 20. Л. 149.; Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – С. 118–119.

1893	44	199	22,1
1894	42	195	21,5
1895	43	207	20,8
1896	43	218	19,7
1897	45	219	20,5
1898	49	256	19,1
1899	45	297	15,2
1900	50	314	15,9
1901	47	354	13,3

В 1883 г. в реальном училище начали действовать новые правила: прекращён прием без экзаменов гимназистов и запрещено оставлять учащихся в одном и том же классе для повторного обучения более трех раз в течение всего курса обучения. Это обусловило появление тенденции к сокращению числа учащихся училища, сохранявшейся до 1888 г. Тем не менее, доля детей купеческого происхождения во второй половине 1880-х среди учеников училища остается на относительно стабильном уровне, хотя их количество заметно снижается по сравнению с 1880 г. В училище из других средних заведений переходят, в том числе, и купеческие сыновья, не являвшиеся «второгодниками». Так, из вышеупомянутой Московской коммерческой академии в училище поступил купеческий сын К.И. Платонов.

С 1888 г. в реальных училищах была сделана ставка на общее образование учащихся без профессионального уклона. В Туле вместо химического и механического отделений, закрытых соответственно в 1888 и в 1893 гг., в VII дополнительном классе вводилось одно отделение – общеобразовательное. По мнению составителей «Отчета о состоянии Тульского реального училища за 1875–1900 гг.» именно то, что училище перестало быть «профессиональной школой», как и рост запроса на реальное образование в обществе, привели к заметному увеличению числа учеников (со 145 в 1888 г. до 354 в 1901 г. – на 59 %) ³⁸¹. Выросло и количество учащихся купеческого сословия (с 38 до 47 – на 19 %). Тем не менее,

³⁸¹ ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 14.

усиление конкуренции при поступлении в училище со стороны представителей других социальных групп приводило, как и в классической гимназии, к сокращению в нем доли купеческих детей.

Располагая данными о сословной принадлежности учеников реального училища, их передвижении по классам за период 1886–1903 гг., можно прийти к следующим выводам:

– на протяжении периода отмечается некоторый рост успешности купеческих детей: если ученики, покинувшие училище в 1886–1894 гг., оканчивали в среднем около трех классов, то в 1895–1903 гг. – уже 4 (Таблица 37)³⁸².

Таблица 37

Количество классов, законченных учащимися Тульского реального училища в 1886–1903 гг.³⁸³

Временной период, гг.	Общее количество учащихся из купечества	Количество законченных ими классов	Среднее количество законченных классов на 1 ученика	Количество учащихся остальных социальных групп	Общее количество законченных ими классов	Среднее количество законченных классов на 1 ученика
1886–1894	65	208	3,2	212	820	3,9
1895–1903	65	269	4,1	351	1296	3,7

– с точки зрения успеваемости купеческие дети выгодно отличались от остальных учащихся, чья совокупная успешность, напротив, несколько снизилась в 1895–1903 гг. Роль здесь, видимо, играло растущее понимание значимости образования, подкрепляемое финансовыми возможностями купечества. Так, трудности в освоении учеником какого-либо из предметов приводили к рекомендациям Педагогического Комитета о найме репетиторов, услуги которых стоили недешево. Если за обучение купеческого сына К.Д. Соломенцева в Тульской мужской классической гимназии, где он в возрасте 16 лет все еще пребывал в четвертом классе, его родственники платили по 23 рубля за полугодие, то репетитору юноши приходилось платить 68 рублей. Также достойная начальная подготовка, которую стремились

³⁸² Для удобства сравнения рассматриваемый период был разделен на два временных отрезка, в течение которых училище покинуло равное количество детей купеческого происхождения.

³⁸³ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 149.

обеспечить существующие в Тульской губернии различные частные школы, могла быть залогом дальнейшего успешного обучения ребенка.

– число купеческих детей, вынужденных покинуть училище, не сумев закончить даже первый класс, заметно сокращается в 1895–1903 гг. (Таблица 38) и, напротив, растет количество учеников, совладавших с программой старших классов училища.

Таблица 38

Количество учащихся Тульского реального училища купеческого происхождения, закончивших от 0 до 7 классов в 1886–1903 гг.³⁸⁴

Количество оконченных классов	Период времени			
	1886–1894 гг.		1895–1903 гг.	
	чел.	%	чел.	%
0 кл.	9	13,8	2	3,1
1 кл.	9	13,8	11	16,9
2 кл.	14	21,5	8	12,3
3 кл.	9	13,8	3	4,6
4 кл.	5	7,7	12	18,5
5 кл.	3	4,6	6	9,2
6 кл.	3	4,6	6	9,2
7 кл.	13	20,0	17	26,2
Всего	65	100	65	100

Косвенно сделанные выводы подтверждают данные о причинах выбытия купеческих детей из училища до окончания курса. «Неуспешность» ученика, как самая распространенная причина выбытия в 1886–1894 гг., уступает место в 1895–1903 гг. «домашним обстоятельствам» (Таблица 39). Последнее, правда, могло подразумевать под собой как действительные перемены в жизненных планах купеческой семьи (в отношении одного из учеников училища встречаем дополнительную пометку – «за смертью отца»), так и благовидное прикрытие все той же «неуспешности». Зато сокращается и количество ситуаций, когда родители заби-

рали ребенка «к практическим занятиям», что еще раз говорит о возросшей значимости образования в мировоззрении пореформенного купечества.

Таблица 39

Причины выбытия купеческих детей из Тульского реального училища до окончания срока обучения в 1886–1903 гг.³⁸⁵

Период времени	1886–1894 гг.		1895–1903 гг.	
	Количество купеческих детей, чел.	%	Количество купеческих детей, чел.	%
Неуспешность	14	29,2	5	11,1
К практическим занятиям	9	18,8	4	8,9
Домашние обстоятельства	3	6,3	16	35,6
Неявка/невзнос платы	9	18,8	9	20,0
Военная служба	2	4,2	2	4,4
Другое училище	7	14,6	8	17,8
Болезнь/смерть	4	8,3	1	2,2
Всего	48	100	45	100

Между тем сеть средних учебных заведений в Тульской губернии продолжала расширяться. В 1901 г. по инициативе и на средства тульского купеческого общества в Туле было открыто семиклассное Коммерческое училище с подготовительным классом, призванное «наиболее полно отвечать целям торгово-промышленного класса»³⁸⁶. По Положению о коммерческих учебных заведениях 1896 г. такого рода учебные заведения, с одной стороны, были направлены на подготовку своих выпускников к практической коммерческой деятельности, а с другой наравне с реальными училищами давали возможность по их окончании получить высшее техническое образование. Программа училища включала в себя в старших классах такие специфические дисциплины как Законоведение, Политическая экономия, Коммерческая география (наряду с обычной Географией), Коммерческая арифметика, Бухгалтерия и Товароведение.

³⁸⁴ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 149.

³⁸⁵ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 149.

³⁸⁶ Отчет Тульского коммерческого училища за 1901/1902 учебный год. – С. 4.

Численность учащихся купеческого происхождения в Тульском коммерческом училище устойчиво возрастала вплоть до 1908 г., но в дальнейшем их количество заметно снижается, как, впрочем, и остальных учеников училища (Таблица 40).

Таблица 40

**Социальный состав учащихся Тульского коммерческого училища
в 1901–1914 гг.³⁸⁷**

Социальные группы	Дворяне		Другие сословия		Почетные граждане и купцы		Мещане (и цеховые)		Крестьяне		Иностранно-подданные		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1901/1902	4	3,8	4	3,8	39	37,5	32	30,8	24	23,1	1	1,0	104	100
1902/1903	1	0,6	12	7,4	57	35,0	49	30,1	42	25,8	2	1,2	163	100
1905/1906	39	12,3	0	0,0	94	29,6	96	30,2	85	26,7	4	1,3	318	100
1906/1907	37	12,1	0	0,0	88	28,8	95	31,0	83	27,1	3	1,0	306	100
1908/1909	27	8,9	9	3,0	92	30,2	85	27,9	92	30,2	0	0,0	305	100
1909/1910	35	12,6	0	0,0	65	23,5	85	30,7	92	33,2	0	0,0	277	100
1911/1912	28	11,9	0	0,0	58	24,6	72	30,5	78	33,1	0	0,0	236	100
1912/1913	25	11,0	1	0,4	43	18,9	85	37,4	73	32,2	0	0,0	227	100
1913/1914	20	8,7	1	0,4	41	17,9	87	38,0	80	34,9	0	0,0	229	100
1914/1915	26	11,5	1	0,4	44	19,5	71	31,4	84	37,2	0	0,0	226	100

Сокращение числа учеников происходило как за счет окончания ими училища (в 1908 г. был первый выпуск этого учебного заведения), так и, большей частью, за счет снижения притока новых учащихся. Причин было несколько, в том числе отсутствие права поступления в университеты для выпускников коммерче-

³⁸⁷ Составлено по Отчету Тульского коммерческого училища за 1901/1902 гг. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1902. – С. 63.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1902/03 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1903. – С. 33.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1906/07 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1908. – С. 37.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1907/08 и 1908/09 учебные годы. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1910. – С. 40.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1909/1910 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1911. – С. 28.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1911/12 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1913. – С. 23.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1912/13 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1914. – С. 39.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1913/14 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фор-

ских училищ на фоне открытия к 1909 г. в Туле еще двух мужских гимназий, окончание которых такое право давало. С тревогой руководители училища отмечали, что его стены начали покидать даже отдельные ученики старших классов, переходя в гимназии или же реальное училище, абитуриенты которого могли поступать по экзамену в университеты с 1888 г.³⁸⁸ В итоге было принято решение преобразовать училище в восьмиклассное, что повышало шансы учебного заведения на обретение желанных прав. Само преобразование, однако, состоялось лишь в 1915 г. и вплоть до этого года количество учеников купеческого происхождения продолжало неуклонно снижаться. Уже в 1910 г. во все еще «дворянской» Первой тульской мужской классической гимназии учеников купеческого происхождения оказывается на 11 человек больше, чем в «купеческом» коммерческом училище.

Таким образом, к концу первого десятилетия XX века купечество оказывается нацелено не только на доступное, практически ориентированное и наиболее полное среднее образование, но и на высшее, причем не ограниченное рамками технической или коммерческой специализации. Полученные данные по Тульской губернии полностью соответствуют выводу, сделанному Г.Н. Ульяновой: «если в 1860–1880-е гг. большинство предпринимателей считало достаточным получение детьми прикладного образования в коммерческих школах и реальных училищах, то с 1890-х гг. наблюдается все большее стремление к тому, чтобы купеческие дети получали классическое образование после окончания гимназии и получали престижный университетский диплом или диплом высшего технического ВУ-За»³⁸⁹.

В уездных городах также стали появляться учебные заведения, обеспечивающие более глубокое образование. Гимназии, в которых обучались «дети зажиточных горожан», были открыты в Алексине и Богородицке, реальные училища – в Белеве, Ефремове и Кашире. Некоторые представители купечества даже стали рассматривать образование как сферу извлечения дополнительных доходов: жена

тулатова, 1915. – С. 34.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1914/15 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Fortunatova, 1916. – С. 33.

³⁸⁸ Отчет Тульского коммерческого училища за 1907/08 и 1908/09 учебные годы. – С. 31–32.

чернского купца И.А. Соколова, имевшая педагогическое образование, открыла «Школу подготовки в гимназии, реальные и коммерческие училища Е.А. Соколовой»³⁹⁰, размещавшуюся на первом этаже их с мужем дома.

Что касается высшего образования, то упоминания купеческих сыновей, получивших образование в ВУЗах, встречаются уже в 1860-е гг. В Московском университете обучался упомянутый сын купца К.А. Соболева, в Технологическом институте сын купца С.И. Татарина, двое сыновей потомственного почетного гражданина Тулы купца Н.Н. Добрынина окончили Санкт-Петербургское коммерческое училище. Однако в этот период круг представителей купечества, поощрявших получение детьми высшего образования, был еще довольно узок. Купеческие семейства были заинтересованы в скорейшем включении сыновей в торгово-промышленную деятельность. Купеческий внук А.П. Авчинников, окончив Тульскую мужскую гимназию, приступил к «практическим занятиям». А.С. Собилин, настаивая на окончании сыновьями всех классов среднего учебного заведения, в дальнейшей их судьбе не видел альтернативы «научению торговле». Ефремовское купечество заявляло министру просвещения в 1880 г., что обучение детей в других городах ведет к их отрыву от семьи, так как «они привыкают к другой среде, жизни и обстановке, и уже не находят удовлетворения в своей собственной»³⁹¹. В своем исследовании социокультурного облика купечества М.В. Брянцев четко сформулировал эту проблему: «К большому сожалению родителей, именно дети, окончившие курс в университете, не были помощниками в семейном деле, они отходили от купечества и посвящали себя интеллектуальным профессиям»³⁹².

С течением времени доля купеческих сыновей, которые, получив среднее образование, продолжали свое обучение в высших учебных заведениях, по видимому, росла. Так, из 22 выпускников Тульского реального училища купече-

³⁸⁹ Ульянова Г.Н. Предприниматель: тип личности, духовный облик, образ жизни // История предпринимательства в России. Кн.2. Вторая половина XIX – начало XX в. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 445.

³⁹⁰ Цит. по: Н.Е. Зайцева. Купеческое сословие в Чернском уезде [Электронный ресурс] // Заря-Чернь. РФ. URL: <http://zarya-chern.ru/history/czerny/10584-kupecheskoe-soslovie-v-chernskom-uezde.html> (дата обращения: 25.08.2016).

³⁹¹ Малеванов Н.А. Ефремов. Историко-экономический очерк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1958. – С. 48.

³⁹² Брянцев М.В. Русское купечество... – С. 238.

ского происхождения, окончивших все семь классов в период с 1887 по 1899 гг., большая часть – 16 человек, благополучно поступили в различные институты³⁹³. Из остальных же 6 человек как минимум двое использовали полученные в училище знания для устройства своей дальнейшей жизни: К.Д. Брежнев начал работать в акцизном ведомстве, а С.А. Карсунский давал частные уроки в Туле.

В начале XX века с каждым годом все большая доля выпускников Тульского коммерческого училища, вопреки декларируемой учебным заведением задаче подготовки к «практической коммерческой деятельности», предпочитала продолжить обучение (Таблица 41). Причем фамилии известных тульских купеческих династий неизменно находятся среди выпускников, продолжающих обучение в каком-либо ВУЗе или же готовящихся к поступлению в него.

Таблица 41

**Дальнейшая судьба выпускников Тульского коммерческого училища
за 1908–1912 гг.**³⁹⁴

Учебный год	Дальнейшая деятельность выпускников училища									
	Продолжили учебу в институтах		Устроились на службу		Продолжили дело родителей		Другое ³⁹⁵		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1907/8	12	57,1	4	19,0	3	14,3	2	9,5	21	100
1908/9	20	66,7	2	6,7	0	0	8	26,7	30	100
1909/10	25	83,3	3	10,0	0	0	2	6,7	30	100
1911/12	24	80,0	2	6,7	1	3,3	3	10,0	30	100
1912/13	23	79,3	4	13,8	0	0	2	6,9	29	100

Если говорить о предпочтениях купеческих юношей при выборе института или университета, то на основе имеющихся достаточно неполных сведений мож-

³⁹³ Отчет о состоянии Тульского реального училища за первое XXV-летие его существования. – С. 67–83.

³⁹⁴ Составлено по Отчету Тульского коммерческого училища за 1907/08 и 1908/09 учебные годы. – С. 34–36.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1909/1910 учебный год. – С. 24–26.; Отчету Тульского коммерческого училища за 1911/12 учебный год. – С. 26–27.

³⁹⁵ Приводятся различные обстоятельства: военная служба (1 чел.), болезнь (1 чел.), неизвестно (11 чел.), подготовка к поступлению (3 чел.), нехватка средств для обучения (2 чел.).

но выделить определенные тенденции. До начала 1890-х гг. достаточно часто купеческие сыновья стремились приобрести профессии в медицинской сфере (всего зафиксировано 10 случаев с 1874 по 1890 г.). Выбор военной профессии встречается у купеческих сыновей с конца 1870-х гг. и вплоть до начала двадцатого века (как минимум 5 случаев). Вероятно, определенную роль здесь сыграло введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., вовлекшее купеческую молодежь в армейскую среду. После окончания Тульского реального училища юноши из купеческих семей чаще всего делали выбор в пользу Технологических институтов (12 случаев) и Лесного института (5 случаев). Упоминания о получении высшего юридического образования редки среди купеческих юношей (всего 3 случая). Некоторые купеческие юноши обнаруживали в себе тягу к искусству. В начале XX века был настроен поступить в Академию художеств Н.А. Сушкин. Из пяти учителей купеческого происхождения уездных и приходских училищ в 1861–1863 гг. четверо были учителями рисования и черчения. Возможно, творческий склад личности мешал таким юношам сочетать свои интересы с продолжением семейного дела, «выталкивая» их в профессию педагога, в целом достаточно непопулярную в купеческой среде. В 1880 г. в Тульской губернии работали учителями всего четыре человека купеческого происхождения – 4 % от всех учителей³⁹⁶. Напротив, профессиональное образование, призванное помочь в семейном бизнесе, вероятно, встречало поддержку у представителей купечества. Сын купца Н.М. Бутского в 1877 г. планировал поступить в Тульскую Оружейную школу, открытую в 1869 г. Закончивший Сельскохозяйственный институт А.И. Бреев проживал в собственном имении в сельской местности, где применял на практике полученные знания. Выпускники коммерческого училища в основном ориентировались на Коммерческий институт в Москве.

---

³⁹⁶ Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – С. 439.

3.3. Образование девочек из купеческих семей

Отношение купечества к образованию дочерей менялось медленней. Необходимость обучения дочерей наукам представлялась родителям менее значимой, чем обеспечение образования для сыновей. В середине 1840-х гг. И.Д. Сахаров констатировал, что «очень недавно» и лишь «некоторые» купцы начинают учить грамоте своих дочерей³⁹⁷.

Ожидаемо хуже обстояли дела с грамотностью купеческих женщин по сравнению с таковой купеческих мужчин. Из тульских купчих 1860 г. неграмотными были 61,7 % (29 человек), а уверенно ставили свою подпись и были на этом основании отнесены в категорию «грамотных» лишь 21,4% (9 человек)³⁹⁸. Но смена поколений сопровождалась ростом уровня грамотности и среди купеческих женщин. Так, среди купеческих женщин (т.е. не только купчих, но и купеческих жен, невесток и дочерей), которые в период 1860-х гг. ставили свои подписи под документами только 36,4 % (36 человек) признались в своей неграмотности, еще 32,3 % (32 человека) по характеру подписи можно отнести к малограмотным. Наглядное подтверждение того, что младшее поколение превосходило по уровню образования старшее, вновь находим в виде подписей под обращением купеческой вдовы и ее дочери в орган власти (Приложение 1). По материалам однодневной переписи 1891 г. в Туле грамотными были 68,1 % купеческих женщин. По этому показателю купеческие женщины, как и купеческие мужчины, уступали представительницам дворянства (79,7 %), но опережали мещанок и крестьянок (соответственно, 23,1 % и 21,0 %) ³⁹⁹. Однако если в среде тульских дворян разрыв в уровне грамотности между мужчинами и женщинами был минимален (2,1 %), то для купечества он составлял 10,7 %. Вероятно, сохранение гендерных диспропорций в уровне грамотности объяснялось и финансовыми факторами. Имея ограниченное количество средств для оплаты обучения и испытывая дефицит свободного времени для контроля за занятиями детей, семейство сосредотачивало усилия

³⁹⁷ Сахаров И.П. Алексин и Алексинский уезд в первой половине XIX века. – С. 105.

³⁹⁸ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 12755.

³⁹⁹ Памятная книжка Тульской губернии на 1895 г. – С. 86.

на образовании мальчиков, обучая дочерей по остаточному принципу. По мере роста благосостояния и присоединения семьи к привилегированному слою городского сословия, каковым являлось купечество, отношение к образованию дочерей менялось. Так, в семье богородицкого купца О.Д. Алтмана в 1896 г. неграмотными были старшая взрослая дочь и супруга второго брака, однако все сыновья (как взрослые, так и подростки) и младшие дочери писали свободно.

Купеческие семьи Тулы, по-видимому, предпочитали для своих дочерей, как и для сыновей, начальное образование вне системы государственных и общественных учебных заведений. Так, в открытом в 1859 г. в Венеже частном пансионе супругов Гуновых из 8 учениц 3 были купеческими дочерьми, обучавшимися «всем русским предметам» (т.е. исключая французский и немецкий языки) и танцам⁴⁰⁰. С дочерью купчихи В.К. Грязновой в 1880-е гг. занималась домашняя учительница М.К. Шредер. Наиболее преуспевающие купцы могли себе позволить отправлять дочерей учиться в столичные города. Н.А. Карсунская в 1901 г. обучалась в частной школе княжны Черкасской в Москве, готовясь к поступлению в институт благородных девиц. М.В. Брянцев отмечает, что причина недоверия к казенным школам заключалась в удвоенном опасении купечества за нравственность дочерей, которые будут сидеть за партой «вместе со всеми»⁴⁰¹.

В уездных училищах и школах для девочек количество учениц-представительниц купеческих семейств в 1862 г. было чуть более чем в два раза ниже числа купеческих мальчиков в системе государственных начальных школ (Таблицы 31, 32, 42). В процентном же отношении доля купеческих девочек среди прочих учениц заметно превосходит таковую мальчиков в аналогичном типе школ. Это обстоятельство было следствием низкого представительства в таких учебных заведениях дворянок, которым чаще давали образование дома, и крестьянок, родители которых, видимо, не имели еще заинтересованности в образовании дочерей. В 1900 г. в Богородицком приходском училище для девочек обучалось 8

⁴⁰⁰ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 33. Д. 25775. Л. 4.

⁴⁰¹ Брянцев М.В. Русское купечество... – С. 269–270.

купеческих дочерей (4 % всех учениц)⁴⁰², а в 1908 г. – 12 (7,1 % учениц)⁴⁰³. Учитывая произошедшее к концу первого десятилетия XX в. существенное сокращение числа представителей купечества в регионе (по Богородицку в 4,5 раза с 1868 по 1908 гг.), можно говорить о сохранении заинтересованности купечества в образовании для своих дочерей в системе начальных училищ на прежнем уровне или даже некотором ее росте. Возможно, последнее было обусловлено, в том числе, тем, что обучение в городском приходском училище теперь рассматривалось как «подготовка к поступлению в первый класс гимназии»⁴⁰⁴.

Таблица 42

**Социальный состав женских училищ и школ Тульской губернии
Ведомства министерства народного просвещения в 1862 г.**⁴⁰⁵

Уезд	Социальный состав учащихся											
	Дворяне		Духовенство		Почетные граждане, купцы		Мещане		Крестьяне, казаки		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Тула	3	2,7	0	0,0	41	37,3	54	49,1	12	10,9	110	100
Алексин	12	23,1	8	15,4	6	11,5	20	38,5	6	11,5	52	100
Белев	5	9,3	4	7,4	11	20,4	32	59,3	2	3,7	54	100
Богородицк	0	0,0	0	0,0	18	18,0	32	32,0	50	50,0	100	100
Венев	1	1,2	0	0,0	35	40,7	48	55,8	2	2,3	86	100
Епифань	3	3,6	6	7,1	27	32,1	44	52,4	4	4,8	84	100
Ефремов	9	10,8	1	1,2	25	30,1	46	55,4	2	2,4	83	100
Кашира	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Крапивна	7	13,7	1	2,0	12	23,5	24	47,1	7	13,7	51	100
Новосиль	3	7,7	0	0,0	13	33,3	20	51,3	3	7,7	39	100
Одоев	8	16,7	1	2,1	22	45,8	17	35,4	0	0,0	48	100
Чернь	5	17,9	1	3,6	8	28,6	11	39,3	3	10,7	28	100
Всего	56	7,6	22	3,0	218	29,7	348	47,3	91	12,4	735	100

⁴⁰² ГАТО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2178. Л. 20.

⁴⁰³ Там же. Д. 2308А. Л. 84.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 4.

В 1880 г. существовавшие в Ефремове и Крапивне женские прогимназии посещали 50 учениц из купеческих семей (19,9 % всех учениц). При этом в уездных прогимназиях с первого класса доля учениц купеческого происхождения неуклонно возрастала, составляя в последнем, четвертом классе прогимназий, 40% (что, однако, в абсолютных цифрах представляло всего 2 человека). Спустя двадцать лет, в 1900 г. в Ефремовской прогимназии обучалось 20 учениц купеческого происхождения (10,6 % учениц), а в числе выпускниц этого учебного заведения предыдущего, 1899/1900 учебного года, было 7 купеческих дочерей (23,3 %) ⁴⁰⁶. Таким образом, на рубеже веков доля купеческих дочерей сохранялась в прогимназии на прежнем уровне, а к старшим классам имела тенденцию к заметному возрастанию.

В Тульском шестиклассном женском училище I разряда (существовавшего с 1859 г., а в 1870 г. преобразованного в гимназию) уже в 1860-е гг. встречаем представительниц купеческих семейств (В.П. и А.Н. Авчинниковых). В 1880 г. в Тульской женской гимназии обучалось 56 учениц купеческого происхождения (Таблица 43). При этом стоит учитывать, что выбор средних учебных заведений для девочек в Тульской губернии на тот момент был более ограничен, альтернативой было только открытое в 1874 г. шестиклассное Тульское женское епархиальное училище. Однако в нем в 1880 г. мы находим лишь 8 учениц купеческого происхождения (2,7 % от всех учащихся училища) ⁴⁰⁷.

Число купеческих девочек в гимназии заметно сокращалось к старшим классам (Таблица 44). Соответственно, уже со второго класса гимназии происходит и снижение доли купеческих дочерей среди прочих учениц (основную массу которых составляли дворянки), достигая в седьмом и восьмом классах соответственно 4,2 % и 9,1 %.

⁴⁰⁵ Составлено по материалам ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 468, 469.

⁴⁰⁶ Там же. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2178. Л. 18.

⁴⁰⁷ Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – С. 322–323.

Таблица 43

**Социальный состав учащихся Тульской первой женской гимназии
в 1880–1914 гг.⁴⁰⁸**

Год	Социальные группы													
	Потомствен- ные дворяне		Духовного звания		Почётные граждане и купцы		Мещане и цеховые		Крестьяне		Иные сословия		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1880	233	57,1	35	8,6	56	13,7	55	13,5	12	2,9	17	4,2	408	100
1901	323	46,0	17	2,4	79	11,3	183	26,1	89	12,7	11	1,6	702	100
1914	176	22,7	40	5,2	138	17,8	252	32,5	168	21,6	2	0,3	776	100

Таблица 44

**Количество учениц купеческого происхождения в Тульской первой женской
гимназии в 1880 и 1914 гг. по классам⁴⁰⁹.**

Год	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	6 класс	7 класс	8 класс	Всего
1880	14	14	11	7	1	3	1	1	56
1914	16	16	12	19	9	18	29	12	123

Таким образом, купечество к началу 1880-х гг. еще не было заинтересовано в получении дочерьми полного среднего образования. Через двадцать лет, в 1901 г., численность девочек из купеческих семей в Тульской женской гимназии возросла на 41 % (79 человек), но их доля среди всех учениц несколько снижается (до 11,3 %). Заметный скачок количества купеческих дочерей в этом учебном заведении фиксируем в 1914 г. – на 74 % (138 человек, 17,8 % от всех учащихся). При этом явного снижения числа купеческих дочерей в старших классах уже не наблюдается, напротив, наибольшее количество учениц купеческого происхождения (29 человек – 23,8 % всех учениц) обучалось в седьмом классе гимназии.

С 1895 г. в Туле существовала женская прогимназия, преобразованная в 1914 г. во Вторую Ольгинскую женскую гимназию. Доля представительниц купе-

⁴⁰⁸ Составлено по Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – С. 322–323.; ГАТО. Ф. 303. Оп. 3. Д. 120; Там же. Ф. 303. Оп. 2. Д. 325.

⁴⁰⁹ Составлено по Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – С. 322–323.; ГАТО. Ф. 303. Оп. 2. Д. 325.

чества в этом учебном заведении (Таблица 45) оставалась на стабильном уровне вплоть до окончания изучаемого периода, а их число возрастает после 1914 г. в связи с увеличением количества классов.

Таблица 45

**Социальный состав учащихся Тульской Ольгинской женской гимназии
в 1910–1917 гг.⁴¹⁰**

Год	Социальные группы													
	Потомствен- ные дворяне		Духовно- го звания		Почётные граждане и купцы		Мещане и цехо- вые		Крестья- не		Иностран- цы		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1910	178	42,6	15	3,6	67	16,0	100	23,9	57	13,6	1	0,2	418	100
1911	179	43,2	17	4,1	67	16,2	96	23,2	54	13,0	1	0,2	414	100
1916	206	36,3	17	3,0	87	15,3	162	28,5	96	16,9	0	0,0	568	100
1917	215	37,7	19	3,3	91	16,0	155	27,2	90	15,8	0	0,0	570	100

С годами характер образования купеческих дочерей менялся. Так, судя по описи 1867 г. имущества купеческой дочери А.Н. Авчинниковой ее образование имело отчетливый религиозный уклон. Среди десяти имевшихся у девочки книг светский характер носили только «Русская Азбука» и сборник басен Н. Крылова⁴¹¹. В то же время овдовевшая в 1859 г. тульская купчиха А.А. Сапельникова не ограничилась обучением младшей дочери Александры «русской грамоте и рукоделию». К шестнадцати годам купеческой дочери было обеспечено изучение «французского языка, музыки и танцев»⁴¹². Возможно, такой подход к образованию девушки был обусловлен надеждами купчихи устроить брак дочери за пределами своего круга: в дальнейшем Александра Сапельникова вышла замуж за коллежского регистратора. Татьяну Грязнову в 1884 г. начали обучать музыке и французскому языку уже в девятилетнем возрасте. Сестры Карсунские, обучав-

⁴¹⁰ Составлено по ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 51. Л. 8; Там же. Д. 304. Л. 7.

⁴¹¹ Там же. Л. 30.

⁴¹² ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2687. Л. 88, 189.

шиеся в Елизаветинском институте благородных девиц в Москве, также дополнительно занимались с учителем музыкой и иностранным языком⁴¹³.

Обеспеченные люди, каковыми являлись купцы, могли надеяться, что их дочерям не придется зарабатывать себе на жизнь, а значит им будет достаточно лишь базового уровня образования, «приличного званию». Этим объясняется выявленная тенденция 1860–1870-х гг. к снижению представительства купеческих дочерей в старших классах гимназий и прогимназий. В дальнейшем стандарты образования в купеческой среде стали повышаться. Если основная масса купечества в 1880–1890-е гг. уже старается обеспечить окончание дочерями средних учебных заведений, то купеческая верхушка прививает девушкам светские манеры. При этом, по-видимому, и в том и в другом случае образование представительниц купечества было ориентировано на подготовку домохозяек. Альтернативы замужеству для женщин из купеческой среды были невелики и, как правило, подразумевали либо проживание приживалкой при родственниках, либо пострижение в монастырь. Тем не менее, эпизодически встречаем и иные примеры жизненного выбора купеческих девушек. Продолжала с 1867 г. семейный торговый бизнес Л.И. Владимирова, с 1873 г. вели собственную торговлю тканями дочери купца Н.Н. Ермолова. В конце 1870-х гг. купеческая дочь Л.Б. Масленникова была привилегированной повивальной бабкой в Туле. Но наиболее доступным способом профессиональной самореализации для женщин в императорской России была педагогическая деятельность. В среде учительства Тульской губернии 1890-х гг. купеческие дочери составляли наименьшую долю среди всех сословий (7 человек, 2,7 % от всех женщин-учителей губернии)⁴¹⁴. При этом еще какое-то количество купеческих сестер и дочерей работали домашними учителями и гувернантками в частном порядке. Однако достаточно существенное представительство в 1914 г. учениц купеческого происхождения в дополнительном восьмом классе Тульской первой гимназии, окончание которого позволяло получить звание «домашней учительницы» (12 человек – 16,7 % всех учащихся), указывает на измене-

⁴¹³ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 8. Д. 21919. Л. 40, 43.

⁴¹⁴ Начальное народное образование в Тульской губернии в 1896–97 учебном году. – С. 5.

ние подходов к профессиональному образованию женщин из этой социальной группы. Так, в 1914 г. крапивенская купеческая дочь Вера Щепилова, спустя шесть лет после выбытия из гимназии Жесмин, пожелала получить в этом учебном заведении свидетельство об окончании шести классов, дававшее ей право на звание первоначальной учительницы начального учебного заведения. Интересно, что в отношении двух старших сестер В. Щепиловой в купеческом списке ее семьи за 1915 г. стоит пометка «выдана в замужество в 1914 году», а имя Веры просто перестает упоминаться. Возможно, о самостоятельном заработке девушка была вынуждена задуматься, отказавшись от предложенного родителями жениха. Развитие системы женского высшего образования расширяло возможности профессиональной подготовки для девушек. Так, еще одна представительница крапивенского купечества, А.М. Юдина, окончив крапивенскую прогимназию и Тульскую женскую гимназию, в 1916 г. поступила в Московский женский медицинский институт, открывшийся шестью годами ранее. Звание лекаря-окулиста носила И.А. Мовшович, дочь тульского купца, вышедшая в 1909 г. за купеческого же сына А.Д. Ратницкого. Купеческая жена М.В. Быкова просила у мужа, чтобы он оплатил обучение дочерей «не в школах низшего типа, а в гимназии и более на курсах», то есть предполагала для них получение высшего образования⁴¹⁵.

Подводя итог, можно констатировать, что для представителей купечества важным было поддерживать образ людей спокойных, избегающих крайностей в поведении, строго соблюдающих правила приличия, пекущихся о поддержании деловой репутации и процветании своего дела. Исходя из этого, воспитание детей в купеческих семьях было направлено на формирование таких качеств как сдержанность, бережливость, законопослушность, преданность интересам своей семьи. Условие успешного воспитания детей родители видели в обеспечении беспрекословного их повиновения своим решениям, которое подкреплялось экономической и юридической зависимостью младшего поколения.

Купечество считало для себя необходимым обеспечить «научение наукам», по крайней мере, сыновей. Уже в 1850-е гг. купец А.С. Соби́нин полагал, что да-

---

⁴¹⁵ ГАТО. Ф. 202. Оп. 6. Д. 30. Л. 3.

вая сыновьям образование, он обеспечивает им второй капитал – умственный, «не подверженный переменам счастья», но «могущий их руководить во всех путях жизни и в случаях неблагоприятных служить подмогой»⁴¹⁶. Однако такие взгляды в начале изучаемого периода были характерны лишь для части купечества, поскольку вступали в противоречие с необходимостью «приучения сыновей торговле». С начала 1860-х гг. и до начала XX века уровень грамотности и заинтересованность в образовании среди купечества неуклонно возрастали. Если в начале пореформенного периода представители купечества в основной массе предпочитали довольствоваться лишь изучением детьми азов грамотности, то уже к 1880-м гг. их не устраивало менее чем среднее образование для сыновей. С 1890-х же годов все отчетливее проявляется и тенденция продолжения юношами из купеческих семей своего образования после окончания средней школы. Выбор ВУЗа был обусловлен типом оконченного среднего училища (именно поэтому гимназия, дававшая больше возможностей при поступлении, была, как правило, наиболее востребована купечеством), веяниями моды и, конечно же, личными интересами абитуриентов.

Ориентация на получение профессии до начала XX века была все еще мало характерна для девушек из купеческой среды. Проявляя растущую заинтересованность в получении женщинами образования, причем, по возможности, в наиболее престижных учебных заведениях, купечество в то же время не поощряло выход представительниц слабого пола за пределы круга семейных обязанностей. С ходом времени купеческие семьи обучение дочерей «грамоте и женскому рукоделию» все чаще дополняли умением музицировать и знанием иностранных языков, готовя их к «выходу в свет». К середине второго десятилетия XX в. наблюдается возрастание заинтересованности купеческих девушек к обретению экономической самостоятельности посредством получения профессионального образования. Предположительно одним из факторов этой перемены мог стать демократический импульс революции 1905–1907 гг.

---

⁴¹⁶ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 573. Л. 287.

4. Быт тульской купеческой семьи

4.1. Купеческая усадьба

Изучение частной жизни представителей купечества предполагает, в том числе, исследование семейного быта гильдейцев с целью выявления как его характерных особенностей, так и основных тенденций развития. Повседневная жизнь купечества – обустройство пространства дома, манера одеваться и питаться, проводить свободное время – остается одним из малоисследованных вопросов истории. Ограниченность возможностей историков взглянуть на бытовую культуру представителей купечества «глазами» самих ее носителей обусловлена скудостью источников личного происхождения. Это заставляет исследователей уделять внимание иным источникам, содержащим данные о принадлежащих купечеству материальных объектах: домах, посуде, одежде, мебели и пр. Так, при изучении быта купечества Тульской губернии материалом для анализа послужили, главным образом, сохранившиеся описи имущества купеческих семей, планы купеческих усадеб, описания купеческой недвижимости, содержащиеся в завещаниях и в объявлениях, публиковавшихся региональной прессой, а также фотографии купцов и их семей. На основе тщательного изучения предметов купеческого быта возможна не только реконструкция различных аспектов повседневной жизни купеческой семьи, но и достижение понимания смыслов, вкладываемых в них гильдейцами.

Купечество, как социальная группа, отличалось большой разнородностью. Торговые дела велись с разным размахом и степенью успешности, а некоторые семьи и вовсе не представляли самостоятельной коммерческой единицы, вступая в купечество из иных соображений. Отсюда существенные расхождения в количестве и качестве находящегося в собственности купеческой семьи недвижимости. Так, купеческие дома, фигурировавшие в объявлениях о продаже с торгов за долги, неоднократно характеризовались как «ветхие» и даже «весьма ветхие». Про купца М.Г. Веневитина, который брал купеческой свидетельством не по тор-

говле, а по должности нотариуса, после его смерти было сказано, что он «...не имел в Туле никакого имения кроме необходимого носимого платья»⁴¹⁷. В то же время, некоторые купеческие семьи имели в собственности по несколько домов, а также сельскохозяйственные угодья. Дополнительная недвижимость использовалась для сдачи в наем (например, одоевский купец В.Ф. Толстикова предоставлял свой дом в аренду под размещение городского Благородного собрания за 424 руб. в год⁴¹⁸, каменный дом сирот Авчинниковых их опекуны сдали для Тульского Земского Суда⁴¹⁹) и для организации бизнеса – в качестве гостиниц, фабрик, складов, трактирных заведений. В случае раздела капитала между родственниками (о возможности которого практически всегда упоминали купцы в своих завещаниях), наличие в собственности нескольких участков с домами значительно упрощало дело. Порой недвижимость приобреталась специально для дальнейшего раздела между детьми. Тульская купеческая жена В.И. Полякова купила дом на имя младшей дочери, желая при своей жизни «упрочить ее благосостояние»⁴²⁰. Дополнительная недвижимость была также и своеобразной страховкой на случай разорения. Так, семейство скончавшегося тульского купца С.И. Долгова, сдав свой основной дом в аренду, переехало во флигель⁴²¹.

Свою недвижимость в городе купцы старались располагать компактно, покупая смежные участки земли. Впоследствии образовавшиеся обширные имения делились между наследниками. Таким образом, близкие родственники часто оказывались соседями. Так, на Новопавшинской⁴²² улице в Туле жили известные тульские банкиры и фабриканты братья Сушкины – Иван Денисович и Кондратий Денисович; епифанский купец Д.Г. Брежнев жил напротив дома своего племянника – В.Н. Алексева⁴²³. Крупные предприниматели, числясь в купечестве уездного города, сами могли проживать в губернских центрах. Так, крапивенские купцы первой гильдии Астафьевы сдавали свой особняк в Крапивне под разме-

⁴¹⁷ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 12990.

⁴¹⁸ Тульские губернские ведомости. 1862. № 28.

⁴¹⁹ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2471. Л. 16.

⁴²⁰ Там же. Д. 3017. Л. 1.

⁴²¹ Там же. Т. 2. Д. 2447. Л. 199.

⁴²² Современная улица Коминтерна.

⁴²³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 2109. Л. 8.

щение уездного Дворянского собрания, сами жили в Туле на Киевской улице⁴²⁴ или в своем загородном имении в селе Чириково, где была налажена работа писчебумажных мануфактур.

В описях имущества и объявлениях о продаже с торгов, как правило, указывали точный размер усадеб и построек (длину и ширину). Были произведены подсчеты средней площади территории купеческой усадьбы на основе данных о 32 купеческих имениях за период с 1859 по 1901 гг. Имеющиеся материалы были разделены на две группы: в первую были включены размеры купеческих усадеб за период 1859–1878 гг. (17 усадеб), а во вторую – за период 1879–1901 гг. (15 усадеб). Результаты подсчетов позволяют утверждать, что с ходом времени средняя площадь приусадебных участков купцов Тульской губернии увеличивалась в размерах: если в 1860–1870-е гг. она составляла около 1630 м², то в 1880–1890-е гг. уже 2140 м².

Приусадебный участок помимо самого дома застраивался хозяйственными сооружениями: конюшней, амбарами, сараями, навесами, ледниками, хлебными магазинами, дровнями и др. На территории усадьбы зачастую располагались и постройки, имеющие промышленное или торговое назначение: лавки, палатки, солодовни, овины, пивоварни, маслобойни, кузни, мастерские, кожевенные и поташные заводы, самоварные фабрики. Перенос производства на территорию усадеб был обусловлен нехваткой места в лавочных рядах на торговых площадях⁴²⁵ и желанием сэкономить на аренде подобных лавок. Иногда кроме самого дома на участке имелся флигель или изба, которые сдавались в наем или использовались для размещения прислуги. Судя по описям имений купца И.Ф. Владимирова и купеческого брата А.В. Мозжечкова, такие жилые флигели имели собственные кухню, кладовую и ретираду. Флигель в усадьбе П.Е. Авчинникова также имел прачечную с чугунной печью.

---

⁴²⁴ Современный проспект Ленина.

⁴²⁵ Малеванов Н.А., Сафронов Е. Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – Тула: Пересвет, 2001. – С. 105.

Л.А. Лернер отмечает, что для купеческих усадеб Курской губернии была характерна свободная планировка зданий с несомкнутыми комплексами⁴²⁶, что было продиктовано правилами противопожарной безопасности. В Симбирске же в отдельных случаях купеческие усадьбы сохраняли связевое размещение хозяйственных построек, характерных для русского села⁴²⁷. Усадьбы купцов Тульской губернии также не были единообразны в этом отношении. При изучении планов купеческих усадеб можно встретить как примеры отдельно расположенных зданий (Приложение 2), так и участков, на которых все здания были выстроены вплотную друг к другу и располагаются по периметру усадьбы (Приложение 3). В описях купеческих имений также нередко встречаются упоминания о нескольких хозяйственных зданиях выстроенных «под одну связь». Застройка усадьбы зависела как от ее размеров, так и от количества расположенных на ее территории служб. При этом в целях противопожарной безопасности предпочтение все же отдавали расположению зданий на некотором расстоянии друг от друга. И.В. Маслова выделила такую особенность усадьбы представителей купеческой верхушки Вятской губернии, как фланкирование хозяйственными постройками купеческого дома наподобие флигелей дворянских усадеб⁴²⁸. Эта особенность была характерна и для некоторых усадеб купцов Тульской губернии, но в Тульской губернии встречалось и размещение купеческого дома в углу участка.

Большинство хозяйственных и промышленных построек были деревянными, но встречались среди них и каменные. Одним из признаков высокого достатка купеческой семьи было наличие на территории усадьбы собственной бани. Баня строилась, как правило, из дерева и располагалась обычно на удалении от жилого дома. Здание бани включало в себя горницу (с зеркалом в кафельной раме), предбанник и «теплую комнату». В последней размещались лавки или же «кафельные лежаночки с зеркалом», полки и особая «банная» печь со встроенными чугуны-

⁴²⁶ Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 2003. – С. 143.

⁴²⁷ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Ульяновск, 2005. – С. 101.

⁴²⁸ Маслова И.В. Культура повседневности уездного купечества в России в XIX – начале XX столетия: на материалах Вятской губернии // Вестник Томского Государственного университета. История. 2010. № 3 (11). – С. 16–25.

ми котлами для нагрева воды, также иногда снабженная зеркалом. К концу 1880-х встречаем в бане купеческой усадьбы железную ванну.

На территории усадьбы иногда разбивались плодовый сад и огород, отгороженные от двора забором или частоколом. Тульский купец Г.М. Власов имел на территории своей городской усадьбы палисадник, отделенный от двора деревянной решеткой с калиткой. Также в уездных купеческих усадьбах встречались «оранжерейные здания»⁴²⁹ и деревянные теплицы, а для охраны сада – караульная изба. Иногда большой сад становился источником дополнительных доходов, требуя, однако, и вложения определенных средств. И.И. Кобяков продавал привои яблонь и груш. Для ухода за большим садом был нанят садовник – в его обязанности наряду с поденной работой входила и обертка молодых деревьев на зиму соломой, а также их окапывание⁴³⁰. Вдова купца М.Н. Масленникова также продавала яблоки и ягоды из сада, наняв поденщика для его чистки⁴³¹. Большой сад мог быть превращен в городской центр досуга: богородицкий купец Ф.Ф. Синявин в своем саду, расположенном на берегу реки, разместил пятнадцать столов и скамеек, двенадцать табуреток, самовары и бильярд. Вечером сад освещали десять фонарей, а для прогулок по реке служили две лодки: деревянная и железная⁴³².

В усадьбах зажиточных купцов иногда встречались постройки досугового назначения – беседки. Окна в беседках были застеклены, а стены оклеивали шпалерами. У некоторых купцов на территории усадьбы располагался собственный колодец с дубовым срубом. Иногда на усадебном участке крепились шесты для вывешивания государственного флага по значимым датам (упоминание о флагах встречаем в описи имущества П.Я. Струкова, а в сарае М.Н. Соломенцевой хранилось «4 флаговых шеста»). Упоминаний о мощении части территории усадеб применительно к недвижимости тульского купечества не встречено, хотя такие

⁴²⁹ Тульские губернские ведомости. 1866. № 30.

⁴³⁰ ГАТО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 515. Л. 19, 39.

⁴³¹ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 4070. Л. 58.

⁴³² ГАТО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 475. Л. 27.

приемы благоустройства уже появились в других губернских центрах⁴³³. В качестве ограды усадьбы использовали деревянный забор. Однако в уездных городах в качестве ограды купеческих усадеб можно было встретить частокол, а участок Г.А. Украинцева в Епифани был огорожен с трех сторон плетнями с крытым соломой навесом.

Лавки купцы нередко размещали на нижнем этаже своего дома или в отдельном здании на территории усадьбы. Купеческая лавка, расположенная на территории купеческой усадьбы, обычно имела, как минимум, два входа – с улицы в лавку посетители попадали через одну или несколько створчатых дверей (растворов), а сам купец и его помощники пользовались дверью, которая вела во двор. Двери, деревянные или железные, обязательно имели металлические засовы. Засовами, а также железной решеткой, нередко были снабжены и окна лавки. Снаружи лавки могли иметь железные вывески. Существовали и другие способы привлечения покупателей: большие окна служили витринами, позволяя продемонстрировать товар, порой в весьма оригинальной форме. В окнах своей лавки тульский купец И.К. Платонов, торговавший рыбой, установил огромные аквариумы с живыми карпами⁴³⁴.

По своим размерам лавки различались: были и совсем небольшие (каменная лавка ефремовского купца Ф.И. Глаголева площадью около 9 м²)⁴³⁵ и занимающие целое двухэтажное здание (лавка купца А.П. Карсунского в 1901 имела общую площадь более 180 м²)⁴³⁶. Пол и потолки в лавках были из досок, стены штукатурили. В лавке купцы держали две-три иконы. Под прилавком, за которым стоял сам купец или его приказчик, располагались многочисленные ящики, один из которых был «денежным», для хранения выручки. Иногда помимо прилавков в лавке размещался письменный стол. В лавке устраивались деревянные закрома и полки (их число доходило до двух-трех десятков). Чтобы добраться до высоких полок использовали приставную лестницу. В некоторых лавках устанавливались

⁴³³ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 105.

⁴³⁴ Тареева М. След жизни купца Платонова // Молодой коммунар. – Тула, 2001. 8 февраля.

⁴³⁵ Тульские губернские ведомости. 1862. № 15.

⁴³⁶ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 8. Д. 21919. Л. 52.

также специальные «лавочные» шкафы с выдвигаемыми ящиками и застекленными полками. В купеческих лавках уездных городов до начала XX века встречались рундуки⁴³⁷. Для работы купцу и приказчикам необходимы были счеты, разнообразные весы с гирями, «аршин» для продажи тканей, упаковочный материал с ножницами, писчебумажные принадлежности (включая песочницу и чернильницы с чернилами разного цвета). Также в лавках находились и предметы мебели, предназначенные для удобства покупателей: табуреты, стулья, кресла или даже диваны. Купец П.Я. Струков держал в лавке свое клеймо и календарь, видимо, помогавший договариваться с клиентами о сроках погашения кредитов. В лавке у Струкова встречаем такой дорогой, но нужный в коммерции предмет как настенные часы. На стене в застеклённой раме купец держал также свое гильдейское свидетельство, патенты на продажу табачных изделий и квитанции об уплате необходимых налогов. Выставляя документы на видное место, предприниматель мог избежать лишних вопросов со стороны чиновников, контролирующих торговлю и заручиться доверием покупателей. В лавке М.Н. Соломенцевой, торговавшей ювелирными изделиями и предметами культа, висело зеркало в дорогой раме для примерки украшений, стены украшали две картины. Покупателей угощали чаем, папиросами и даже обедом (вероятно, последнее касалось лишь самых выгодных клиентов). Зеркало висело и в лавке Г.М. Власова, торговавшего тканями и предметами одежды.

При лавке могла находиться конторка, а также чердак, на который вела особая лестница. Для отопления в лавке или в конторке устанавливалась голландская или чугунная печь. Сдавая лавку в аренду другим предпринимателям, купцы требовали от арендаторов соблюдать в лавке чистоту, не допускать в нее людей «без письменных видов» и всеми мерами «оберегать от пожарного случая»⁴³⁸.

Купеческие дома могли быть как двухэтажными, так и одноэтажными. На протяжении всего изучаемого периода преобладали двухэтажные жилые постройки. Так, из 100 домов купцов Тульской губернии, упомянутых в объявлениях о

⁴³⁷ Рундук – большой ларь с поднимающейся крышкой.

⁴³⁸ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2447. Л. 112.

покупке/продаже, завещаниях, описях имений и прошениях о производстве перестроек в имениях только 23 были одноэтажными. В этом отношении Тула отличается от некоторых других губернских центров. Так, в Симбирске в 1860-е гг. преобладали одноэтажные дома⁴³⁹, что вероятно, свидетельствует о более низком уровне достатка местного купечества по сравнению с тульским. Одноэтажная постройка была неудобна для многочисленной семьи, кроме того ограничивала возможности коммерческого использования дома. Трехэтажный дом упомянут лишь однажды – им владел белевский купец М.П. Кочевский⁴⁴⁰. При этом некоторые дома имели мезонин, в котором размещалось от одной до пяти комнат. Общая площадь домов существенно разнилась – от 51 м² (одноэтажный дом тульского купца Н.П. Худякова) до 789 м² (двухэтажный дом тульского купца Е.А. Любимова). В среднем площадь купеческого дома демонстрировала тенденцию к существенному увеличению, составляя в среднем около 226 м² в 1858–1878 и 466 м² в 1880–1904 гг. (подсчитано на основе данных о размерах 32 купеческих домов).

Вплоть до конца изучаемого периода каменные дома в купеческом быту так и не вытеснили окончательно деревянные, хотя с 1880-х гг. все чаще упоминаются жилые постройки, имевшие каменный первый и деревянный второй этажи. Такие дома были характерны для зажиточных горожан как в Европейской части России⁴⁴¹, так и в Поволжье⁴⁴² и в Западной Сибири⁴⁴³. Деревянные дома снаружи обивали тесом и порой красили, каменные – штукатурили. Иногда деревянные дома частично отделывались кирпичом. Так, деревянный дом крапивенской купчихи Т.Ф. Миловидовой снаружи был обложен кирпичом, оштукатурен и окрашен красной краской⁴⁴⁴. Такая отделка дома могла быть произведена как из соображений противопожарной безопасности, так и престижа. На последнее указывают случаи частичной отделки зданий: лишь с фасада были кирпичными корпус одо-

⁴³⁹ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 80.

⁴⁴⁰ Тульские губернские ведомости. 1861. № 27.

⁴⁴¹ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1977. – С. 132.

⁴⁴² Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 78.

⁴⁴³ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 149.

⁴⁴⁴ Тульские губернские ведомости. 1863. № 4.

евского купца И.Я. Толстикова⁴⁴⁵ и фундамент флигеля белевского купца М.П. Кочевского. Практика отделки кирпичом деревянных купеческих домов (в том числе и только с фасада) была отмечена и в Симбирске⁴⁴⁶.

Крыши жилых построек были преимущественно железные. Деревянные, покрытые тесом крыши были признаком сравнительно невысокого достатка купеческого семейства и встречались редко (зафиксировано 5 случаев в период с 1860-х по первую половину 1890-х гг.) В сельской местности купеческие дома могли быть крыты и соломой, даже если сами при этом были построены из камня⁴⁴⁷. Крыши красили в целях борьбы с ржавчиной и из эстетических соображений. Крышу дома купца И.Г. Глаголева в 1871 г. окрашивали зеленой краской⁴⁴⁸. В этот же цвет красили крыши и симбирские купцы⁴⁴⁹. Окраска крыш зданий в определенный цвет была общепринята для городской застройки в целях придания единообразия облику города. Под купеческими домами часто были устроены подвалы с каменным сводом. Для надежности подвал имел как деревянную, так и железную двери.

Купеческий дом имел один или два входа: парадный с навесом и обычно так или иначе украшенный, а также черный, располагавшийся сбоку или позади здания. К черному входу пристраивалась простая деревянная лестница с крыльцом на столбах. Крыльцо иногда устраивалось двухэтажное. Как видно из описи 1864 г. имущества купеческого брата А.В. Мозжечкова в порожнем двухэтажном крыльце его дома на первом этаже размещались хозяйственные помещения (сени, ретирада, чулан), а на втором – галерея с окнами⁴⁵⁰. Если дом имел невысокий фундамент, перед обоими входами устраивали каменные приступки. Некоторые дома имели балконы, которые выходили как во двор, так и на лицевую сторону здания.

Внешний вид купеческих домов разнился: все зависело от достатка хозяина, его вкуса, а также желания перестраивать вновь приобретенный дом. Л.Н. Гали-

⁴⁴⁵ Там же. № 12.

⁴⁴⁶ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 79.

⁴⁴⁷ Тульские губернские ведомости. 1861. № 32.

⁴⁴⁸ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 3112. Л. 119.

⁴⁴⁹ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 80.

⁴⁵⁰ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2721. Л. 14.

мова справедливо указывает, что нередко купцами приобретались дома, возведенные для иных социальных групп, что усиливало разнообразие купеческого жилого фонда⁴⁵¹. Однако для всех представителей купечества было характерно, с одной стороны, желание по возможности подчеркнуть внешним обликом дома свой достаток, а с другой – защититься от возможных преступных посягательств на него. В своем романе «Провинция» Г.А. Хрущов-Сокольников так описывает внешний вид дома тульского купца К.Д. Сушкина⁴⁵² в 1861 г.: «Выкрашенный в желтую краску, с белыми отводами окон и карнизов, он смотрел дворцом среди окружавших его лачужек и деревянных домиков. Ставни первого этажа были железные, крыльцо на чугунных столбиках, заборы сплошь усажены гвоздями, а на синей дощечке у ворот было изображено «дом почетного гражданина Дементия Ивановича Кучкина»⁴⁵³. В Туле сохранились роскошные особняки богатейших купцов города. К их числу относятся возведенные в стиле классицизма и украшенные коринфскими колоннами дома городского головы Н.Н. Добрынина⁴⁵⁴, пряничного фабриканта М.Г. Белолипецкого (Приложение 4), оружейника Н.И. Гольтякова, братьев В.Т. и И.Т. Коробковых, и Н.Ф. Зонфтлебена. Не чужды были тульские купцы и веяний эклектики и даже модерна (Приложение 5). «Классическим купеческим домом» начала XX в. исследователи называют особняк купца В.А. Никонова (Приложение 6)⁴⁵⁵. Л.А. Анохина и М.Н. Шмелева в своем исследовании городского быта отмечают, что дома богатых торговцев Центральной Черноземной полосы России часто были «тяжеловесными и вычурными»⁴⁵⁶. Дом Никонова, украшенный вензелем хозяина в виде буквы «Н» на фронтоне, вполне укладывается в это описание. Дома богатейших представителей уездного купечества также были нарядно украшены, хотя и уступали по размерам особнякам верхушки тульских купцов (Приложение 7, фото 1). При этом в уездных городах со-

⁴⁵¹ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 73.

⁴⁵² В романе он фигурирует под именем «Дементия Ивановича Кучкина».

⁴⁵³ Хрущов-Сокольников Г.А. Провинция. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1888. – С. 68.

⁴⁵⁴ Считался самым богатым частным домовладением города.

⁴⁵⁵ Т.В. Майорова Тульские предприниматели в названиях городских объектов. [Электронный ресурс] // Тула ушедшего века URL: <http://www.tulainpast.ru/news/row1944/> (дата обращения: 25.08.2016).

⁴⁵⁶ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – С. 116.

хранились здания, принадлежавшие купцам среднего достатка, которые можно рассматривать как пример жилища основной массы провинциального купечества. Это сравнительно небольшие и простые дома, почти лишенные украшений (Приложение 7, фото 2), зато нередко имеющие деревянные пристройки.

Помимо построек в городе зажиточные купцы приобретали дачи в сельской местности. Так, купец 1884 г. И.Ф. Владимиров выстроил себе дачи в виде двух деревянных одноэтажных домов около станции Козловки Московско-Курской железной дороги.

4.2. Планировка и интерьер купеческого дома

Изнутри купеческий дом делился на комнаты перегородками. Особо ценились каменные внутренние стены, хотя в небогатых домах встречались и дощатые. В.А. Левшин отмечал, что к началу XIX в. купцы в основном строили дома, состоящие из двух половин, разделенных просторными сенями. Одна половина принадлежала хозяину дома, а в другой жили его дети и размещалась «черная изба» (кухня). Дома небогатых купцов и мещан также были разделены на две половины, но состояли всего из четырех помещений, одним из которых была кухня⁴⁵⁷. Исследователи рассматривают дома такого типа как традиционный тип городского жилища, являющийся производным от крестьянской избы-пятистенки⁴⁵⁸. Во второй половине XIX века четкое деление на две половины (хозяйственную и жилую) все еще прослеживается в одноэтажных купеческих домах. Иногда можно встретить двухчастную структуру и в двухэтажных особняках, но более распространены были дома, условно называемые исследователями «многокомнатными со сложной планировкой»⁴⁵⁹. Примером может служить дом тульского купца Н.А. Воронцова, перестраиваемый в 1896 г. (Приложение 8). Первый этаж занимали две лавки и еще одно помещение, по-видимому, хозяйственного назначения. На втором этаже сени и коридор делили этаж на две половины. В одной половине

⁴⁵⁷ Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Цит. по Малеванов Н.А., Сафронов Е. Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – С. 50–51.

⁴⁵⁸ Там же. – С. 145.

⁴⁵⁹ Там же. – С. 151.

кухня (в ней расположена русская печь) и не связанные между собой две небольшие комнаты, имеющие по одному окну. На другой половине – «хозяйской» – три более просторные и лучше освещенные комнаты, в две из которых можно попасть через общую гостиную.

Планировка перестраиваемых в 1860–1870-х гг. домов епифанского купца К.В. Оводова, а также тульского купца М.С. Абакумова (Приложение 9) указывает на стремление их хозяев создать анфиладу комнат по дворянской моде. Как отмечают исследователи, такая планировка встречалась у зажиточных купцов, подражавших образу жизни «благородных», в разных регионах России⁴⁶⁰. Среди купеческой верхушки уездных городов Тульской губернии создание трех анфиладных покоев, имеющих исключительно парадное назначение, встречалось уже со второй половины XVIII в.⁴⁶¹, но в пореформенный период стало уходить в прошлое. В доме тульского купца И.Е. Каменева, усадьба которого подверглась перестройке в 1871 г., имеет место уже круговое расположение комнат. «Круглый дом» являлся еще одним типом традиционного городского дома XIX века. Круговой должна была стать планировка и в особняке наследников купца М.Г. Белолипецкого, перестраиваемого в 1896 г. В доме тульского купца И.П. Криваногова (перестроен в 1871 г.) в две из трех комнат второго этажа попасть можно было только через коридор, и только третья комната являлась смежной с залом (Приложение 10). Таким образом, можно предположить, что к концу XIX века представители купечества, как в столице губернии, так и в уездах отказываются от анфиладной планировки комнат, переходя к обустройству не сообщающихся между собой жилых помещений, пройти в которые можно было только из коридора или из зала. Одной из основных причин этого была все более распространявшаяся среди городских жителей практика сдачи в наем части своей жилплощади. Также не изжила себя и «круговая» планировка, сохранявшаяся в некоторых купеческих домах с небольшим числом комнат.

⁴⁶⁰ Там же. – С. 150; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – С. 150.

⁴⁶¹ Пономарева В.М. Алексин. Страницы истории города и района. – Тула: Пересвет, 1998. – С. 39–40.

На нижних этажах двухэтажных домов располагались лавка и/или хозяйственные помещения: кухня, ретирада, кладовые. Также хозяйственные помещения могли располагаться в пристройках, в отдельных флигелях и в полуподвальном помещении. В частности, именно таким образом (вне основных помещений дома), как правило, размещалась кухня. Размещение кухни на втором этаже встречалось редко и только в том случае, если весь первый этаж занимали коммерческие помещения и дом не имел пристроек. Ретирада иногда устраивалась рядом с крыльцом или внутри порожного крыльца, наряду с чуланами. Жилые комнаты размещались на втором этаже, на который вела каменная или деревянная лестница. В жилой части дома выделялись такие помещения, как прихожая (также именовалась приемной или передней), «чистые комнаты»: зал, столовая, гостиная (в небольших домах совмещавшая в себе также функции столовой и зала), спальня хозяев и спальни остальных членов семейства. Иногда среди комнат упоминается и «кабинет» хозяина дома. В коридоре или сенях размещались чуланы. Описи купеческих домов других регионов фиксируют и другие типы жилых помещений, не выявленных в Тульской губернии («диванная», «буфетная», «девичья»)⁴⁶².

В домах представителей купечества уездных городов Тульской губернии в середине 1860-х гг. еще встречались элементы традиционного быта. Так, в городском доме епифанского купца Г.А. Украинцева в первой комнате находились коник и полати из досок⁴⁶³.

Для обогрева помещения в одной или нескольких комнатах находились печи: голландские «из поливных изразцов» в жилых помещениях и русские кирпичные с очагом и плитой в кухне. Согласно Л.А. Лернер, несколько голландских печей могли себе позволить лишь «наиболее солидные» представители курского купечества⁴⁶⁴. Однако в Туле, напротив, лишь немногие из изученных по описям домов не имели как минимум двух голландских печей (5 домов из 28). Для дымо-вых труб использовали железные колпаки.

⁴⁶² Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 84.

⁴⁶³ Тульские губернские ведомости. 1865. № 33.

⁴⁶⁴ Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. – С. 146.

Внутренние двери были деревянными: створчатые «столярной» и однопольные – как «столярной», так и «плотничьей» работы (последние вели в хозяйственные помещения). На некоторых дверях устанавливали замки в виде задвижек, защищая тем самым пространство частной жизни купца и членов его семейства. Пол в помещениях был, как правило, из крашеных досок, но в трех-четырех «лицевых» комнатах более зажиточных купцов устраивался паркетный пол. В кухне пол мог быть выложен каменными плитами. Потолки также чаще всего были деревянными, их красили, предварительно оклеив бумагой или оштукатурив (в хозяйственных помещениях). Каменные потолки хозяйственных помещений выстилали кирпичом и штукатурили. Стены в домах оклеивались шпалерами или обоями с вызолоченным бордюром, каменные стены также штукатурили и красили. В каменном двухэтажном доме купца П.Е. Авчинникова из восьми комнат оклеены шпалерами были только четыре. Таким образом, помещения для приема гостей отделялись значительно лучше остальных комнат, что неоднократно отмечали исследователи купеческого быта⁴⁶⁵. В 1880-е гг. в купеческих домах уже все стены (кроме хозяйственных помещений) были оклеены.

В описях имущества православных купеческих семейств в первую очередь перечислялись иконы (называемые «Божье Милосердие»). Часто среди икон встречались лики небесных покровителей самого купца или одного из его родителей. Вероятно, с этими иконами было получено родительское благословение, после чего они становились семейной реликвией и их передача по наследству в завещаниях оговаривалась особо. У каждого взрослого члена семьи было в личной собственности две-три иконы. Всего в семье имелось около десяти-одиннадцати икон, но у некоторых купцов их число доходило до восемнадцати-двадцати. Иконы держали не только в каждой жилой комнате, но и в кухне, создавая в помещениях традиционный «красный угол». Помещались иконы, как правило, в деревянные резные застекленные (иногда с вызолоченным отливом) киоты – простого или ценных пород дерева – в зависимости от достатка купеческого семейства. В наиболее зажиточных семьях образы были в дорогих окладах с серебряными ри-

---

⁴⁶⁵ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 85.

зами и вызолоченными венцами. Встречаются упоминания об иконах, имевших еще более пышное убранство: их ризы были украшены стразами, бусами с разными камнями и жемчугом. Киоты чаще всего были рассчитаны на одну икону. Но с конца 1880-х упоминаются киоты и с тремя-пятью иконами в угольнике. В это же время в киоты помимо икон стали помещать и другие предметы культа. Так, у купца П.Я. Струкова в пять киот вместе с иконами были помещены два медных креста, «картина на атласе» и разнообразные деревянные, медные и каменные «образочки». У М.Н. Соломенцевой с иконами в киотах соседствовали серебряный шейный крест, образочки и икона, «писаная на шелке». Перед иконами вешали серебряные, фарфоровые или хрустальные лампы на медных или серебряных цепочках.

Мебель в купеческом доме была из разных сортов древесины – по достатку купца: «простого дерева» и ценных пород. Зачастую предмет был не полностью сделан из дорогой древесины, а лишь «оклеен» ею или окрашен в соответствующий цвет (например, «под орех»). В доме купца П.Е. Авчинникова мебель, предназначенная для гостиной (столы и стулья, посудный шкаф), была оклеена красным деревом и карельской березой, а та, которая размещалась в спальне (гардеробы), была «простого дерева». Стулья встречались двух типов – полностью деревянные и с подушками из различного материала. В домах у купцов 1870-х гг. уже были модные венские стулья наряду с «прочими». К началу XX в. венские стулья все еще соседствовали с «ореховыми»: первые были более удобны, а вторые подчеркивали достаток купеческого семейства.

Такие предметы мебели, как диваны и кресла также встречались в нескольких вариантах. До середины 1880-х гг. наряду с мягкими диванами в купеческом обиходе упоминаются и «простые деревянные с ящиками». В твердую спинку диванов иногда было встроено зеркало. В семьях с разным уровнем доходов диваны и кресла могли быть как «простыми», с «клеенчатыми», обитыми фланелевой, бумажной тканями подушками или даже «необитыми», так и обитыми кожей, шелковой или шерстяной материей.

Для освещения помещений в 1860-е гг. использовали свечи в канделябрах и подсвечниках. Наиболее обеспеченные купцы могли позволить себе даже бронзовые люстры. У А.П. Карсунского их было две – большая (в 26 подсвечников) и маленькая (в 7 подсвечников). Для снятия нагара предназначались щипцы (одни на несколько помещений). Перемещаясь по дому поздним вечером и ночью могли использовать фонарь. В 1870-х гг. уже появляются керосиновые лампы. В первые десятилетия XX века спиртовые лампы соседствовали с бронзовыми стенными и настольными подсвечниками.

Самым распространённым украшением интерьеров купеческих домов были зеркала в деревянных или бронзовых рамах. В 1860–1870-е гг. зеркал в доме было одно-два и лишь в больших домах их число доходило до трех-четырех. Купцы, дела которых были далеки от процветания, сохраняли зеркало даже если оно имело трещины. К концу 1880-х гг. зеркала размещались уже в большинстве жилых помещений дома, а их общее число доходило до семи. Как правило, самые большие зеркала размещались в залах («зальные», «пятичетвертовые»), чуть меньшие (часто овальной формы) вешались над диваном в гостиной.

Своеобразную декоративную функцию выполняли застекленные буфеты и горки для посуды. С их помощью гостям демонстрировалось фамильное серебро, хрусталь и фарфоровые сервизы. Большинство купеческих семей имели несколько серебряных предметов посуды, иногда даже вызолоченных. В наиболее богатых семьях серебряными были не только столовые и чайные приборы, но и сахарницы, чайники, солонки, молочники, а также стаканы. Посеребренным мог быть даже самовар. В купеческих домах, где принимали много гостей, держали два или даже четыре самовара (столько самоваров, причем «разной величины», было у П.Е. Авчинникова). Богородицкий купец Ф.Ф. Синявин хранил самовар с надписью «Ф.А. Синявин», по-видимому, унаследованный им от отца.

Картины или не были в широком обиходе у купцов Тульской губернии, или не представляли в их глазах какой-либо ценности – в завещаниях и описях имущества они упоминаются редко. Сюжеты картин были достаточно типичны. В 1866 г. среди шести «бумажных» картин тульского купца Г.М. Власова было

изображение «на случай сошествия на престол государя императора Александра I»⁴⁶⁶ и «Портрет Московского Филарета». У купца И.П. Худякова на четырех картинах из девяти был изображен Петр I⁴⁶⁷. Н.В. Обнорская указывает, что в доме богатой ярославской купчихи висели портреты хозяев, Екатерины II и архиерея⁴⁶⁸. Видимо, портреты императоров, как правящих на момент создания картины, так и уже вошедших в историю, а также видных религиозных деятелей считались своего рода «бесприкрытым вариантом» среди купечества разных регионов. Л.Н. Галимова также отмечает, что в купеческих домах Симбирска встречались картины официозно-патриотической направленности, однако преобладали полотна с мифологическими сюжетами, натюрмортами, пейзажами и религиозные картины⁴⁶⁹. Религиозная живопись была популярна и в купеческой среде Тульской губернии. Так, картины в усадьбе тульского купца Г.М. Власова – «Тайная вечеря», «Вид Сергиевской Лавры», «Вид монастыря Саровской пустыни» и «Вид града Киева с южной стороны» указывают на религиозность хозяев и тесно с ней связанное эстетическое чувство. Купчиха М.Н. Соломенцева держала в доме «новые, духовные», бумажные и шелковые картины. Закономерным желанием успешного предпринимателя было иметь свой портрет, каковой встречаем в доме купца начала 1860-х гг. П.Е. Авчинникова. У умершего в 1900 г. купца А.П. Карсунского (он был женат на внучке П.Е. Авчинникова) имелось уже пятнадцать картин в доме, из которых шесть были семейными портретами. К началу XX века с картинами на стенах комнат в купеческих особняках соседствуют фотографии членов семьи.

Часть окон в доме имела плотные вышитые коленкоровые шторы, а часть (вероятно, в комнатах, рассчитанных на прием гостей) – легкие кисейные, отделанные кружевами, а некоторые зажиточные семейства использовали дорогие занавеси «драпри»⁴⁷⁰. Сами окна были отделаны подоконниками из ценных пород

⁴⁶⁶ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2870. Л. 9.

⁴⁶⁷ Там же. Д. 2625. Л. 11.

⁴⁶⁸ Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ярославль, 2000. – С. 202.

⁴⁶⁹ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 88.

⁴⁷⁰ Ткани, собранные в крупную складку. «Расцвет» драпри пришелся на XIX век, когда ими украшали оконные и дверные проемы в богатых домах.

дерева или оконными багетами. В хозяйственных помещениях шторы на окна не вешали. Двери также обрамляла драпировка – коленкоровая с бахромой и шнурами. В богатых домах в некоторых комнатах на пол (упоминаются в гостиной и части спален) стелили бархатные или шерстяные ковры. Держали и цветы в горшках: в десяти комнатах дома купца П.Я. Струкова размещалось «семнадцать банок разных комнатных цветов». У М.Н. Соломенцевой на девять комнат приходилось четырнадцать комнатных цветов и деревьев.

Дополнительную информацию о повседневной жизни представителей купечества содержат сведения о предметах в каждой из комнат купеческого особняка. Первой комнатой дома была приемная (передняя). В 1889 г. в доме тульской купчихи М.Н. Соломенцевой в передней были расположены зеркало и три простых стула. У крапивенского купца начала XX века М.И. Юдина в первой приемной были две вешалки, а во второй – еще одна вешалка, дубовый гардероб, в котором хранились костюмы и платья, а также книжный шкаф.

Местом приема пищи членами семьи, а также гостями, была столовая комната. В домах обеспеченных купцов могло быть два помещения, отвечающих этой функции. Обе комнаты могли называться одинаково – «столовая» (у М.Н. Соломенцевой), или же одна из них именовалась «приемной» (у М.И. Юдина). Одно из помещений явно было рассчитано на приемы гостей, а второе предполагалось исключительно для семейных встреч за столом. В такой комнате обстановка носила более простой и утилитарный характер. Каждая столовая имела обеденный стол, который был, как правило, раскладным. Раздвижные столы, присутствовавшие в купеческом обиходе на протяжении всей второй половины XIX в., позволяли экономить пространство в доме, особенно если в нем было небольшое количество комнат.

«Лицом» купеческого дома был зал, в котором принимали гостей и устраивали торжества. Для развлечения гостей в зале размещали ломберные столики, число которых колебалось от одного до трех штук. У купчихи М.Н. Соломенцевой, чья дочь училась музыке, в зале стояло пианино. В доме М.И. Юдина в зале, а также в большинстве остальных жилых комнат размещались плевательницы

вследствие пристрастия к жеванию табака самого купца и его знакомых. В зале дома Юдина располагался круглый венский стол («бальный»), выполнявший отчасти декоративные функции. Вдоль стен в залах обоих описываемых домах по традиции XIX века стояли дополнительные комплекты стульев. В итоге количество стульев в больших домах могло достигать до шести десятков.

Гостиная предназначалась для отдыха купеческого семейства. Здесь неизменно устанавливали диваны и кресла, а также размещали декоративные круглые столики и «преддиванный» столик. Декоративные столики покрывали вязаными салфетками. У купца М.И. Юдина в гостиной стояли этажерка с «разными безделушками», горка для посуды, а также трюмо-шифоньер с запасом материй. В комнате находились два «гостиных» стола на «тумбе», накрытые скатертью, на одном из них располагалась лампа. На полу был ковер, а на стене – фотография в рамке. Гостиная М.Н. Соломенцевой была украшена большим настенным зеркалом и многочисленными бронзовыми настенными канделябрами, а на столе стояла майоликовая лампа.

Обязательными элементами спальни хозяев дома были кровать, диван, кресла и комод. Комоды использовали для хранения как одежды, так и предметов обихода. Так, у купца П.Я. Струкова в комодке помимо предметов одежды оказались различные сломанные украшения из серебра и золота, бумага, жестяные и деревянные коробочки, пуговицы, а также то, что ведший опись чиновник оценил как «разный хлам»⁴⁷¹. Купеческие женщины помимо комодов нуждались в гардеробе для длинных платьев. Частым элементом убранства женских спален были трюмо или туалет с зеркалом. Другим вариантом такого рода мебели был подзеркальный стол с двумя ножками. Купеческая жена середины 1860-х гг. М.М. Тулякова имела «два стула на катках с пружинами, мягкие», которые, вероятно приставлялись к зеркальному туалету. Мужчины могли обходиться «маленьким туалетным зеркалом». Также в том или ином количестве в спальнях располагались декоративные столики на тумбах, часто «угольной» формы. Комоды и столики покрывали салфетками разного размера и цвета, и ставили вазы с цветами и без-

делушки. Еще одним украшением интерьера спальни хозяев дома иногда выступали небольшие часы.

Спальня К.А. Сушкиной, невестки одного из богатейших купцов Тулы, начала 1860-х гг. напоминала своим убранством интерьеры дворянских усадеб. В ней помимо туалетного столика, гардероба и комода, находились «две шифоньерки и одна этажерка со стеклами вверху»⁴⁷², кушетка и две уборных табуретки. К кровати орехового дерева с альковом, драпировкой и покрывалом, также украшенной двумя валиками, была приставлена скамеечка. Обивка мягкой мебели и покрывала были выполнены из одинаковой материи (золотого штофа). Напротив, в доме тульских купцов конца 1860-х братьев Вельтищевых, спальня сохранила элемент крестьянского быта: одна из кроватей имела занавес с традиционным русским украшением – «подзором»⁴⁷³. Вообще во многих купеческих домах убранство постели соответствовало единому эстетическому стандарту: наволоки были «белыми, кисейными, с оборками», а также «шитыми полубатистовыми», к ним также полагались коленкоровые или атласные розовые чехлы. Простыни также могли быть «шитыми» и кисейными, батистовыми и даже тюлевыми (в последнем случае, вероятно, имеется в виду накидка на постель). Шелковые, атласные и тканевые одеяла опять же имели оборки и при этом, как правило, были розового или белого цветов. Именно так выглядит постельное белье на знаменитом полотне Б.М. Кустодиева 1915 г. «Красавица», что свидетельствует о сохранении моды на вышеописанное убранство постели в городской среде до конца изучаемого периода.

В спальне купчихи М.Н. Соломенцевой не было кровати, зато в спальне ее замужней дочери односпальных кроватей было две: деревянная и железная. Можно предположить, что пожилая купчиха после отъезда дочери перешла спать в ее комнату, а свою превратила в еще одно помещение личного пользования. При этом женщина, так и не сумев приспособиться к железным кроватям, окончатель-

⁴⁷¹ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 3. Д. 5600. Л. 27.

⁴⁷² Там же. Т. 2. Д. 2385. Л. 7.

⁴⁷³ Декоративная деталь, украшающая постель в крестьянском жилище. Представляет собой полосу с вышивкой или кружевом.

но вытеснившим к 1880-м годам в купеческом быту деревянные, перенесла в спальню дочери привычную кровать. Часть спальни могла использоваться и для проведения досуга: на это указывает наличие в спальнях самой купчихи М.Н. Соломенцевой и некоторых ее детей ломберных столов со стульями. Спальня могла использоваться и в качестве кабинета: в одной из спален в доме М.И. Юдина помимо двух кроватей находились два стола – венский и дубовый, к каждому столу полагался один стул, а также в описи этого помещения значатся «письменный прибор и конторские принадлежности». В спальне самого М.И. Юдина и его жены стоял сейф («стальной ящик несгораемый»).

В купеческих домах могли быть и комнаты, специально предназначенные для маленьких детей. В таких помещениях размещалась особая, детская мебель: «детский комодик», «шкафчик», этажерка, детские сундучки. Пока ребенок был совсем маленьким, в комнате стояла качка, снабженная кисейным пологом.

В коридоре купеческие семьи располагали крупногабаритные предметы мебели, которым не хватило места в комнатах. Так, у М.Н. Соломенцевой в коридоре стоял гардероб, а у М.И. Юдина – книжные шкафы. В кладовых хранили одежду и белье в сундуках и гардеробах. Видимо, именно для кладовых были предназначены «неокрашенные, простого дерева» гардеробы в доме зажиточного тульского купца А.П. Карсунского. Живуча была традиция складывать в окованные железом сундуки и укладки приданое дочерей и сестер, сохранившаяся до середины XX века. Сундуки же использовались и для хранения ценностей: в них помещали запертые на ключ шкатулки с предметами из золота и серебра, а также с документами. В кладовых складывали и некоторые хозяйственные принадлежности – у М.И. Юдина в кладовой хранились два утюга – спиртовой и чугунный, а у М.Н. Соломенцевой – половая щетка.

В кухне стояли кухонный стол, посудные шкафы и скамейка. В отличие от буфетов и горок в кухонных шкафах держали обычные столовые приборы, банки варенья и бутылки с напитками. Судя по имеющимся описям имущества до конца XIX века, «умывальные шкафы» с рукомойниками, тазами и кувшинами располагались в кухне или в коридоре, и только к началу XX века стали частью интерьера

личных комнат и столовой. Над рукомойником вешали небольшое зеркало без рамы. Для подогрева воды использовали чугунные котлы, а для ее переноски к умывальнику – ведра. В конце XIX в. в Туле был построен водопровод, и представители тульского купечества проводят его в свои дома. В первые годы XX в. водопроводы стали прокладывать и в некоторых уездных городах.

В кухне держали медную и деревянную утварь. Сковороды упоминаются достаточно редко, что позволяет предположить, что жареная пища не была в ходу. Необходимыми в хозяйстве предметами были решето, кочерга и рогач. С конца 1880-х гг. встречаем в купеческом обиходе эмалированную кухонную посуду. В начале XX века на кухнях купцов фигурируют стеклянные банки, мясорубка и мороженица.

Сохранившиеся фотографии купеческих семейств Тульской губернии в интерьерах своих усадеб дают наглядное подтверждение вышеприведенных сведений, а также дополнительную информацию. Так, на первой фотографии (Приложение 11) семья епифанского купца И.К. Расторгуева запечатлена в гостиной, также видна часть другой комнаты, возможно, зала. Помимо уже отмеченных деталей: двухстворчатые двери с резной отделкой, расстановка вдоль стен дополнительных стульев, обитых кожей, покрытое вязаной салфеткой трюмо, использование керосиновой лампы наряду с подсвечниками, украшение стен картинами и фотографиями, мы видим отрывной календарь, дополнительно украшенный, вероятно, кем-то из членов семьи, а также книжную полку. На втором фото перед нами интерьер столовой епифанского купца Н.И. Расторгуева (Приложение 11). Здесь накрытый скатертью стол окружают венские стулья, в углу стоит застекленный буфет, на стенах развешаны пейзажи, под самым потолком висят часы, а в традиционном «красном углу» икона. У окна стоит комнатное растение на высокой подставке и умывальник. Обращают на себя внимание богато отделанный потолок комнаты, а также шторы на окне, напоминающие традиционный славянский рушник. В соседней комнате можно разглядеть диван с твердой спинкой.

Современник, описывая дом тульского купца К.И. Платонова начала XX века замечал: «Все было ново, блестяще, все было дорого, но безвкусно. Чересчур

уж по-мещански богато»⁴⁷⁴. Такое восприятие купеческого жилища было характерным для дворян еще середины XIX века, и имело под собой реальные основания: выше было показано стремление представителей тульского купечества оформить «парадные» помещения значительно лучше прочих, выставить на показ предметы роскоши. В то же время в интерьерах купеческих домов прослеживается и желание его обитателей создать уют, проявить свою индивидуальность, что отражалось в обстановке прежде всего таких помещений, как гостиная, кабинет и спальня. Практичность обитателей купеческих домов проявлялась в стремлении к рациональному использованию пространства: хранение части вещей в чуланах и сараях, выставление громоздкой мебели в коридор, использование складных столов и ширм.

4.3. Внешний вид представителей купечества

В рамках изучаемого периода можно проследить эволюцию внешнего вида представителей тульского купечества, в определенной степени отражающую изменение их мировоззрения. В научной литературе отмечается пристрастие купцов к традиционной русской верхней одежде, обязательно длиннополой⁴⁷⁵. Представители тульского купечества вплоть до конца 1880-х гг. в холодное время носили тулуп калмыцких овчин, покрытый сукном или драпом, как правило, черного цвета, хотя встречались и цветные – темно-зеленый и синий. Существовали варианты тулупов на волчьем меху (для небогатых купцов) и на лисьем или енотовом меху (для купеческой верхушки). Ю.М. Гончаров отмечает, что тулуп купцы надевали поверх шубы во время долгих зимних поездок⁴⁷⁶. О ношении на рубеже XVIII – XIX вв. горожанами тулука поверх шубы упоминает и В.А. Левшин⁴⁷⁷. Использование тулука в качестве дополнительного средства для поддержания тепла объясняет его наличие в гардеробах некоторых купцов в сочетании с дорогими шубами.

⁴⁷⁴ Бутович Я.И. Мои Полканы и Лебеди: воспоминания коннозаводчика. – Пермь: Тридцать три, 2003. – С. 206.

⁴⁷⁵ Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: 1996. – С. 195.; Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 37, 38.

⁴⁷⁶ Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX. – С. 40.

⁴⁷⁷ Цит. по: Малеванов Н.А., Сафонов Е.Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – С. 52.

Но у небогатого тульского купца А.Ф. Орлова тулуп был единственной зимней одеждой. Возможно, в некоторых случаях это было следствием не недостатка средств, а стремления избежать лишних трат, пустив капитал «в дело». Тульский купеческий брат А.Л. Гречихин заявлял: «...даже если жили мы иногда бедно, и я носил нагольный тулуп и посконное белье, ...но наружная бедность не есть доказательство отсутствия капитала, как и наружный блеск не есть доказательство присутствия капитала: может не быть капитала у тех, кто носит еноты и быть у тех, кто носит нагольные тулупы»⁴⁷⁸. К 1890-м гг. тулупы в купеческом обиходе окончательно вытесняются меховыми шубами, чему могло поспособствовать как развитие железнодорожного сообщения, ввиду которого стала отмирать практика долгих зимних поездок на санях, так и изменение эстетических представлений купеческих мужчин.

В описях имущества некоторых тульских купцов вплоть до конца 1880-х гг. также упоминаются суконные и драповые чуйки⁴⁷⁹, бекеши и поддевки⁴⁸⁰. У епифанского купца 1870-х гг. Е.П. Пономарева было целых шесть разных поддевок, что говорит о частом использовании им этой формы одежды. Поддевку видим на фотографиях пожилых купеческих мужчин в неформальной обстановке (Приложение 12). Тульский купец А.К. Карсунский, умерший в 1901 г., уже не имел шуб, зато в его гардеробе были теплое пальто и шинель на меху и с меховым же воротником. На сохранившихся фотографиях представителей купечества губернии в зимней одежде мужчины одеты в пальто или шинели (Приложение 13). В осенний и весенний сезоны на протяжении всего рассматриваемого периода носили их же, но с более тонкой подстежкой. Пальто могло быть и «холодное» («летнее», подбитое фланелью, с бархатным воротником).

Нижняя одежда купеческих мужчин до конца XIX в. была представлена сюртуками и брюками, которые также нередко были в двух вариантах «холодном» и «теплом». Сюртуки, рассчитанные на холодную погоду, имели подстежку

⁴⁷⁸ ГАТО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 137. Л. 98.

⁴⁷⁹ Суконный кафтан, длиной обычно до колен, без воротника и отворотов, с отделкой мехом по вырезу горловины и низу рукавов.

из ваты. Под сюртук надевали жилет по погоде и достатку: «бумажный», шелковый или атласный, суконный или шерстяной. В описи имущества умершего в 1888 г. П.Я. Струкова встречаются брюки и жилет из парусины, предназначенные для ношения летом. У купца А.А. Вельтищева один из двух сюртуков был «форменным, с шитым воротником». Очевидно, купец носил его при исполнении обязанностей на выборной должности. Исследователи отмечают, что провинциальное купечество зачастую носило такую форму сюртука как «сибирка»⁴⁸¹. В описях имущества этот вид одежды особо не выделялся, но на фотографиях мы можем видеть купеческих мужчин одетых в «сибирки» (Приложение 14). В первые годы XX в. представители тульского купечества носили и пиджачные пары (Приложение 15). Фрак, как парадную форму одежды, встречаем только в гардеробе тульских купцов Б.Н. Масленникова, выступавшего в Туле в качестве представителя страхового от огня общества «Саламандра» и И.Г. Глаголева, торговавшего предметами для рисования и косметикой. Между тем, Т.О. Волобуева отмечала, что «даже небогатый торговец модными товарами выглядел в большей степени по-европейски, чем более состоятельный бакалейщик»⁴⁸².

Рубашки могли быть нескольких типов: повседневные (холщевые, ситцевые) и «праздничные» (из шелка). Как еще одну характерную деталь купеческого костюма исследователи выделяют косоворотку, носимую навыпуск, в сочетании с заправленными в сапоги штанами⁴⁸³. Однако на «парадных» купеческих снимках мужчины в большинстве случаев одеты в рубашки со стоячим или отложным воротничком, дополненные галстуками или шейными платками. Исключение составляют лишь пожилые представители уездного купечества на фотографиях XIX века (Приложение 14, фото 2). Традиционные составляющие купеческого облика

⁴⁸⁰ Длинная (до или ниже колен) верхняя мужская одежда в талию, с застежками на левую сторону и небольшим стоячим воротником. Существовала как в летнем, так и в зимнем вариантах.

⁴⁸¹ Длиннопольный, двубортный из толстого сукна сюртук, отрезной по талии. Сибирка спереди напоминала сюртук, но застегивалась, как поддевка, наглухо, на левую сторону на крючках, а воротник имела отложной.

⁴⁸² Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2008. – С. 90.

⁴⁸³ Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX. – С. 39, 41, 42.; Ривош Я.Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. – М.: «Искусство», 1990. – С. 198–200.

оказались достаточно живучи в уездных городах. Так, богородицкий купец конца 1870-х гг. Ф.Ф. Синявин все еще носил бархатную свиту⁴⁸⁴.

Традиционной обувью купеческих мужчин, как уже отмечалось выше, служили сапоги (упоминаются такие их разновидности как «опойковые» и «выростковые») или полусапожки, дополняемые в сырую погоду калошами. В зимнее время на сапоги надевали «валяные калоши». Именно сапоги чаще всего фигурируют в описях одежды тульских купцов 1860–1880-х гг. Но опять же, купца в брюках, заправленных в высокие сапоги, редко можно встретить на студийных фотопортретах.

Головным убором, как правило, выступал суконные или трековые картузы («теплый» и «холодный») и фуражка. Зимой носили «шляпы пуховые» и шапки на меху. У купцов 1870-х гг. в гардеробе уже появляются каракулевые шапки типа «гоголь», мода на которые, позаимствованная у представителей городской интеллигенции, сохраняется до конца изучаемого периода (Приложение 13, фото 2). С 1880-х гг. в описях имущества отдельных представителей купечества упоминаются «касторовые шляпы».

Образ тульского купеческого мужчины будет неполным без упоминания о традиционных русских прическах «в кружок» или «в скобку», широко распространенных, по мнению исследователей вопроса, в купеческой среде⁴⁸⁵. Насколько можно судить по фотоматериалам XIX века, такие прически действительно были в широком ходу у тульского купечества вне зависимости от возраста. Что касается бород, то несмотря на распространенную трактовку ее ношения как признак патриархальной православной традиции, следует учитывать, что бороды в начале XX века носили и многие представители дворянства и интеллигенции. Только достаточно длинную, лопатовидную бороду можно однозначно трактовать как проявление традиции «воспроизводить на своем лице лик Христов». Такую бороду мы видим лишь на некоторых фотопортретах купцов (Приложение 14, фо-

⁴⁸⁴ Туникообразная одежда прямого покроя, расширявшаяся книзу за счет вшитых в бока клиньев, с длинными узкими рукавами.

⁴⁸⁵ Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX. – С. 34.; Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. – С. 154.

то 2; Приложение 16). В то же время стоит отметить, что представители тульского купечества совсем без бород на фотографиях встречаются еще реже (главным образом купеческая молодежь, хотя были и представители старшего поколения).

Исследователи отмечали вынужденное облачение купцов в одежду по европейской моде в «парадных» случаях и совсем иной их внешний облик в «естественной» обстановке⁴⁸⁶. В этой связи интересно сравнить между собой две фотографии крапивенского купца Д.Т. Белобородова (Приложение 17). На первой фотографии, которая может быть охарактеризована как «парадный портрет», внешний облик купца ничем не отличается от такового современных ему дворян и городской интеллигенции (одет в пиджак, жилет, рубашку со стоячим воротничком и галстуком). Однако запечатленный в семейном кругу в примерно те же годы купец одет уже в рубаху навыпуск и мешковатые штаны.

Две фотографии крапивенского купца П.А. Пряничкова позволяют увидеть, как менялся облик этого человека с ходом времени: на первом снимке (Приложение 18, фото 1) молодой купец позирует с женой, возможно вскоре после свадьбы. Купеческое происхождение в мужчине выдает ряд черт: разделенные на прямой пробор волосы, длиннополый сюртук. Однако в его облике есть приметы и европейской моды: ботинки вместо сапог, белая рубашка, шейный платок, отсутствие бороды. Супруги расположены в одной из традиционных для такого типа фотографий поз. На второй фотографии (Приложение 18, фото 2), сделанной много лет спустя, П.А. Пряничков предстает перед нами уже во вполне характерном облике «классического купца»: здесь и мешковатая одежда, и заправленные в сапоги штаны, и достаточно длинные, расчесанные на прямой пробор волосы в сочетании с бородой. Мужчина сидит в узнаваемой позе, сложив сжатые в кулаки руки на коленях, во многом повторяя позу отца семейства на полотне А.П. Рябушкина 1896 г. «Семья купца в XVII веке».

Частым спутником купца были карманные часы, изготовленные из золота или серебра. Мужчины носили с собой кожаное портмоне или бумажник. Туль-

---

⁴⁸⁶ Бойко В.П. Томское купечество в конце XVII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – С. 195.

ский купец И.Б. Каменев носил в одном кармане панталон металлические деньги в кошельке, а в другом – денежные купюры и облигации банков в бумажнике. В качестве мужских украшений упоминаются золотые кольца с гравировкой (вероятно, обручальные) и перстни. Иногда купцы носили перстень-печатку, на котором было выгравировано название их семейной фирмы. Упоминание об очках в купеческом доме или лавке встречаем редко, как редко встречаем их и на фотографиях тульских купцов. Однако тульский купец Б.Н. Масленников был владельцем сразу пяти очков, хранившихся в специальных очешниках. Этот же купец использовал при прогулках трость, а своих клиентов посещал с портфелем для бумаг. В описи имущества А.П. Карсунского в 1901 г. указано пенсне.

С конца 1870-х гг. появляются первые упоминания о курящих купцах. Среди вещей купеческих мужчин встречаем табакерки, пепельницы, папиросницы или портсигары. А.П. Карсунский курил сигары, которые хранил в серебряном ящике. Выше было отмечено, что купец М.И. Юдин, вследствие увлечения жеванием табака, имел плевательницы почти в каждой жилой комнате своего дома.

Можно констатировать, что до конца XIX века следование европейской городской моде в одежде и причёске еще было для ряда представителей купечества мерой, отчасти вынужденной деловыми соображениями, а отчасти продиктованной возрастными особенностями поведения молодежи (стремление следить за новыми веяниями и подчеркивать свое отличие от людей старшего поколения). Пожилые купцы до конца изучаемого периода могли сохранять в своем облике характерные признаки своей социальной группы. Вот как описывал одного из чернских купцов И.А. Соколова уроженец Черни писатель Г.А. Скребницкий: «Белые как снег волосы по старинке подстрижены в скобку, густо смазаны лампадным маслом. Белые усы, белая округлая борода. Одет во что-то чёрное, долгополое, наглухо застёгнутое до самого горла...»⁴⁸⁷. Между тем, младший брат купца Соколова, В.А. Соколов, также состоявший в купечестве Черни, выглядел уже совершенно иначе: «Василий Андреевич на купца ничуть не походил: стригся боб-

⁴⁸⁷ Скребницкий Г.А. «От первых проталин до первой грозы». – М.: «Детская литература», 1968. – С. 43–44.

риком, брил бороду, оставляя только усы. Одевался в пиджак, брюки навывпуск и штиблеты...»⁴⁸⁸.

Исследовательница ярославского купечества Н.В. Обнорская отметила, что женский костюм в купеческой среде быстрее эволюционировал в сторону европейского⁴⁸⁹. Костюм женщин тульского купечества также быстрее адаптировался под требования европейской моды, но в 1860–1870-е гг. еще нередко не поспевал за последними ее веяниями. Так, в этот период купеческие женщины носили салопы⁴⁹⁰, модные в начале XIX века, но с 1830-х гг. уже считавшиеся одеждой мещанских слоев. Салопы были как зимние – на лисьем, горностаевом меху или вате, крытые атласом, бархатом, шелком или сукном, имевшие меховой же воротник и иногда капюшон, так и «холодные» – на вате, крытые шелком или атласом. Даже верхняя одежда купеческих женщин была зачастую ярких цветов: «светлого гранатового», «темно-вишневого», зеленого, синего, хотя встречалась и черная. В одежду темных расцветок надевались пожилые купчихи.

К 1870-м гг. купеческие женщины в Туле уже не носили салопов, хотя у купчих уездных городов губернии они встречались вплоть до конца десятилетия. Примерно в это же время или даже чуть раньше салопы вышли из купеческой моды и в Симбирске⁴⁹¹. Салопы вытесняются шубами и теплыми пальто (Приложение 19). Воротник женской верхней одежды чаще всего был куньим, реже лисьим или соболиным, мужчины же носили бобровые воротники. Купеческая жена начала 1880-х гг. О.А. Старикова не имела шубы, зато была обладательницей двух ротонд⁴⁹². Богатые купеческие женщины грели руки в муфтах.

Осенью в качестве верхней женской одежды в 1860-х – начале 1870-х гг., как правило, выступал бурнус⁴⁹³. Бурнусы были драповые с бархатной отделкой, или полностью бархатные, утепленные ватой. Встречались и «летние» бурнусы – без утепления. Бурнусы иногда были украшены вышивкой, а также могли иметь

⁴⁸⁸ Там же. – С. 45.

⁴⁸⁹ Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв. – С. 213.

⁴⁹⁰ Верхняя женская одежда в виде длинной накидки с прорезями для рук или небольшими рукавами.

⁴⁹¹ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в. – С. 123.

⁴⁹² Широкая длинная, до щиколоток, верхняя женская одежда типа накидки со стоячим воротником, иногда теплая, на меху.

⁴⁹³ Женская одежда типа широкой накидки без рукавов, с капюшоном, отделанная тесьмой.

шелковую кисть сзади. К 1880-м гг. бурнусы сменяют пальто, рассчитанные на разные сезоны. Женские осенние пальто отделялись кружевом и перьями. Уже упомянутая О.А. Старикова была обладательницей модных (появились к концу XIX века) пальто типа «дипломат», на беличьем и лисьем меху⁴⁹⁴. Для выходов в свет представительницы купеческой верхушки надевали мантию: у К.А. Сушкиной была горностаевая «с мехом вверх, подложка на вате».

У нескольких купеческих женщин 1860-х гг. встречаем в гардеробе предмет русского национального костюма – кацавейки⁴⁹⁵ («зимние» – подбитые беличьим мехом или ватой, и «холодные» – шерстяные, отделанные горностаем по воротнику и подолу). Кацавейки могли одевать и как декоративный предмет одежды – М.М. Тулякова имела шелковую, без подстежки, кацавейку.

Характерными особенностями платьев купеческой женщины исследователи и современники называли такие черты, как «множество отделок, оборок, разноцветность; украшение жемчугом, золотыми и серебряными пуговицами, мехами»⁴⁹⁶; «парча в некоторой степени являлась исключительно сословной тканью»⁴⁹⁷. Действительно, изобилие оборок и прочей отделки встречаем на нарядах дочерей купца Прянчикова (Приложение 18), жены крапивенского купца А.Н. Сахарова (Приложение 20, фото 1). Однако, согласно описям имущества, шелковые, бархатные и кашемировые платья для женщин из рядовой купеческой семьи губернии оставались предметом роскоши: как правило, в их гардеробе таких платьев было 1–2 каждого вида или не было вовсе. Исключением были представительницы купеческой верхушки. Неоднократно упомянутая К.А. Сушкина имела 20 платьев, причем все из дорогих материй (антик-муар, глясе, канаус, кисея). Некоторые из платьев Сушкиной описываются как «с воланами и двумя талиями». В описи имущества А.Т. Вельтищевой 1867 г. значатся «16 шелковых платьев», «21 шерстяное платье» и «4 ситцевых платья». В летнее время молодые купеческие

⁴⁹⁴ Двубортное полуприлегающее пальто.

⁴⁹⁵ Род кофты до колен (или короче), с длинными рукавами и небольшим отложным воротником.

⁴⁹⁶ Боборыкин П.Д. Китай-город. – М.: «Московский рабочий», 1960. – С. 311.

⁴⁹⁷ Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Белгород, 2008. – С. 196–197.

женщины носили кисейные (чаще упоминались в 1860–1870-х гг.) и ситцевые платья. В холодное время года надевали шерстяные платья, а в торжественных случаях – шелковые и бархатные. Платья были преимущественно однотонными, сдержанной расцветки – черные, болотного цвета, зеленые, синие, серые, голубые. Но иногда встречаются упоминания о полосатых и клетчатых платьях, а также платьях «легкомысленных» расцветок: розовые, фисташковые, «розанами». В дополнение к платью купчихи 1860–1870-х гг. могли надевать шелковую, бархатную или шерстяную тальму⁴⁹⁸, уже упомянутую кацавейку, а также кофту (шелковую бархатную или полупрозрачную кисейную). Необходимым атрибутом хозяйки дома были фартуки, которые могли играть также и декоративную роль, т.к. были «шитыми». Купеческую жену в фартуке можно увидеть даже на парадном фотопортрете (Приложение 20, фото 2). К началу XX века в повседневном обиходе женщин «торгового сословия» платья сменяются белыми блузами с длинными юбками в соответствии с модой горожан этого периода⁴⁹⁹ (Приложение 21).

В качестве аксессуаров купчихи носили шейные платки, ковровые шали и накидки. Самые обеспеченные купеческие модницы имели бархатные манто, а также шерстяные, бархатные, шелковые, атласные мантильи с кружевами, рюшем или бахромой, обшитые кашемиром или плюшем. Более модными мантильи были в 1860-е гг. – у некоторых купчих число мантилий доходило до пяти, в то время как к 1880-м гг. купчихи имели уже не более одной мантильи, да и то порой «старой», или же не носили их совсем.

Как одну из отличительных черт облика женщины из купеческой семьи исследователи называют привычку носить на голове платок, гладко зачесывая волосы⁵⁰⁰. Действительно, в описях имущества купеческих женщин находим многочисленные разноцветные турецкие ковровые платки (а также вигоневые, байковые, кашемировые и вязаные), нередко отделанные кружевом и бахромой. Ношение платков и шалей осталось характерным для купеческих женщин до конца

⁴⁹⁸ Женская длинная накидка без рукавов, часто кружевная.

⁴⁹⁹ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – С. 179.

⁵⁰⁰ Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX. – С. 43.

изучаемого периода. Так, писатель В.И. Дмитриевский, описывал жену богатейшего чернского купца начала XX века И.А. Соколова в следующих словах: «Стала молоденькая учительница одной из самых важных персон уездного городишки, зашуршала плотными шелками, ослепляла пестротой кашемировых шалей и кружевной тонкостью оренбургских платков»⁵⁰¹. В обиходе были и косынки: кисейные шитые, кружевные, шелковые, тюлевые. Однако у части представительниц тульского купечества наряду с платками встречаем и такую деталь гардероба, как шляпки. Пожилая купчиха конца 1850-х гг. А.М. Авчинникова носила капор, а дома надевала тюлевые чепчики.

Дочери купчихи М.Н. Соломенцевой пользовались щипцами для завивки волос. На фотографиях мы можем увидеть купеческих жен, как с модными высокими прическами, так и с гладко зачесанными волосами (Приложение 22). Стоит отметить, что условно «современный» вид имеют, как правило, жены купцов, также одетых и причесанных по европейской моде и, наоборот, гладко зачесаны волосы у жен мужчин, носящих сапоги и прически «в скобку». Это подтверждает тезис исследователя костюма Т.О. Волобуевой: «женское платье среднего купеческого круга зависело полностью от вкусовых предпочтений мужа и окружающих»⁵⁰². Пожилых купеческих женщин на фотографиях можно увидеть почти исключительно с гладкой прической, но даже они уже не носили обязательного для замужней женщины в православной традиции платка. Некоторые купеческие жены и вдовы старшего поколения носили вместо платка на волосах заколку, прическа молодых купеческих жен уже не несет в себе никаких символов их замужнего статуса.

Дома богатые купчихи начала 1860–1870-х гг. носили капот⁵⁰³. Другим видом домашней одежды выступал, как и у купеческих мужчин, халат. Нижним бельем для женщин выступали сорочки: для возможности частой смены их стара-

⁵⁰¹ Цит. по: Н.Е. Зайцева. Купеческое сословие в Чернском уезде [Электронный ресурс] // Заря-Чернь. РФ. URL: <http://zarya-chern.ru/history/czerny/10584-kupecheskoe-soslovie-v-chernskom-uezde.html> (дата обращения: 25.08.2016).

⁵⁰² Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв. – С. 90.

⁵⁰³ Женская домашняя одежда свободного покроя, род халата.

лись иметь как можно больше (от пяти штук до двух-трех дюжин). В 1880-е гг. в гардеробе купеческих женщин появляется ситцевый пеньюар.

На ноги надевали в зависимости от сезона бумажные или шерстяные чулки (у одной женщины их могло быть от нескольких пар до нескольких дюжин). На светские мероприятия женщины обували туфли, на повседневную же носку были рассчитаны ботинки. В зимний период носили плюшевые полусапожки, отделанные мехом и «валяные туфли». Не пренебрегали женщины и калошами, как резиновыми, так и драповыми.

Представительниц купечества современники упрекали в чрезмерном увлечении драгоценностями, вызванном стремлением показать достаток своей семьи⁵⁰⁴, но в описях имущества купцов Тульской губернии количество ювелирных изделий сложно счесть избыточным. В среднем купеческие женщины имели от двух до шести пар сережек и колец. Украшения, правда, были преимущественно золотыми, отделанными эмалью или драгоценными камнями, хотя менее обеспеченные купеческие женщины могли носить и серебряные, а в редких случаях даже бронзовые или мельхиоровые ювелирные изделия. Реже встречаются упоминания о других украшениях: браслеты, кольцо, брошки. Богатые купеческие жены могли иметь бронзовые или даже золотые украшенные бриллиантами и жемчугом шпильки для волос. В начале XX века в купеческой среде появляются такие украшения, как медальоны на цепочке и золотые нарукавники. У большинства представительниц тульского купечества на протяжении всего изучаемого периода встречаем в описях имущества нитки бус из мелкого жемчуга (в один или несколько ярусов), о пристрастии купечества к которым также упоминают исследователи. Возможно, отзывы современников о чрезмерном стремлении купчих украсить себя связано с практикой одевать сразу несколько украшений, а также с размером драгоценных камней. Так, жену К.И. Платонова, по происхождению дво-

---

⁵⁰⁴ Авдеева-Полевая Е. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 8–9.

рянку, описывали так: «одевалась она ярко, сильно румянилась и также сильно подводила брови и губы, носила громадные шляпы и такие же бриллианты»⁵⁰⁵.

В 1870-е гг. у купеческих женщин вслед за мужчинами также появляется такой аксессуар как часы. Часы носили на золотой цепочке, к которой мог прилагаться брелок или брошка. Из купеческих жен более раннего времени часы встречаем только у представительницы одной из наиболее богатых семейств Тулы К.А. Сушкиной, имевшей в 1860 г. «часы золотые дамские с золотой цепочкой к ним». Возросший уровень образования купеческих женщин привел к появлению у некоторых немолодых купчих очков. Богатые представительницы купечества в качестве аксессуаров имели один-два веера, косвенно указывающих на светский образ жизни своих обладательниц. Другим женским аксессуаром выступал шелковый зонтик, который женщины могли использовать и как трость.

4.4. Образ жизни купеческой семьи

Информацию о рационе питания купеческой семьи можно почерпнуть, прежде всего, из списка закупаемых ею продуктов. Сохранились такие списки семей богородицкого купца О.Д. Алтмана (1896 г.), и тульского купца И.Н. Грязнова (1892 г.). Другим источником сведений могут в определенной мере служить данные об имеющейся в купеческих домах кухонной посуде. Так, сравнительно редко встречаются упоминания о кофейниках, что позволяет утверждать, что в отличие от чая, кофе в купеческой среде Тульской губернии недолюбливали. В конце 1890-х гг. семья купца О.Д. Алтмана покупала чай регулярно, а кофе лишь раз в год. Часто встречающиеся в описях имущества в составе чайной посуды фарфоровые молочники свидетельствуют о привычке некоторых купеческих семей пить чай с молоком. Также за завтраком молоко давали детям, заботясь об их здоровье. Для хранения чая использовали «чайницы» – из ценных пород дерева и хрустальные. Сахарные головы в некоторых купеческих домах дробили на кусочки с помощью специальных «сахарных машинок», после чего размельченный са-

---

⁵⁰⁵ Бутович Я.И. Мои Полканы и Лебеди: воспоминания коннозаводчика. – С. 207.

хар помещали в сахарницы, откуда брали во время чаепития щипцами. В семье М.Н. Соломенцевой чай пили с лимоном, ломтики которого брали с тарелки специальной вилочкой. Частые и обильные чаепития (по 6–8 чашек в день) были одной из особенностей питания в купеческой среде⁵⁰⁶. Варенье варили в медных тазах, хранили в стеклянных стаканах или банках с крышкой, к столу же подавали в глубоких блюдечках.

Насколько можно судить по списку покупок семьи О.Д. Алтмана предпочтение в ней отдавали мучным и мясным блюдам: регулярно приобретался белый хлеб, мясо, масло (топленое и коровье), мука, дрожжи и различные крупы. Реже покупалась рыба (главным образом сельдь и время от времени снетки), яйца и зелень. Закупки овощей и фруктов – свеклы, огурцов, яблок – были эпизодическими (видимо, они поставлялись преимущественно со своего огорода и сада). Аналогичным образом собственное хозяйство обеспечивало семью молочной продукцией. Раз в год покупались арбузы и сыр, зато регулярными были закупки картофеля. Семья часто покупала пряности (корицу, мак, перец), изюм и подсолнухи (видимо, ради семечек). К чаю приобретались недорогие сладости: сушки и конфеты (монпансье и мятные лепешки). Из алкогольной продукции семья, в состав которой входили взрослые сыновья, покупала первач, реже – коньяк, наливку и крымские вина. Семья тульского купца И.Н. Грязнова закупала разнообразную муку (ржаную, гороховую, картофельную) – очевидно, предпочитая печь хлеб и выпечку в собственном хозяйстве. В качестве закуски подавали швейцарский сыр, горошек, грибы и икру. Приобретались крупы (пшеничная, манная, овсяная), рис и горох, что указывает на частое употребление в пищу каш и супов, для подачи на стол последних предназначалась специальная бульонница. Картофеля среди покупок этого семейства не значится: возможно, он был запасен впрок (как было принято в городах региона ввиду нерегулярности его поставок)⁵⁰⁷ и дополнительных закупок не требовалось. В семье Грязновых готовили блюда из итальянских макарон, говядины и рыбы, в том числе и дорогих сортов (семга, голландская

⁵⁰⁶ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – С. 160.

сельдь, судак, севрюга и белуга). К чаю подавали разнообразные сладости: пряники вяземские и тульские, мед, шоколад, орехи в сахаре, изюм, чернослив, сушеные финики, тянучки, рахат-лукум, фундук, миндаль, грецкие орехи и конфеты. Такое разнообразие и обилие закупок десертов было обусловлено наличием в семье маленьких детей. Более часты и разнообразны были в семье Грязновых и закупки фруктов и ягод: крымские яблоки, апельсины и виноград. На приготовление домашнего кваса или пива указывают покупки солода. В остальном алкогольная продукция в этой семье была куплена лишь однажды для проведения поминок по умершему главе семейства. Не встречаем в списке покупок зажиточной тульской семьи и подсолнухов – возможно, в среде городской верхушки грызть семечки считалось зазорным.

Поскольку многие гильдейцы проводили лето на дачах, а некоторые из них постоянно проживали в сельской местности, наличие личного транспорта было призвано не просто подчеркнуть высокий статус, но и отвечало практическим нуждам купеческой семьи. В поездках купцы использовали городские сани зимой и пролетку с верхом или без верха летом. На зиму у семьи, как правило, имелись и еще одни сани – простые, часто обитые лубком. Хомуты и дуги также подразделялись на «городовые» и «простые». Реже встречаются упоминания об иных средствах передвижения: дрожках, тарантасах (в том числе даже «детских») и шарабанах. По-видимому, последний вид транспорта приобретали купцы, имевшие сравнительное большое число членов семьи и необходимость совместных поездок за город и обратно. Так, шарабан имелся и в хозяйстве М.А. Позднякова, отца семи малолетних детей и купца И.Н. Грязнова, отца четверых детей. По четыре–шесть лошадей и несколько видов городского транспорта встречаем в хозяйствах наиболее богатых купцов, имевших сравнительно многочисленные семьи: это позволяло домочадцам купца одновременно пользоваться личным транспортом для поездок. Так, детей купца П.П. Авчинникова возили в гимназию на лошади, «оберегая их здоровье, особенно в холодное время года, а осенью и весной также

---

⁵⁰⁷ Там же. – С. 157.

и от грязи»⁵⁰⁸. Наиболее богатые купцы, к числу которых относился купеческий племянник А.И. Трухин, для поездок использовали экипажи, запряженные четверкой породистых лошадей. Экипаж Трухина должны были сопровождать лакеи, одетые в особую «кучерскую одежду»: армяки с персидскими кушаками, перчатки, и шляпы. Также в хозяйстве Трухина значилась карета, шарабан, тарантас, двое саней городских и двое простых, а также такой вид транспорта, как «шарманка» и «полушарманка без верха»⁵⁰⁹. Возможно, опекуны А.И. Трухина, признанного умалишенным, действительно считали, что такое количество разнообразного транспорта необходимо их подопечному «по статусу». Но вероятно и то, что часть экипажей существовала лишь в отчетах, призванная оправдать траты опекунов. Среди имущества умершего в 1888 г. купца П.Я. Струкова хранились два дамских рожка⁵¹⁰, что позволяет предположить, что его жена или старшая дочь ездили верхом. В многодетной семье купца Ф.Ф. Синявина были как дамский, так и детский рожок.

Для хозяйственных целей служили телеги, «по купеческому выражению» называемые полоком (пологом)⁵¹¹. В усадьбе А.Ф. Орлова в 1870 г. телега была единственным транспортом. Воду зимой возили на дровнях с бочками, а в остальное время на специальной водовозке. Если своей водовозки не было – платили водовозу за ежемесячный привоз воды. Помимо лошадей (в большинстве случаев не более одной) в городском хозяйстве иногда держали одну–двух коров, телят, свиней, а также домашнюю птицу. В сельской местности лошадей и коров ожидаемо было больше (у каширского купца П.З. Челюскина было семь лошадей «разной масти и ценности» и две дойные коровы).

Обычно купец среднего достатка имел двух слуг (кухарку и горничную) в доме и одного дворника, не считая приходящих репетиторов для детей и приказчиков в лавке. Некоторые купцы могли позволить себе также кучера (или даже двух – старшего и младшего), камердинера и экономку или приказчика по дому,

⁵⁰⁸ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2471. Л. 207.

⁵⁰⁹ Там же. Д. 3912. Л. 619.

⁵¹⁰ Приспособление для верховой езды в дамском седле.

⁵¹¹ Там же. Т. 3. Д. 5140. Л. 11.

ночных сторожей и уже упомянутых лакеев. Для вызова прислуги использовали колокольчики. Одежду заказывали в лавках, в том числе и крупных городов – Тулы и Москвы. Некоторые детали гардероба приобретались на базарах. Для стирки обеспеченные семьи использовали услуги прачек.

Сведения о досуге представителей тульского купечества сравнительно скудны. Наличие практически в каждом купеческом доме ломберных столиков, причем подчас и в личных покоях как купцов, так и их жен, говорит о серьезном увлечении карточной игрой, которое было распространено и среди купечества в других регионах.⁵¹² Но помимо карт встречались в купеческой среде увлечения и другими азартными играми. Таковой, неожиданно для самих организаторов, была признана властями игра в лото, которую устроили при своей гостинице тульские купцы отец и сын Жуковы, активно в ней же участвуя⁵¹³. В гостинице Жуковых присутствовал и бильярдный стол. Епифанский купец Н.К. Оводов увлекался игрой в шашки, а его племянник, в юности занимавшийся этой игрой под руководством дяди, слыл одним из сильнейших шашистов России начала XX века⁵¹⁴. В комнате младшего сына купчихи М.Н. Соломенцевой, 16-летнего Константина, находился шахматный столик. Дети в семье К.В. Оводова летом играли в крокет. Конный спорт, хотя и считался прерогативой дворянства, но в купеческой среде проявляли к нему живейший интерес, а порой даже принимали в нем непосредственное участие. Представитель купеческой верхушки Тулы В.И. Ливенцев в 1896 г. выстроил у себя на территории усадьбы конный манеж⁵¹⁵. Основной массе купечества приходилось довольствоваться ролью зрителей. Так, тульский купец П.И. Козлов ездил на конские бега в Москву и играл в тотализатор⁵¹⁶. Для большинства же купечества традиционным развлечением были катанья на рысаках по городским улицам. Не были исключением и тульские купцы. По воспоминаниям

⁵¹² Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX. – С. 173–174.; Семенов В.Н., Семенов Н.Н. Саратов купеческий. – Саратов: Приволжское книжное изд-во. 2006. – С. 156–157.

⁵¹³ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2300. Л. 1–3

⁵¹⁴ Бодянский П. К портрету А.А. Оводова. // Журнал Шашки. 1899. № 19. – С. 396–399.

⁵¹⁵ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 17008.

⁵¹⁶ Майоров М.В. Последние кондитеры: Иван Скворцов и Петр Козлов // Тени старинного кладбища. Всехсвятский некрополь в Туле: краеведческий сборник / под ред. М.В. Майорова. – Тула: ООО «Борус-Принт», 2011. – С. 138.

современника, сын одного из богатейших купцов города К.И. Платонов в начале XX века имел очень хорошую пару вороных жеребцов и лучшего кучера в городе. Кучер, однако, катал в основном жену Платонова, поскольку сам купеческий сын лично правил небольшими санями, на которых ездил «очень резво», устраивая «прямо состязания», в которых ему не было равных⁵¹⁷. Сын другого тульского купца, одного из братьев Соборновых, за «чрезмерно быструю езду и неисполнение требований полиции» в 1910 г. был даже отправлен под арест⁵¹⁸. Двое тульских купцов – П.И. Козлов и А.В. Гудков входили в правление «Тульского общества правильной охоты»⁵¹⁹.

Устойчивым стереотипом является представление о купеческих мужчинах, как людях сильно пьющих. Безусловно, во многом он опирался на реальные факты. Р.Л. Гречихин укорял своего брата Афанасия в том, что тот бывает в лавке всего несколько часов в день, остальное время просиживая в трактирах. Епифанский купец Д.Г. Брежнев постоянно приходил домой пьяным. От пьянства умерли белевский купец С. Жиднов и епифанский А. Пучков. В лавке П.Я. Струкова при описи имущества обнаружили бутылку и рюмку. Ранее мы уже упоминали настойчивое требование «не пить» со стороны купеческой дочери М.Н. Пряничковой к своему будущему мужу, купеческому брату А.П. Оводову. Известная актриса Вера Пашенная вспоминала об Алексине накануне 1917 г. как о городе с «некультурными, вечно пьяными купчиками»⁵²⁰. Стоит уточнить, что в 1915 г. в Алексине жили всего двое взрослых купеческих мужчины. Возможно, актриса называет «купчиками» торгующих мещан или же отдыхающих на алексинских дачах представителей купечества Тулы. Пристрастие к алкоголю в купеческой среде формировала как традиция отмечать заключение важных сделок за столом, так и крайняя скудость видов досуга в провинции. В губернском городе возможностей для культурного досуга было куда больше, чем в уездах. Так, известный тульский врач В.И. Смидович в своем описании Тулы 1880 г. отмечал, что боль-

⁵¹⁷ Бутович Я.И. Мои Полканы и Лебеди: воспоминания коннозаводчика. – С. 206.

⁵¹⁸ Парамонова И.Ю. Тула. XX век: подробности. – Тула: «Дизайн-Коллегия», 2008. – С. 35.

⁵¹⁹ Памятная книжка Тульской губернии на 1916 г. – Тула: Тип. Губернского Правления. 1916. – С. 111.

⁵²⁰ Пашенная В. Искусство актрисы. – М.: Искусство, 1954. – С. 4, 268.

шая часть купечества посещает местных дворянский клуб, в котором организовывались самые разные формы проведения досуга. Здесь был кабинет для чтения с богатой библиотекой и лучшими периодическими изданиями, как отечественными, так и зарубежными. В клубе устраивались маскарады и балы, ужины и сеансы карточной игры⁵²¹. В.И. Смидович указывал, что для деловых людей клуб представлял собой прекрасную возможность «всегда встретить нужное лицо». К концу XIX в. даже в маленьком Алексине, где по-прежнему не было ни одного общественного увеселительного заведения⁵²², существовали библиотеки, периодически устраивались концерты и театральные вечера, на которые, по воспоминаниям современников, приходили и представители местного купечества⁵²³. В Ефремове в начале XX века дворяне и купцы поочередно приглашали друг друга на вечера в дворянский клуб⁵²⁴. В 1906 г. в Туле был открыт первый кинотеатр. Несколько лет спустя «синематографы» стали появляться и в уездных городах губернии (Белеве, Богородицке и Алексине). Для детей из обеспеченных семей в городах губернии устраивали рождественские елки (в Богородицке однажды она была организована в доме купца П.В. Полякова⁵²⁵).

Безусловно, досуг купеческой семьи зависел в первую очередь от индивидуальных предпочтений ее членов, отражавших их мировоззрение. Писатель Г.А. Скребицкий описывает образ жизни двух братьев, представителей чернской купеческой семьи Соколовых. Если старший брат, Иван Андреевич, ходил лишь «... из лавки в церковь, из церкви домой, и больше никуда», то его младший брат Василий Андреевич с женой жили «... как сами любили говорить, в собственное удовольствие. А удовольствие заключалось в том, что Василий Андреевич осенью и зимой охотился с гончими на зайцев, а остальное время проводил, сидя у окна, раскладывая пасьянс и разглядывая редких прохожих. Вечером он обычно отправлялся в клуб поиграть в карты «по маленькой», чтобы много не проиграть...

⁵²¹ В.И. Смидович Материалы для описания Тулы. Санитарный и экономический очерк. // Майоров М.В. История Тульского края в воспоминаниях и документах: редкие и недоступные тексты. Т. 1. – Тула: Левша, 2009.

⁵²² Общественный клуб с «буфетом и бильярдом» был открыт незадолго до начала Первой мировой войны.

⁵²³ Пономарева В.М. Алексин. Страницы истории города и района. – С. 84–86.

⁵²⁴ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – С. 262.

⁵²⁵ Богородицк. – Тула: Изд. дом «Пересвет», 2002. – С. 52.

Курил папиросы, в церковь ходил только раз в году. Да и компанию водил не с купечеством, а с местной интеллигенцией...»⁵²⁶.

Многие купчихи на досуге занимались рукоделием. Одоевская купчиха Т.А. Ананьина пряла суконную пряжу, из которой планировала вы ткать около 100 аршин ткани для продажи. Дочь М.Н. Соломенцевой хранила две коробки с лоскутками. К 1880-м гг. в обиход некоторых купеческих рукодельниц уже входят швейные машинки.

С последней четверти XIX в. в губернии стало обыкновением для зажиточных семей проводить лето на даче. Особенно популярными были дачи Алексинского уезда, славившегося своими хвойными лесами. Помимо выездов на дачу купеческие семьи совершали и более дальние поездки на отдых. Семья Оводовых ездила на Волгу и в Пятигорск. Дочери А.П. Карсунского совершали поездки в Крым и «различные места». Сохранение усадебной застройки городов позволяло купеческой семье проводить время на свежем воздухе в своем собственном дворе. Потомки тульских купцов вспоминают, что в начале XX века во многих усадьбах во внутренних дворах летом висели гамаки, а на круглых столах стояли самовары⁵²⁷. После обеда у зажиточных горожан, и особенно купцов, было принято гулять по центральной улице города, а теплыми вечерами городская верхушка собиралась на чинные прогулки в городском саду. Ефремовские старожилы вспоминали, что в начале XX века «торговые люди» устраивали шумные чаепития с самоваром в роще⁵²⁸.

Хотя среди тульских купцов встречались библиофилы (им был купец С.И. Титов), массовым явлением интерес к книгам в 1860–1880-е гг. еще не стал. Об этом можно судить по тому, что в описях имущества купцов 1860–1870-х гг. достаточно редко встречаются книги, а число их невелико. Так, среди имущества брата тульского купца Е.Л. Гречихина названы пять книг для чтения. Часто упо-

⁵²⁶ Скребицкий Г.А. «От первых проталин до первой грозы». – С. 43, 45.

⁵²⁷ Бритенкова Л.В. Баташев – «главный» (Н.И. Баташев) // Тени старинного кладбища. Всехсвятский некрополь в Туле. – Тула: ООО «Борус-Принт», 2011. – С. 216–222.

⁵²⁸ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – С. 271–273.

минаемый в описях способ хранения книг в сундуках и чемоданах указывает на то, что к ним обращались нечасто.

У крапивенского купца М.И. Юдина в начале XX века уже были книжные шкафы, в которых он хранил сельскохозяйственную энциклопедию, а также полное собрание сочинений русских и иностранных классиков. Б.Н. Масленников имел дома «исторические книги». Сын купца С.К. Оводова – Борис, по воспоминаниям родственников «целыми днями читал книжки». Очевидно, с ходом времени чтение книг входит в купеческий обиход, выполняя как функции духовного обогащения и развлечения, так и извлечения практической пользы, а также, возможно, и имиджевые. Помимо книг представители тульского купечества демонстрировали живую заинтересованность в событиях, происходящих вокруг них: М.Н. Соломенцева ежегодно платила «сторожам и городовым на покупку газет». П.К. Оводов знал три языка, а его семья выписывала много газет и журналов, чтобы быть в курсе «всех торговых дел в России и за границей».

В купеческих домах, как было отмечено выше, до последних десятилетий XIX в. не только отсутствовали книжные шкафы, но редко встречались и музыкальные инструменты, характерные для дворянских салонов. Одним из исключений следует признать дом купчихи А.Т. Вельтищевой. В 1867 г. у нее дома размещались два фортепиано и орган «о двух валах». К 1880-м гг. ситуация меняется: у купца П.Я. Струкова в доме был «небольшой органчик», а у купчихи М.Н. Соломенцевой стояло пианино черного дерева, принадлежавшее ее дочери Калисте. Держали дома рояль для занятий музыкой дочерей купцы А.П. Карсунский и В.К. Грязнова. Таким образом, толчком к изменению духовных запросов представителей купечества стало получение их детьми более глубокого образования.

Другим увлечением части купечества губернии был театр. А.П. Оводов отправился с молодой женой в свадебное путешествие в Москву, где молодые посетили спектакль МХТ. Посещали театры дети купца А.П. Карсунского. Богородицкие купцы Поповы в начале XX века слыли «большими почитателями сцениче-

ского искусства» и устраивали в своем доме спектакли с участием приезжих трупп и любительских актерских коллективов⁵²⁹.

Во многих увлечениях представителей купечества губернии можно отметить заинтересованность в технических новшествах, присущую успешным предпринимателям. П.Я. Струков разместил градусник не только у себя в лавке, но и в гостиной своего дома. П.К. Оводов во время заграничной поездки приобрел телескоп и метеостанцию для ведения наблюдений. В начале XX века в Туле распространяется новый вид городского транспорта – велосипеды. Среди велосипедистов Тулы представители купечества в 1903 и 1904 гг. (в основном сыновья и внуки тульских купцов) составляли, соответственно, 9 % и 8 %⁵³⁰. Фактически же доля купеческой молодежи среди велосипедистов была еще выше, т.к. те ее представители, которые проходили курс обучения в Тульских гимназиях и реальном училище, фиксировались именно в статусе учащихся, без указаний на купеческое происхождение. Единственной женщиной среди зарегистрированных тульских велосипедистов также была представительница купечества – епифанская купчиха А.И. Пономарева.

На протяжении изучаемого периода купечество Тульской губернии было достаточно разнородно как с точки зрения уровня материального достатка, так и духовных запросов. И.Г. Кусова указывала, что к середине XIX века быт купеческой верхушки был ориентирован на дворянские круги, в то время как рядовое купечество стояло на уровне мещан. К концу же века быт купеческих семей становится достаточно единообразен как ввиду переориентации этой социальной группы на стандарты образа жизни интеллигенции, так и освобождения купечества от малосостоятельных семей⁵³¹. В целом, указанная тенденция выявлена и среди тульского купечества, но с некоторыми оговорками. Несмотря на заметное возрастание среднего уровня достатка тульских купеческих семей к концу XIX – началу XX вв., существенные различия в бытовом отношении между семьями сохранялись, причем не только при сравнении купечества губернского города и уез-

⁵²⁹ Богородицк. – С. 53.

⁵³⁰ ГАТО. Ф. 174. Оп. 3. Д. 244а.

дов, но и в рамках одного города. Быт некоторых семей на протяжении изучаемого периода включал в себя традиционные крестьянские элементы (в одежде, причёске, обстановке помещений), особенно устойчивые среди людей старшего поколения в уездах. В то же время, отмечено стремление представителей этой социальной группы адаптироваться под эстетические и поведенческие эталоны образованных слоев города: интеллигенции и дворянства. Способом «самоидентификации и дистанцирования от других социальных групп» к концу изучаемого периода в большей мере служила демонстрация материального достатка, нежели подчеркивание своей национальной и религиозной принадлежности⁵³². Получение детьми из купеческих семей регулярного и все более глубокого образования, взаимодействие с представителями других социальных групп в государственных образовательных учреждениях, стали одним из факторов, способствовавших изменению быта представителей купечества не только на уровне внешних заимствований, но и как отражение перемен в мироощущении. Частная жизнь была той сферой, в которой ярко проявлялись и стремление сохранить свое религиозное и национальное своеобразие, верность традициям, унаследованным от старшего поколения, и естественным образом проникавшие в купеческую среду веяния моды, интерес и открытость ко всему новому.

---

⁵³¹ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – С. 117.

⁵³² Судакова О.Н. Сибирский портрет как художественный текст культуры повседневности купечества // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013/3 (35). – С. 85–90.

Заключение

Развитие капиталистических отношений в российском обществе вело к размыванию сословных границ. Культурный уровень, быт, дружеские и семейные связи все меньше определялись социальным происхождением и все больше богатством и личными качествами. Патриархальные семейные традиции уходили в прошлое. Проведенное исследование семьи и частной жизни купечества Тульской губернии конца 50-х гг. XIX – начала XX вв. позволяет сделать выводы о том, в какой мере их развитие соответствовало вышеназванным тенденциям в процессе модернизации.

В современной историографии нет единого мнения о том, можно ли считать купечество особым сословием⁵³³. На наш взгляд купечество являлось скорее привилегированной социальной группой в рамках городского сословия. Принадлежность к гильдиям не была пожизненной и не передавалась по наследству. Доступ к приобретению купеческого свидетельства был открыт почти всем желающим при наличии достаточных денежных средств. Такой подход правительства был, вероятно, обусловлен ориентацией купечества на торгово-промышленную деятельность в крупных масштабах. Социальные привилегии должна была получать любая семья, имевшая успешный бизнес с большими оборотами, что стимулировало развитие предпринимательства и упрощало для государства его налогообложение. В случае же прекращения торгового дела или существенного снижения его оборотов привилегии утрачивались, так как основная ценность купечества для государства заключалась в его финансовом благополучии, позволяющем выплачивать высокие налоги и делать различного рода взносы на благотворительность и городское благоустройство. На практике же в гильдии вступали отнюдь не только успешные предприниматели. Достаточно простой механизм доступа к привилегированному статусу открывал к нему дорогу и людям, не имевшим собственного дела вообще или ведшим его не в соответствующих их статусу разме-

---

⁵³³Так, как отдельное сословие трактует купечество А.С. Нифонтов, а Б.Н. Миронов - как одну из страт в городском сословии. Е.Н. Обнорская полагает, что купечество занимало промежуточное положение между сословием и стратой.

рах. Среди «неторгующего купечества» были небогатые семьи, чья основная цель при записи в гильдии состояла в уклонении от рекрутской повинности, хотя определенное значение имели и некоторые другие льготы. Также к числу «неторгующего купечества» можно отнести обеспеченные семьи городских обывателей, для которых купеческое звание было маркером принадлежности к верхушке общества. В рамках настоящего исследования выдвинута гипотеза, что временным членством в купечестве пользовались богатые невесты для повышения своего статуса в глазах жениха из дворян.

Изменения в законодательстве следует признать одним из важнейших факторов, повлиявшим на вступление в тульское купечество новых семей, принятие решения о сохранении членства в гильдии на следующий год или выбытии мещанство, т.е. определявшим численность и состав гильдий. Положение о пошлинах за право торговли 1863 г. диверсифицировало размер гильдейских платежей в зависимости от класса местности, сократив число купеческих гильдий до двух. В результате в одних уездах Тульской губернии (Черни и Новосиле) купеческие свидетельства стали стоить дешевле, нежели в других. Это имело первостепенное значение для малосостоятельных «неторгующих купцов», приведшее к их частичному перетеканию в купечество названных городов. Также были ужесточены правила приписки к капиталу родственников купца или купчихи, вынуждавшие семьи чаще производить разделы с родственниками.

В 1860–1880-е гг. шло постепенное повышение платежей с промысловых купеческих свидетельств. Параллельно происходила утрата купечеством большинства своих социальных привилегий вследствие либерализации пореформенного законодательства и ликвидации части архаичных институтов. Введение всеобщей воинской повинности вызвало мощный отток из купечества всех городов губернии. Предположительно, именно в середине 1870-х гг. купечество покидают сравнительно малообеспеченные тульские семьи, ранее с трудом изыскивавшие средства на гильдейские платежи.

Положение о государственном промысловом налоге от 1898 г. перевернуло схему налогообложения бизнеса. Объектом налогообложения вместо гильдейских

свидетельств, дававших право владеть промышленным или торговым заведением с определенным уровнем дохода, стали свидетельства на сами торговые и промышленные предприятия, разделенные на разряды в зависимости от оборотов. В свою очередь, свидетельства на торговые и промышленные предприятия высоких разрядов давали право на покупку гильдейского документа и сопряженных с ним социальных привилегий. Членство в гильдиях перестало быть обязательным для крупных предпринимателей. Вступление в действие Положения 1898 г. вызвало очередное существенное сокращение купечества губернии. Гильдии стали покидать семьи, для которых именованное «купеческие» с немногими все еще сопутствующими этому званию привилегиями не стоило запрашиваемых государством ежегодных платежей.

Также на динамику числа и пофамильного состава тульского купечества, особенно с точки зрения выделения специфики развития купечества в том или ином уезде, влияла группа факторов экономического характера. К их числу, применительно к Тульской губернии, следует отнести периоды роста и спада в экономике страны в целом, изменение цен на хлеб, прокладку железнодорожных путей и их маршруты, создание и крах кредитных организаций. Наиболее показательной в этом отношении является Тула, где динамика численности купечества, хотя и в уменьшенном масштабе, повторяла динамику численности купечества в крупных торгово-промышленных центрах страны. К концу изучаемого периода численность купечества губернского города стабилизировалась и даже демонстрировала некоторый рост, во многом обусловленный притоком в купечество этого города лиц еврейской национальности и длительным сохранением ими членства в гильдиях ввиду особой законодательной регламентации своего статуса. В уездах же помимо пиков сокращения числа гильдейских капиталов середины 1870-х и конца 1890-х гг., присутствовали отдельные разнонаправленные колебания показателей до конца XIX в. В целом прослеживается тенденция к сокращению количества купеческих семей, значительно ускорившаяся в начале XX века. К 1915 г. купечество в самых маленьких городах губернии было близко к полному исчезновению.

В отношении степени обновления состава гильдий также прослеживаются два пика: 1860-е гг., когда шел процесс высвобождения коммерческой инициативы крестьян и оружейников, и, в заметно меньшей степени, 1890-е гг., характеризующиеся экономическим подъемом в стране. Обновление купечества в уездных городах практически сходило на нет к концу изучаемого периода, но в Туле его темпы в начале XX века, напротив, ускоряются. Основной приток в купечество региона шел из мещанства, во вторую очередь – из купечества других городов, а для Тулы еще из оружейников и цеховых. Существенной доли выходцев из крестьян в купечестве губернии не выявлено.

Семьи, сохранявшие членство в гильдиях после 1898 г., являлись «купеческими» уже не только в профессиональном отношении, но и были носителями особого типа ментальности. Анализ показателей численности и состава тульского купечества на конец изучаемого периода позволяет предположить, что приверженность сословным ценностям демонстрировали скорее жители городов, причем более крупных, активно развивающихся в экономическом и социально-культурном отношении, чем сельской местности. С одной стороны, именно здесь концентрировались люди обеспеченные, которые могли себе позволить «купить» статус купца. С другой стороны, в крупных городах местная «деловая элита» была достаточно представительна, чтобы оказывать влияние на стереотипы поведения как своих членов, так и разбогатевших выходцев из других социальных слоев.

Средняя людность купеческой семьи Тульской губернии на протяжении изучаемого периода сокращается с 9,9 до 5,5 человек. Также растет удельный вес двухпоколенных и однопоколенных семей при сокращении доли семей, состоящих из трех и более поколений. Факторами, влиявшими на эти процессы, с высокой долей вероятности, были: ужесточение с 1864 г. правил причисления родственников к одному семейному капиталу; исчезновение после 1874 г. необходимости ради избавления от рекрутской повинности числить при капитале родственников, фактически не являвшихся участниками семейного дела; все более активное выбытие из купеческих семей взрослых сыновей, ориентированных на самостоятельную профессиональную деятельность. Отмечено, что на протяжении

практически всего изучаемого периода наименьшей была средняя людность купеческой семьи в губернском городе, что свидетельствует о более высоких темпах изживания в крупных городах патриархальных установок.

Под влиянием повышения самостоятельности младшего поколения в купеческих семьях и снижения в городской среде ценности «большой патриархальной семьи», шел процесс упрощения семейных структур. На протяжении изучаемого периода устойчиво возрастает доля «простых» типов семейной организации, в первую очередь нуклеарной семьи. Особенно резкое сокращение «сложных» типов семьи в период конца 60-х – конца 70-х гг. XIX века позволяет предположить, что часть «сложных» семейных структур в тульском купечестве более раннего периода была фиктивной: широкий круг родственников, фактически не являвшихся членами одного домохозяйства, заносился в купеческое свидетельство ради пользования сословными льготами. Из сложных семейных структур наибольшую устойчивость в купечестве региона демонстрировала расширенная семья, что было обусловлено включенностью будущего наследника в семейный бизнес в качестве приказчика.

Брачное поведение представителей купечества региона характеризуется постепенной эволюцией в сторону т.н. «европейской модели брачности» – относительно позднее вступление в брак, высокая доля лиц, остающихся вне брака на протяжении всей жизни. Более позднее вступление в брак мужчин могло быть обусловлено как стремлением прочно «встать на ноги» перед обзаведением семьей, требующей дополнительных средств на содержание, так и изменением ценностных ориентаций от установки на ранний брак под контролем родителей к стремлению добиться успеха в делах и сделать собственный выбор брачного партнера. Рост среднего возраста вступления в брак мужчин вел к его увеличению и у женщин. На брачное поведение женщин также влияли экономические (уверенность семьи в потенциальной возможности обеспечения приданого при нежелании немедленно извлекать деньги из оборота) и психологические (уважение к личности женщины, ориентация на стандарты поведения дворянства и интеллигенции) факторы.

Само по себе создание семьи и обзаведение детьми не утрачивало своей значимости в исследуемой среде. Об этом свидетельствует низкий для «европейской модели брачности» уровень окончательного безбрачия среди тульских купеческих мужчин (демонстрирующий, однако, тенденцию к росту), и минимально соответствующий таковому у женщин. Овдовев до достижения преклонных лет (для мужчин – до 50 лет и до 40 лет у женщин), представители купечества старались вступить в новый брак. Устойчивость семейных ценностей подпитывалась и соображениями экономического характера.

При выборе брачного партнера значительную роль играли репутация его и его семьи, социальный статус и имущественное положение. Тульские купеческие семьи предпочитали устраивать браки сыновей с купеческими же дочерьми, а также с представительницами семей оружейников. Браки купеческих мужчин с представительницами как вышестоящих (дворяне), так и нижестоящих (небогатые мещане, низшее духовенство) социальных групп зачастую были результатом их личного выбора. К концу изучаемого периода купеческие мужчины стали чаще заключать межсословные браки с дворянками и потомственными почетными гражданками. Это было отражением роста благосостояния семей, удержавшихся в купечестве, и социально-культурного сближения с «образованными классами». Тульские купеческие дочери чаще, нежели сыновья купцов заключали браки с представителями иных социальных групп, так как над их семьями довлело опасение что девушка «засидится в невестах».

В купеческих семьях Тульской губернии на протяжении всего изучаемого периода сохранялись традиции многодетности. В среднем каждая супружеская пара имела четырех детей. В своих детях представители купечества стремились воспитать такие качества, как послушание родительской воле, умение вести коммерческие дела, готовность оказать поддержку своим близким, бережливость, нравственность и религиозность.

Раннее приучение мальчиков торговле препятствовало получению ими достаточного образования. Однако во второй половине XIX века сроки начала «приучения сыновей торговле» отодвигаются, что способствовало получению ими бо-

лее основательного образования. Другим фактором было повышение в глазах купечества ценности образования. К этому вели как введенные государством образовательные льготы при прохождении воинской службы, так и ход экономического развития России, требующий от коммерсантов все более серьезной образовательной подготовки. В итоге в Тульской губернии на протяжении изучаемого периода происходит смена предпочитаемых купечеством форм образования для детей. Так, в конце 50–60-х гг. XIX в. большинство купеческих сыновей ограничивались недолгим посещением частных школ или индивидуальными занятиями с приходящим учителем из среды духовенства, а верхушка старалась устроить своих детей в государственные и частные средние учебные заведения в Туле или Москве. Однако к концу XIX века прослеживается тенденция к увеличению представительства купеческих сыновей в государственных средних школах, причем юноши стремятся закончить все семь классов и продолжить образование в ВУЗе.

Образованию дочерей в купеческих семьях Тульской губернии к началу изучаемого периода уделялось меньше внимания, поскольку девушек готовили исключительно к роли домохозяек. Тем не менее, даже в рамках этой социальной роли с течением времени возрастали требования к девушкам из купеческих семей. Не просто грамотность, но и умение музицировать, знание иностранных языков, что предполагало более серьезное и длительное обучение купеческих дочерей. К началу XX века растет заинтересованность девушек из купеческой среды региона к получению профессионального образования, что было отражением стремления купеческой молодежи к обретению экономической независимости и самостоятельному жизненному выбору.

Разный уровень достатка купеческих семей региона на начало изучаемого периода наглядно прослеживается при рассмотрении бытовой стороны жизни этой социальной группы: от «ветхих» одноэтажных деревянных домов с мебелью «простого» дерева до нескольких больших, богато декорированных двухэтажных особняков с дорогой обстановкой. К концу изучаемого периода различия в уровне бытовой благоустроенности купеческих семей региона несколько сглаживаются, но остаются весьма существенными.

Характерными чертами купеческого быта в Тульской губернии следует признать: частое размещение на территории усадьбы построек промышленного и торгового назначения, обустройство в некоторых лавках пространства для удобства покупателей; преимущественно двухэтажные жилые дома, чаще всего смешанного типа – каменный низ и деревянный верх. Дома основной массы купцов конца изучаемого периода имели деревянные пристройки, а дома купеческой верхушки могли быть полностью каменными и богато украшались. Планировка комнат постепенно усложнялась, происходил отказ как от анфилады парадных комнат, так и двухчастной структуры дома. В интерьере комнат купцы старались подчеркнуть достаток своего семейства, лучше всего отделявая комнаты для приема гостей. Наиболее богатое купечество региона в начале изучаемого периода пыталось копировать дворянский быт в интерьере своих домов, в то время как в обиходе рядовых представителей купечества встречались элементы крестьянского быта. К концу XIX – началу XX вв. купечество Тульской губернии в целом следовало сформировавшейся в городских слоях особой, городской бытовой культуре, в рамках которой гильдейцы выделялись лишь уровнем своего достатка и возросшим уровнем образования (что способствовало появлению в домах музыкальных инструментов и книжных шкафов).

В одежде купеческих мужчин Тульской губернии прослеживается постепенный отход от традиций русского костюма в пользу общеевропейской моды, которой следовали интеллигенция и дворяне. Однако консервативные элементы в облике все еще встречались среди пожилых представителей купечества, особенно в частной обстановке. Купеческие женщины быстрее переходили к европейскому костюму, но часть их также сохраняла в своем облике черты, выдававшие их социальную принадлежность.

Рацион купеческой семьи зависел от уровня достатка и половозрастного состава домохозяев. Общими чертами было пристрастие к чаепитиям со сладостями, обилие мучных блюд. Периодически закупались экзотические фрукты.

Среди увлечений, характерных для купечества, следует, прежде всего, назвать игру в карты, практикуемую практически в каждой семье губернии на

протяжении изучаемого периода. Распространенной формой досуга женщин было рукоделие, к которому их приучали с детства. Остальные виды досуга различались, детерминируемые как уровнем образования и степенью развития городской инфраструктуры развлечений, так и личными пристрастиями членов семьи. Поездки на отдых на дачу и в другие регионы страны, посещение местных и столичных театров, чтение, подвижные игры и прогулки к началу XX века стали частью повседневности тульской купеческой семьи.

Частная жизнь купечества Тульской губернии на протяжении изучаемого периода характеризовалась постепенным сглаживанием различий как внутри самой социальной группы, так и между ней и наиболее привилегированными слоями общества – дворянством и потомственными почетными гражданами. Общее направление развития этой сферы жизни купечества шло в сторону постепенного изживания многих патриархальных установок, но некоторые семейные и бытовые традиции сохраняются до конца изучаемого периода. Факторами, способствующими «модернизации» купечества была проводимая правительством социально-экономическая политика, ускорение и усложнение экономического развития страны, развитие городов и рост уровня образования купечества.

Сохранение традиций многодетной семьи в жизни купечества было обусловлено религиозным воспитанием и экономическими резонами. Возможно, свою роль играла и специфика купеческого статуса к началу XX века, уже непосредственно не связанного с правом на ведение крупного бизнеса и во многом являвшегося данью традициям и сословным устоям в обществе. Из года в год оставались в купечестве люди, для которых понятия «сословные привилегии» и «принадлежность к престижной группе» не были пустым звуком, люди, которые и в своей частной жизни не спешили полностью разрывать с исторически сложившимися практиками.

Список использованных источников и литературы

1. Источники

1.1. Архивные

Государственный архив Тульской области (ГАТО)

1. Ф. 3. (Тульская духовная консистория).
Оп. 6. Д. 1764.
Оп. 11. Д. 1451, 2109, 3194.
Оп. 12. Д. 1817, 1979, 2012, 2025, 2246, 2432.
Оп. 13. Д. 448, 1575.
Оп. 18. Д. 7509.
2. Ф. 7. (Дирекция училищ).
Оп. 1. Д. 458, 468, 469, 691.
3. Ф. 21. (Тульский окружной суд).
Оп. 1. Д. 2300.
Оп. 2 Д. 5554.
4. Ф. 50. (Тульская Ольгинская женская гимназия).
Оп.1. Д. 51, 304.
5. Ф. 52. (Тульский губернский статистический комитет).
Оп. 1. Д. 262.
6. Ф. 90. (Канцелярия Тульского губернатора).
Оп. 1. Т. 12. Д. 25707.
Оп. 1. Т. 32. Д. 25389.
Оп. 1. Т. 33. Д. 25775.
Оп. 1. Т. 37. Д. 29825.
7. Ф. 118. (Тульская казенная палата).
Оп. 1. Т. 7. Д. 11922, 11923.

Оп. 1. Т. 8. Д. 16805, 16818, 17355, 17808, 17931, 16805, 17355, 18414, 18417, 18418, 18419, 19420, 18591, 18593, 18596.

Оп. 1. Т. 9. Д. 19201, 193378, 20349, 20350, 20352, 20353, 20355, 20356, 20357, 20358, 20359, 20652, 20658.

Оп. 1. Т. 10. Д. 21391.

Оп. 1. Т. 14. Д. 26009, 26010, 26011, 26012, 26013, 26015, 26016, 26017, 26018, 26019, 26020.

Оп. 1. Т. 16. Д. 33243.

Оп. 1. Т. 18. Д. 41073.

8. Ф. 174. (Тульская городская управа).

Оп. 1. Т. 2. Д. 2831, 3373, 4055.

Оп. 1. Т. 4. Д. 6152, 8036.

Оп. 1. Т. 5. Д. 8836, 11162.

Оп. 1. Т. 7. Д. 17008, 19163.

Оп. 1. Т. 8. Д. 21919, 22214.

Оп. 1. Т. 9. Д. 23752, 23757.

Оп. 1. Т. 10. Д. 28970, 29882, 32778.

Оп. 3. Д. 244а.

9. Ф. 202. (Тульский городской сиротский суд).

Оп. 1. Т. 2. Д. 2385, 2447, 2452, 2460, 2462, 2469, 2471, 2625, 2687, 2721, 2771, 2831, 2869, 2870, 2913, 3017, 3027, 3108, 3311, 3112, 3657, 3912, 4070, 5008, 5600, 5602.

Оп. 1. Т. 3. Д. 2607, 4563, 4719, 4736, 4859, 5038, 5140, 5184, 5365, 5471, 5600, 5727, 5763, 5768, 6062, 6169.

Оп. 6. Д. 30.

10. Ф. 226. (Богородицкая городская управа).

Оп. 1. Д. 1496, 169, 475, 515, 1226, 2178.

11. Ф. 248. (Богородицкий городской сиротский суд).

Оп. 1. Д. 471, 475, 516, 555, 562, 591.

12. Ф. 253. (Тульское реальное училище).

- Оп. 1. Д. 20, 42, 149.
- Оп. 2. Д. 104, 119.
13. Ф. 303. (Первая Тульская женская гимназия).
Оп. 2. Д. 325, 582, 598, 13578, 2308а.
14. Ф. 317. (Чернская уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 18.
15. Ф. 339. (Одоевская уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 14.
16. Ф. 346. (Крапивенская уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 20.
17. Ф. 360. (Епифанская уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 10.
18. Ф. 368. (Ефремовская уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 38, 39.
19. Ф. 376. (Веневская уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 19.
20. Ф. 383. (Богородицкая уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 23.
21. Ф. 397. (Алексинская уездная временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи).
Оп. 1. Д. 13.
22. Ф. 404. (Тульская губернская временная ревизская комиссия 10-ой Всероссийской народной переписи).

- Оп. 1. Д. 35.
23. Ф. 464. (Тульский губернский прокурор).
Оп. 1. Д. 430, 829.
24. Ф. 518. (Тульская городская дума).
Оп. 1. Т. 2. Д. 2788.
Оп. 1. Т. 5. Д. 12055, 12408, 12720, 12755, 12990, 13521, 13529, 14184, 14212, 14250, 15451, 8638,
Оп. 1. Т. 6. Д. 39, 14162.
Оп. 1. Т. 7. Д. 16744.
Оп. 1. Т. 8. Д. 21919.
Оп. 6. Д. 448.
25. Ф. 819. (Тульская палата гражданского суда).
Оп. 1. Д. 571, 573, 574, 576, 580, 582, 583, 584, 585, 587, 588, 598, 590, 591, 596, 597, 598.
26. Ф. 842. (Тульский городской магистрат).
Оп. 1. Д. 137.
27. Ф. 1231. (Тульская палата уголовного и гражданского суда).
Оп. 1. Д. 9. 10.

Государственный архив Орловской области (БУОО ГАОО).

28. Ф. 760. (Новосильская временная ревизская комиссия 10-ой народной переписи). Оп. 1. Д. 645.

1.2. Опубликованные

29. Авдеева-Полевая Е. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 8–9.
30. Бутович Я.И. Мои Полканы и Лебеди: воспоминания коннозаводчика. – Пермь: Тридцать три, 2003. – 383 с.
31. Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1903 г. – Тула, 1904. – 220 с.
32. Добролюбов Н.А. Темное царство // Н.А. Добролюбов. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. – М.: Наука, 1970. – 616 с.

33. Пашенная В. Искусство актрисы. – М.: Искусство, 1954. – 268 с.
34. Пришвина В.Д. Путь к слову. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 262 с.
35. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – Москва: Мосты культуры, 1994. – 239 с.
36. Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. – М.: Тип. Грачева и комп., 1865. – 195 с.

1.3. Нормативно-правовые акты

37. Свод законов Российской империи. Т. V. Ч. II. Устав о пошлинах. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 483–487, 511, 517. – С. 102–108.
38. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I. Законы гражданские. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 3, 6. – С. 1–2.
39. Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. II. Устав Торговый. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 35–38, 54, 77–107, 247–249. – С. 9–47.
40. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Устав о паспортах и беглых. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 96, 97. – С. 19.
41. Свод законов Российской империи. Т. XV. Ч. I. Законы уголовные. Уложение о наказаниях. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Ст. 2135. – С. 542.
42. Продолжение Свода законов Российской империи, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 г. Ч. II. Статьи к части V. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. – Ст. 28, 29. – С. 75, 85–87.
43. Продолжение Свода законов Российской империи, изданного в 1857 году. С 1 января 1864 г. по 31 декабря 1867 г. Ч. I. Статьи к части V. Положение о по-

шлинах. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – Ст. 78. – С. 71.

44. Свод законов Российской империи. Т. V. Положение о государственном промысловом налоге. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Ст. 366, 368, 409. – С. 44, 52, 114–116.
45. Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Ст. 532, 533, 535. – С. 65–66.
46. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Устав о паспортах. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Ст. 38, 39, 42, 44–46, 64. – С. 7–8.
47. Полное собрание законов Российской империи. Собрание – II. Т. XXXIV. № 34248. – С. 206–207.
48. Полное собрание законов Российской империи. Собрание – II. Т. XLII. Ч.1. № 44745. – С. 997–1003.
49. Полное собрание законов Российской империи. Собрание – III. Т. XIX. № 16384. – С. 43.

1.4. Произведения художественной литературы

50. Боборыкин П.Д. Китай-город. – М.: Московский рабочий, 1960. – 452 с.
51. Дмитриевский В.И. Ветер в старых липах. – Л.: Советский писатель, 1975. – 264 с.
52. Скребицкий Г.А. От первых проталин до первой грозы. – М.: Детская литература, 1968. – 352 с.
53. Хрущов-Сокольников Г.А. Провинция. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1888. – 300 с.

1.5. Периодические издания

54. Тульские губернские ведомости. – 1861. № 27.
55. Тульские губернские ведомости. – 1861. № 32.
56. Тульские губернские ведомости. – 1862. № 2, 8.
57. Тульские губернские ведомости. – 1862. № 15.
58. Тульские губернские ведомости. – 1863. № 12.

59. Тульские губернские ведомости. – 1863. № 4.
60. Тульские губернские ведомости. – 1865. № 33.
61. Тульские губернские ведомости. – 1866. № 30.

1.6. Статистические и справочные источники

62. Дружинин А.Г. Начальное образование в Тульской губернии с 1800 по 1900 г. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1901.
63. Линк И.В. Города Тульской губернии. Историко-статистический взгляд на города Тульской губернии // Материалы для статистики Российской империи. Кн. 2. – СПб., 1837–1840.
64. Начальное народное образование в Тульской губернии в 1896/97 учебном году. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1898.
65. Обзор Тульской губернии за 1878 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1879.
66. Обзор Тульской губернии за 1908 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1910.
67. Обзор Тульской губернии за 1914 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1916.
68. Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1908/1909 учебный год. – Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1909.
69. Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1909/1910 учебный год. – Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1910.
70. Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1910/1911 учебный год. – Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1911.
71. Отчет о состоянии Тульского реального училища за первое XXV-летие его существования 1875–1900 гг. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1900.
72. Отчет Тульского коммерческого училища за 1901/1902 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1902.
73. Отчет Тульского коммерческого училища за 1902/03 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1903.

74. Отчет Тульского коммерческого училища за 1906/07 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1908.
75. Отчет Тульского коммерческого училища за 1907/08 и 1908/09 учебные годы. Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1910.
76. Отчет Тульского коммерческого училища за 1909/1910 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1911.
77. Отчет Тульского коммерческого училища за 1911/12 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1913.
78. Отчет Тульского коммерческого училища за 1912/13 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1914.
79. Отчет Тульского коммерческого училища за 1913/14 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1915.
80. Отчет Тульского коммерческого училища за 1914/15 учебный год. – Тула: Тип. И.Д. Фортунатова, 1916.
81. Памятная книжка Тульской губернии на 1864 г., – Тула: Тульская губернская типография, 1864.
82. Памятная книжка Тульской губернии на 1888 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1888.
83. Памятная книжка Тульской губернии за 1891 г. – Тула: Тип. Губернского правления, 1891.
84. Памятная книжка Тульской губернии на 1895 г. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1895.
85. Памятная книжка Тульской губернии на 1896 г., – Тула: Тип. Губернского Правления, 1896.
86. Памятная книжка Тульской губернии на 1916 г. – Тула: Тип. Губернского Правления. 1916.
87. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XLIV. Тульская губерния. – СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904.

88. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 2. Среднерусская Черноземная область / под ред. В.П. Семенова. – СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1902. 756 с.

89. Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. – СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1888.

2. Литература

2.1. Монографии

1. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

2. Атласов А.М. Венев. Историко-экономический очерк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1959. – 126 с.

3. Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. – Тула: Приокское кн. изд-во, 2002. – 265 с.

4. Ашурков В.Н. Страницы тульской старины: очерки по истории Тулы, 1146–1917 гг. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1988. – 158 с.

5. Барышников М.Н. История делового мира России: Пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект-Пресс, 1994. – 222 с.

6. Баяндина Н.П. Пермь купеческая. – Пермь: Пушка, 2002. – 160 с.

7. Белоусов А.А. На алтарь Отечества: Из истории меценатства и благотворительности в России. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 86 с.

8. Беляев И.С. Купеческие родословные как исторический источник. Чухломцы посадские люди Юдины. – М.: Типо-Литограф. Н.И. Куманина, 1900. – 44 с.

9. Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. – М.: Книга, 1922. – 308 с.

10. Благовещенский И.А. Мануфактур-советник московский купец Т.В. Прохоров. – М.: Тип. В. Готье, 1860. – 64 с.

11. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 248 с.

12. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. – М.: МГУ, 1967. – 296 с.

13. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: Водолей, 1996. – 320 с.
14. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
15. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России конца XIX века–1914 г. – М.: Наука, 1992. – 262 с.
16. Бочагов А.Д. Наша торговля и промышленность в старину и ныне. – СПб.: Тип. «Петербургской газеты», 1891. – 199 с.
17. Бусленко Н.И. Ростовское купечество. Историко-экономические очерки в документах, фактах, цифрах, с авторскими комментариями и художественно-публицистическими отступлениями. – Р/Д.: АО "Цв. печать", 1994. – 151 с.
18. Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности: Курс коммерч. уч-щ. – М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1910. – 120 с.
19. Вольтке Г.С. Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 25 с.
20. Гавлин М.П. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. – М.: Терра, 1996. – 319 с.
21. Гавлин М.П. Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. Научно-аналитический обзор. – М.: АН СССР, Ин-т науч. информации по общественным наукам, 1991. – 63 с.
22. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. – М.: Ось-89, 1997. – 160 с.
23. Гензель П.П. Промысловое обложение в России (опыт критического исследования). – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. – 88 с.
24. Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. I–XV. – М.: В типографии Николая Степанова, 1837–1841.
25. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – 240 с.

26. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 132 с.
27. Дитягин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 2. – СПб.: Тип. П.П. Меркульева, Г.В. Фальк, 1875. – 512 с.
28. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 238 с.
29. Думова Н.Г. Московские меценаты. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 338 с.
30. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1980. – 148 с.
31. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – 148 с.
32. Зеленецкий А.Г. Город Чернь и его уезд... – Тула: Астея Плюс, 2007. – 178 с.
33. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII–XX вв.). – М.: Владос, 1997. – 302 с.
34. Иловайский С.И. Учебник финансового права. – Одесса: Типо-хромолитография А. Ф. Соколовского, 1904. – 379 с.
35. Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. – М.: Изд-во книжного магазина Вестник мануфактурной промышленности, 1915. – 660 с.
36. История Московского Купеческого общества: 1863–1913 / под ред. В.Н. Сторожева. Т. I–V. – М.: Моск. гор. тип., 1913–1916.
37. Калинин В.Д. Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских. (Научно-аналитический обзор).– М.: ИЭ, 1993. – 142 с.
38. Кизеветтер А.А. Гильдия Московского купечества: исторический очерк. – М.: Моск. гор. тип., 1915. – 216 с.
39. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв.: Опыт энциклопедии. – М., Большая Российская энциклопедия, 1995. – 384 с.

40. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. – М.: Археографический центр, 1999. – 384 с.
41. Краснопевцев И.А. Очерки города Одоева. – Тула: Тип. Губернского Правления, 1896. – 100 с.
42. Кромм М.М. Историческая антропология: учебное пособие. – СПб., М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 207 с.
43. Кусакин С.В. Храмы Куликова поля. Книга первая: Епифань, Монастырщина, Красный холм, Себино. – Тула: Астра, 2010. – 135 с.
44. Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – Рязань: Март, 1996. – 157 с.
45. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). – М.: Мысль, 1974. – 281 с.
46. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70 гг. XIX в. – М.: Соцэкпиз, 1958. – 510 с.
47. Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. – Тула: Пересвет, 2006. – 391 с.
48. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1952. – 656 с.
49. Малеванов Н.А. Ефремов. Историко-экономический очерк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1958. – 123 с.
50. Малеванов Н.А., Ефимов А. Алексин. Историко-экономический очерк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1960. – 158 с.
51. Малеванов Н.А., Сафронов Е. Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – Тула: Пересвет, 2001. – 207 с.
52. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.
53. Никулин Н.Н. Богородицк. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1956. – 62 с.
54. Новиков В.А. Чернь. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1958. – 78 с.
55. Ошевский С.Д. Венев: история и современность. – Тула: Пересвет, 2006. – 256 с.

56. Парамонова И.Ю. Тула. XX век: подробности. – Тула: Дизайн-Коллегия, 2008. – 255 с.
57. Перхавко В.Б. История русского купечества. – М.: Вече, 2008. – 512 с.
58. Петербургское купечество в XIX в. / Сост. А.М. Конечный. – СПб.: Гиперион, 2003. – 352 с.
59. Пономарева В.М. Алексин. Страницы истории города и района. – Тула: Пересвет, 1998. – 207 с.
60. Похвиснев Д.В. Веневский уезд в географическом, земледельческом и вообще промышленном отношении. – М.: Унив. тип., 1852. – 42 с.
61. Предпринимательство и меценатство во Владимирском крае с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. / ред. В.В. Гуляевой. – Владимир: Владимирский гос. ун-т, 1998. – 203 с.
62. Предпринимательство и предприниматели в России от истоков до начала XX века. – М.: Рос. полит академия, 1997. – 344 с.
63. Приселков М.Д. Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. (Первая отечественная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции»). – Л.: Тип. им. И. Федорова, 1925. – 47 с.
64. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. – 330 с.
65. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1975. – 357 с.
66. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. – М.: Наука, 1988. – 312 с.
67. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. – 658 с.
68. Рассаднев С.А. Прогулки по улицам Тулы. – Тула: Пересвет, 2003. – 150 с.
69. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913 гг.): Статистические очерки. – М.: Государственное статистическое изд-во, 1956. – 352 с.

70. Ривош Я.Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. – М.: Искусство, 1990. – 304 с.
71. Сахаров И.П. Алексин и Алексинский уезд в первой половине XIX века. – Тула: Ясная Поляна, 2005. – 126 с.
72. Свердлова Л.М. Купечество Казани: дела и люди. – Казань: Матбугат йорты, 1998. – 167 с.
73. Симонова Е.В. Города Тульской губернии во второй половине XIX в.: население и экономика. – Тула: Изд-во ТГПУ, 2002. – 151 с.
74. Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX в. – Тула: Изд-во ТГПУ, 2005. – 237 с.
75. Соломатин Е.Н. Предпринимательство Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX веков (историко-правовой аспект). – Тула: Изд-во ТГУ, 2001. – 288 с.
76. Судовиков М.С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – 342 с.
77. Терентьев Л.П. Прохоровы: материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1899. – М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1915. – 474 с.
78. Тишин П.П. Белев. Очерк истории города и района. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1981. – 158 с.
79. Троицкий Н.И. Тульский Богородичный общежительный мужской монастырь, что в Щеглове // Н.И. Троицкий Тульские древности. – Тула: Приокское кн. изд-во, 2002. – С. 84–167.
80. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1997. – 735 с.
81. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 529 с.
82. Федоркова И. Психология российского купечества дореволюционного периода. – М.: Тип. МГУ, 2005. – 218 с.
83. Фролова Л.П. Тульское земство. 1864 – начало XX в. – Тула: ТГПУ, 2004. – 125 с.

84. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. – 376 с.
85. Чуднов Г.М. История тульского края. – Тула: Пересвет, 2000. – 319 с.
86. Чулков М.Д. История краткая российской торговли. – М.: В типографии Пономарева, 1788. – 314 с.
87. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики. – Л.: Наука, 1987. – 272 с.
88. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: проблемы торгово-промышленной политики. – Л.: Наука, 1981. – 276 с.
89. Яковецкий В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. – М.: АН СССР, 1953. – 203 с.
90. Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill (N.C.), 1982. P. 24.
91. Ruckman J.A. The Moscow business elite: A social and cultural portrait of two generations, 1840–1905. NorthIllinois, 1984. P. 275.

2.2. Авторефераты и диссертации

92. Адаменко С.В. Деятельность купечества Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. – 195 с.
93. Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX в.: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 2000. – 616 с.
94. Бурцева Е.Е. Всесословное и сословное самоуправление в городах Тульской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. Автореферат на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – М., 2015. – 29 с.
95. Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2008. – 236 с.
96. Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Ульяновск, 2005. – 415 с.

97. Жиров А.А. Провинциальное купечество Сибири: На материалах тарского купечества второй половины XVIII – начала XX веков: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2000. – 320 с.
98. Захаров В.В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX веков.: Дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 1996. – 300 с.
99. Зуева Е.А. Русская купеческая семьи в Сибири конца XVIII – первой половины XIX вв.: Автореферат кандидатской диссертации. – Новосибирск, 1992. – 20 с.
100. Колмаков Ю.П. Крупная торгово-промышленная буржуазия Восточной Сибири в период монополистического капитализма (1898 – март 1917). Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Иркутск, 1970. – 25 с.
101. Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 2003. – 212 с.
102. Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX – начале XX вв.: социально-демографическая характеристика.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2005. – 232 с.
103. Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии): Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2011. – 447 с.
104. Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Белгород, 2008. – 258 с.
105. Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е годы XIX – нач. XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2000. – 198 с.
106. Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ярославль, 2000. – 261 с.
107. Османов А.И. Социально-экономическое положение петербургского купечества в последней четверти XVIII – начале XX века: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2006. – 509 с.

108. Пашкова О.Н. Купечество Южного Урала во второй половине XIX века: по материалам Оренбургской губернии: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2002. – 215 с.
109. Рыкина Г.С. Московское купечество в конце XIX – начале XX вв.: Образ торговца-предпринимателя и его ментальные особенности.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1999. – 186 с.
110. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью (вторая половина XIX – начало XX века.): Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2006. – 538 с.
111. Судакова О.Н. Культура русского купечества (20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв.): Дис. ... канд. культур. наук: 24.00.02. – СПб., 1998. – 166 с.
112. Сухова О.А. Провинциальное предпринимательство: основные направления деятельности и культурная среда второй половины XIX – начала XX в. (По материалам Среднего Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пенза, 1998. – 263 с.
113. Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова конца XVIII – начала XX века.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Рязань, 1998. – 257 с.
114. Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2003. – 187 с.
115. Швец Е.Г. Забайкальское купечество во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2002. – 259 с.
116. Щукин И.А. История купечества Восточной Сибири в XIX веке: формирование и социальное положение: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2000. – 207 с.

2.3. Дипломные работы.

117. Парамонова И.Ю. История тульского купечества XVIII–XIX вв.: дипломная работа / ТГПУ имени Л.Н. Толстого. – Тула, 1994. – 94 с.

2.4. Статьи

118. Авдеев А., Троицкая И, Ульянова Г. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX веке: Москва и ее окрестности. // Демографическое обозрение. Т. 2. 2015. №2. – С. 74–91.
119. Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. – М.: Наука, 1988. – 67 с.
120. Андриас Басе. Хозяйственная этика русско-ортодоксального христианства // Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Т. 2. Торговля в Храме. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. – С. 159–160.
121. Архипова Е.А. Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I // Журнал Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 25. – С. 41–49.
122. Берлин П.А. Купец-публицист тридцатых годов (Николай Полевой) // Наша заря. – СПб., 1910. № 1. – С. 20–30.
123. Берлин П.А. Русское купечество и война 1812 года // Отечественная война и русское общество. Т. V. – М.: И.Д. Сытин, 1912. – С. 114–120.
124. Бодянский П. К портрету А.А. Оводова. // Журнал Шашки. 1899. № 19. – С. 396–399.
125. Бойко В.П. Социально-психологические особенности сибирской буржуазии второй половины XIX века / по мемуарным источникам // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск, 1983. – С. 99–106.
126. Боханов А.Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1985. № 4. – С. 106–118.
127. Бритенкова Л. Тульские Маликовы: оружейники и купцы / Л. Бритенкова // Тульский краеведческий альманах. 2011. № 8. – С. 43–56.
128. Бритенкова Л. Тульские самоварные фабриканты – продолжатели дела суксунского завода Демидовых/ Л. Бритенкова // Тульский краеведческий альманах. 2012. №. 9 – С. 45–51.

129. Бритенкова Л.В. Расцвет и закат одной фамилии // Тульский краеведческий альманах. 2015. № 12. – С. 156–170.
130. Бритенкова Л.В. Баташев – «главный» (Н.И. Баташев) // Тени старинного кладбища. Всехсвятский некрополь в Туле. – Тула: ООО «Борус-Принт», 2011. – С. 216–222.
131. Брянцев М.В. Старообрядчество и "дух капитализма" // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII в.). Тезисы международной конференции 2–3 октября 1998 г. – М., 1998. – С. 20–23.
132. Бурцева Е.Е. Из истории благотворительности в Туле / Екатерина Бурцева // Тульский краеведческий альманах. 2008. № 6. – С. 46–49.
133. Васильков В.Ю. Купцы Васильковы // Тени старинного кладбища. Тульские некрополи. – Тула: ООО «Борус-Принт», 2015. – С. 86–94.
134. Гавлин М.Л. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период // Исторические записки. Т. 92. 1973. – С. 336–355.
135. Гавлин М.Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. Ч. I. М., 1973. – С. 73–92.
136. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. – С. 42–46.
137. Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII века // История СССР. 1971. № 2–3. – С. 58–72.
138. Дзиговская Л. Духовное наследие Д.Я. Ванькина / Л. Дзиговская // Тульский краеведческий альманах. 2013. № 10. – С. 129–133.
139. Дмитренко Н.М., Зиновьев В.П. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начала XX вв.). – Барнаул, 1994. – С. 191–203.
140. Епишин К.В., Зернюков Д.В., Комаров И.М. История прогностики в контексте теоретических и методологических проблем // Инноватика и экспертиза. 2015. № 1 (14). – С. 208.

141. Ерманский О.А. Крупная буржуазия до 1905 г. // Общественное движение в России в начале XX в. – СПб., 1909. Т. I. – С. 30–100.
142. Ильясова А.В. «История повседневности» в современной российской историографии / А. В. Ильясова // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г./ отв. ред. А.П. Логунов [и др.]. – М.: РГГУ, 2011. – С. 159–169.
143. К истории предпринимательства в Сибири (материалы всероссийской науч. конф. Новосибирск, 1995). – Новосибирск: Изд-во Ин-та истории СО РАН, 1996. – 111 с.
144. Касаткин А. Добрынины во 2-й половине XVII – 1-й половине XVIII вв. Предыстория династии / А. Касаткин // Тульский краеведческий альманах. 2012. № 9. – С. 142–159.
145. Кафенгауз Б.Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. – М., 1928. – С. 105–107.
146. Кашеева Е.В. Купеческое застолье как форма сословного общения и проведения досуга // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Традиционные формы досуга: История и современность.– М., 1998. № 8. – С. 198–209.
147. Керов В.В. Морозовы: старообрядческое предпринимательство и русская национальная идея // Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции "Купцы Морозовы - российские предприниматели и меценаты" (юбилейные морозовские чтения 20–22 февраля 1997 года). – Орехово-Зуево, 1997. – С. 43–49.
148. Кириленко Н. Из жизни Владимира Семеновича Теплова / Н. Кириленко // Тульский краеведческий альманах. 2012. № 9. – С. 160–166.
149. Козлова Н.В. "На чьей опеке должны быть воспитаны..." Опека и попечительство в среде московских купцов в XVIII в. // От древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию А.Л. Хорошкевич. М.: Наука, 2003. – С. 341–358.

150. Колесник Л.С. Пряничное дело в Туле до 1917 г. / Людмила Колесник // Тульский краеведческий альманах. 2005. № 3. – С. 27–34.
151. Колмаков Ю.П. К проблеме формирования торгово-промышленной буржуазии Восточной Сибири в период империализма // Очерки истории Сибири.– Иркутск, 1971. № 2. – С. 58–72.
152. Корш Е.А. Быт купечества и мещанства // Гос. ист. музей: выставка «Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв.»: статьи и путеводитель по выставке. М., 1926. – С. 3–5.
153. Кусакин С.В. Купцы Расторгуевы и Куликово поле. Историко-генеалогические исследования епифанского купеческого рода// Провинция в контексте истории и литературы. Материалы III Крапивенской краеведческой конференции. – Тула, 2007. – С. 5–22.
154. Кусакин С.В. Купцы Ововы в истории уездного города Епифань // Провинция в контексте истории и литературы. Материалы VI Крапивенской краеведческой конференции. – Тула, 2012. – С. 138–163.
155. Кусова И.Г. Семья А.С. Баташева старшего: некоторые уточнения в биографии // Тульский металл: четыре столетия истории. – М., Тула, 1995. – С. 45–47.
156. Левшин А.Н. Белевский уезд // Тульские губернские ведомости. 1859. № 46, 48.
157. Майоров М.В. Последние кондитеры: Иван Скворцов и Петр Козлов // Тени старинного кладбища – Тульские некрополи. – Тула: ООО «Борус-Принт», 2015. – С. 137.
158. Макитрин К.М. Купеческая семья города Самары в конце XIX – начале XX в. (демографический аспект) // Известия Самарской научного центра Российской академии наук. Отечественная история. – Самара, 2013. № 1. – С. 49–52.
159. Материалы IV Международных Стахеевских чтений, 1–2 октября 2009 г. Материалы научной конференции. – Елабуга: Изд-во Елабужского гос. пед. ун-та, 2009. – 292 с.
160. Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сб. ст. М.: ИРИ, 1996. – 215 с.

161. Миненко Н.А. Городская семья в Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 1977. – С. 175–195.
162. Мосина И.Г. Состав и численность буржуазии Сибири в период империализма // Ученые записки Томского пед. инст. – Томск, 1969. – С. 83–101.
163. Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т. 54. – М., 1955. – С. 239–250.
164. Пажитнов К.А. Очерк развития буржуазии в России // Образование. Журнал литературный и общественный. – СПб., 1907. № 2. – С. 3–17.
165. Парамонова И.Ю. Ванькинская больница: Неизвестные моменты истории / Ирина Парамонова // Тульский краеведческий альманах. – 2008. № 6. – С. 62–70.
166. Петухов А.А. Тульские изделия на международных и российских выставках (2-я половина XIX века) / Аркадий Петухов // Тульский краеведческий альманах. – 2006. № 4. – С. 45–48.
167. Петухов А.А. Изменение численности и социального состава населения Тулы (60-е гг. XVIII–60-е гг. XIX в.). // Из истории Тульского края. – Тула. 1972. – С. 219–236.
168. Петухов А.А. К характеристике промышленного переворота в России (по материалам Тулы второй половины XIX в.) // Вопросы экономической и социальной истории России XVIII–XIX вв. – С. 6–19.
169. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье (X – начало XX в.) // Власова И.В. (отв. Ред.) Русские: народная культура (история и современность). М., 2000. – С. 41–54.
170. Пушкарёва Н.Л. Предмет и метод изучения истории повседневности. // Этнографическое обозрение. 2004. №5. – С. 3–19.
171. Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Вып. 1 . Т. 4. – С. 7–21.

172. Российское купечество от средних веков к новому времени. Науч. конф. Москва, 2–4 ноября 1993 г. Тезисы докладов. – М.: ИРИ, 1993. – 150 с.
173. Руан К. От кафтана к деловому костюму: Семиотика купеческой одежды // Купеческая Москва: Образы ушедшей российской буржуазии. – С. 96–106.
174. Сахаров И.П. Достопримечательности города Тулы и его губернии // Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Тула: Приокское кн. изд-во, 2000. С. 393–456.
175. Сенина Н.В. Дмитрий Яковлевич Ванькин / Наталия Сенина // Тульский краеведческий альманах – 2005. № 3. – С. 103–106.
176. Сергеева А. Из истории Николаевского детского приюта / Анна Сергеева // Тульский краеведческий альманах. 2004. – С. 156–160.
177. Скубневский В.А. Барнаул купеческий // Алтай. 1994. № 4. – С. 141–148.
178. Скубневский В.А. Купеческая семья начала XX в. (по материалам г. Барнаула). // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 187–190.
179. Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Торговля в Храме. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. – С. 159–160.
180. Солнцева Г.А. Д.Г. Бурылин: предприниматель, меценат, коллекционер // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века. Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района. Иваново, 8–10 июня 1993 года. – Иваново, 1994. – С. 35–39.
181. Судакова О.Н. Сибирский портрет как художественный текст культуры повседневности купечества // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013 / 3 (35). – С. 85–90.
182. Тазьмин Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России: к вопросу о мотивации // Социологические исследования. 2002. № 2. – С. 32–96.
183. Тареева М. След жизни купца Платонова // Молодой коммунар. – Тула, 2001. 8 февраля.

184. Тихонова А.С. Баташевы: благотворители, купцы, фабриканты-самоварщики / А.С. Тихонова // Тульский краеведческий альманах. 2004. № 2. – С. 69–73.
185. Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2014-2015. М.: РОССПЭН, 2016. – С. 54–82.
186. Ульянова Г.Н. Предприниматель: тип личности, духовный облик, образ жизни // История предпринимательства в России. Кн.2. Вторая половина XIX – начало XX в. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 441–466.
187. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе. // Брачность, рождаемость, семья за три века. – М.: Статистика, 1979. – С. 14–70.
188. Чулков Н.П. Московское купечество XVIII – XIX веков // Русский архив, 1907. № 12. – С. 553–567.
189. Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: Национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX в. Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 84–88.

2.5. Электронные ресурсы

190. Веневский уезд. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.veneva.ru/lib/short-history.html> (дата обращения: 19.08.2016).
191. Зайцева Н.Е. Купеческое сословие в Чернском уезде [Электронный ресурс] // Заря-Чернь. РФ. URL: <http://zarya-chern.ru/history/czerny/10584-kupecheskoe-soslovie-v-chernskom-uezde.html> (дата обращения: 25.08.2016).
192. Майорова Т.В. Тульские предприниматели в названиях городских объектов. [Электронный ресурс] // Тула ушедшего века URL: <http://www.tulainpast.ru/news/row1944/> (дата обращения: 25.08.2016).
193. Мингалев В. Краткая история пермской старообрядческой общины [Электронный ресурс] // Остров веры. 2004. № 2–3. URL: http://www.miass.ru/news/ostrov_very/index.php?id=14&text=181 (дата обращения: 30.07.2015)

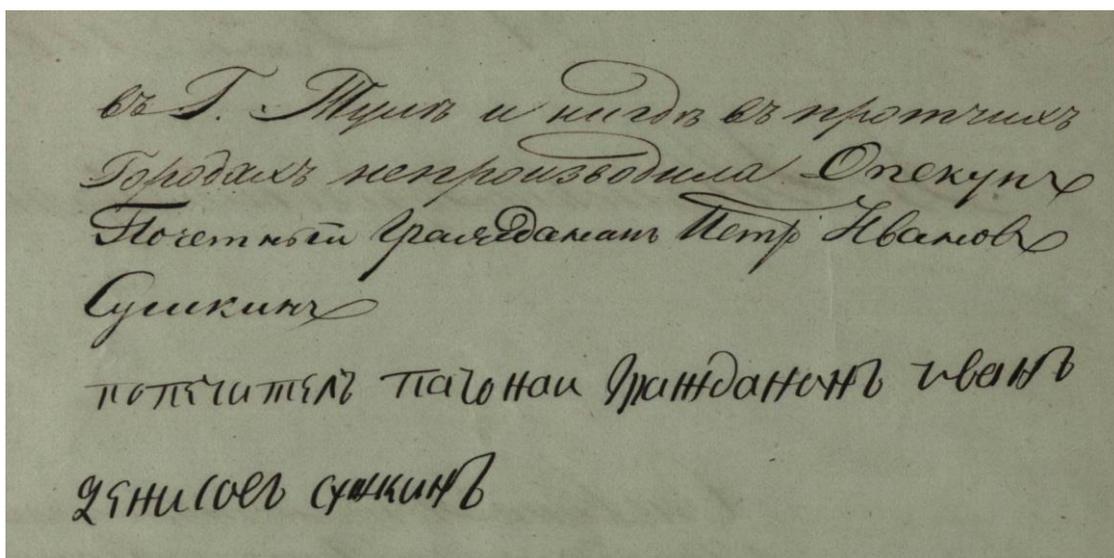
Приложения

Приложение 1

(Справочное)

Подписи тульского купца И.Д. Сушкина и его сына П.И. Сушкина под описью имущества умершей К.А. Сушкиной (1860 г.)

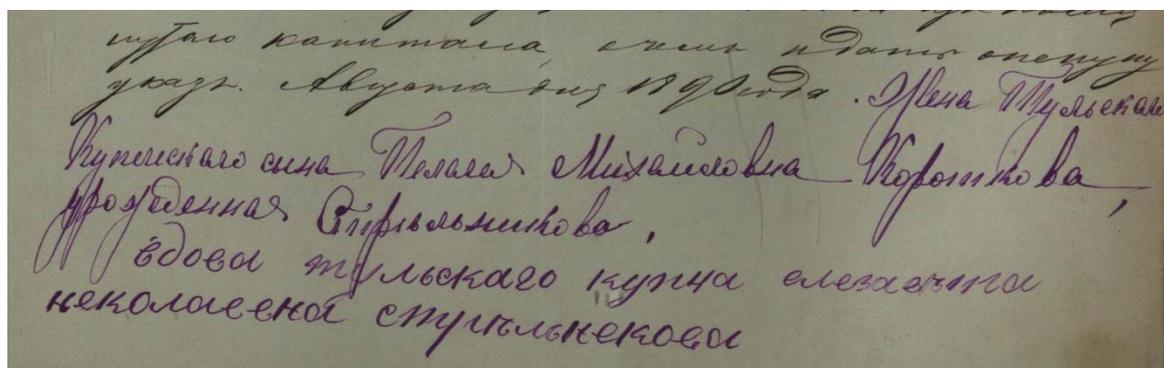
(фотокопия документа ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2385. Л. 4.)

въ Т. Мушъ и нигдъ въ прочиы
 городехъ непроизводима Опеку
 Посетный Гражданскъ Петръ Нваловъ
 Сушкинъ
 почтительный поклонъ Гражданскъ Иванъ
 Сушкинъ

Подписи тульской купеческой вдовы Е.Н. Стрельниковой и ее дочери купеческой жены П.М. Хорошковой под заявлением в Сиротский Суд

(фотокопия документа ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 3. Д. 5561. Л. 62.)

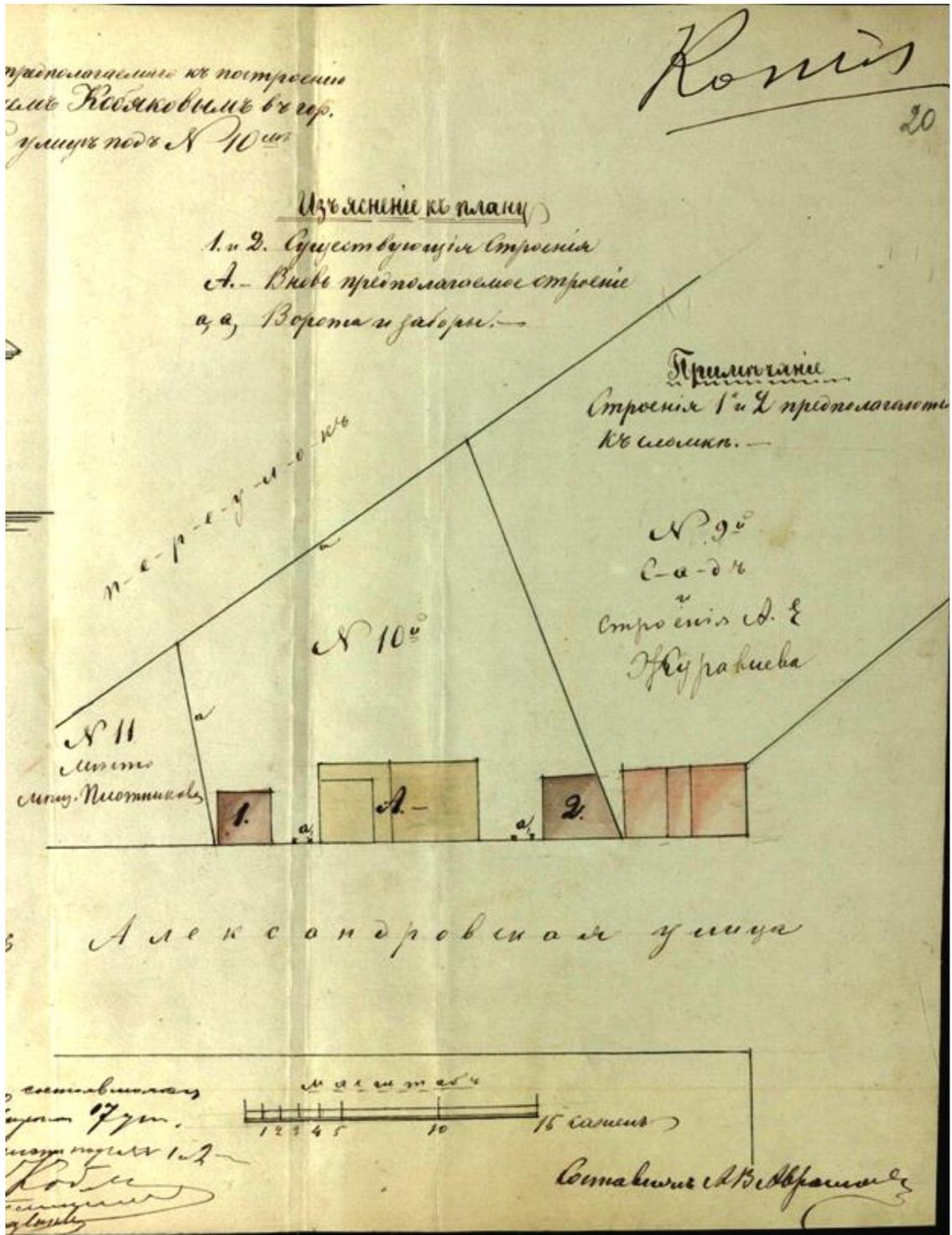
иже капиталъ, елихъ и даю онему
 уезд. Свудомъ изъ 1890 года. Елена Тульская
 Купеческая жена Пелагея Михайловна Хорошкова,
 рожденная Стрельниковая,
 вдова тульского купца елизаветы
 неколайевои стрельниковой

Приложение 2

(Справочное)

План застройки усадьбы богородицкого купца П.П. Кобякова (1893 г.)

(фотокопия документа ГАТО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1576. Л. 20.)

Приложение 4

(Справочное)

Особняк тульского купца Н.Н. Добрынина Начало XIX в., перестроено в начале XX в.

(фотография 1900 г., взята с сайта «Тула ушедшего века» [Электронный ресурс])

URL: http://http://www.tulainpast.ru/zdaniya_/row1957/ (дата обращения: 25.08.2016))

Особняк тульского купца М.Г. Белолипецкого,

(фотография взята с сайта «MYSLO Тула» [Электронный ресурс])

URL: <https://myslo.ru/city/tula/places2/dom-i-fabrika-belolipetskih> (дата обращения: 25.08.2016))

Приложение 5

(Справочное)

**Особняк тульского купца К.К. Макеева,
по адресу г. Тула, ул. Металлистов, 8.**

(современная фотография здания после реконструкции
взята с сайта «Домофото»[Электронный ресурс]

URL: [http:// domofoto.ru/photo/00/07/19/7190.jpg](http://domofoto.ru/photo/00/07/19/7190.jpg) (дата обращения: 25.08.2016))

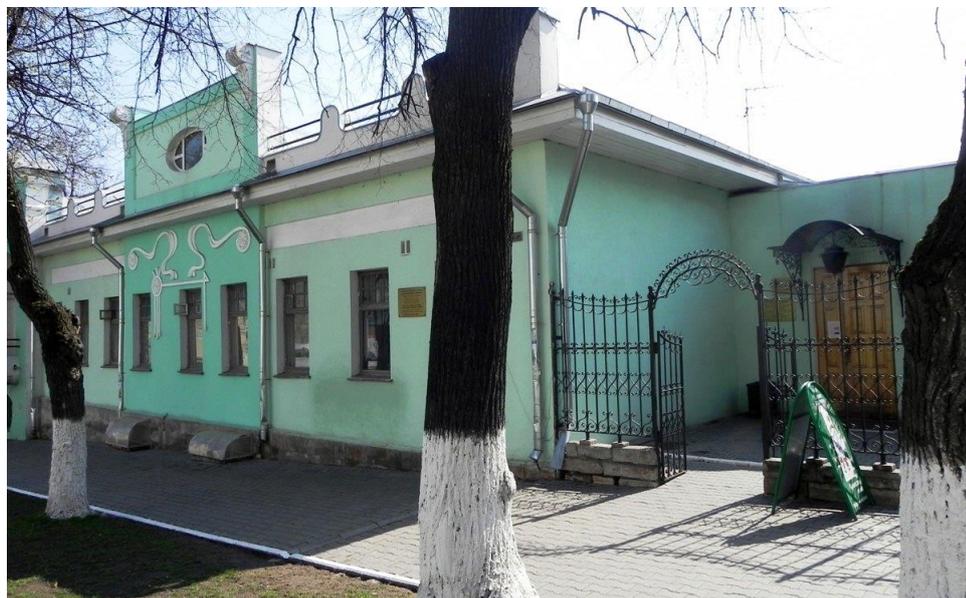

Особняк тульского купца С.А. Ермолаева-Зверева,

по адресу г. Тула, проспект Ленина, 47.

(фотография взята с сайта «Тула клуб»[Электронный ресурс]

URL: <http://f.otzyv.ru/f/11/10/89913/3381/0801121152103.jpg> (дата обращения: 25.08.2016))

Приложение 6

(Справочное)

Особняк тульского купца В.А. Никонова, по адресу г. Тула, ул. Советская, 27.

(фотография конца 1970-х гг. взята с сайта «Тула ушедшего века» [Электронный ресурс])

URL: <http://www.tulainpast.ru/zdaniya /page2/>(дата обращения: 25.08.2016))

Приложение 7

(Справочное)

Фото 1

Особняк крапивенского купца К.Н. Прянчикова.

(фотография начала XX века взята с сайта «Культурный навигатор. Культурно-туристический портал Тульской области» [Электронный ресурс]

URL: <http://www.tulagid71.ru/places/312/dom-kuptsa-pryanichnikova-s-krapivna/>

(дата обращения: 25.08.2016))

Фото 2

Особняк крапивенского купца А.С. Синявина

(фотография середины XX в. из фондов ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна»)

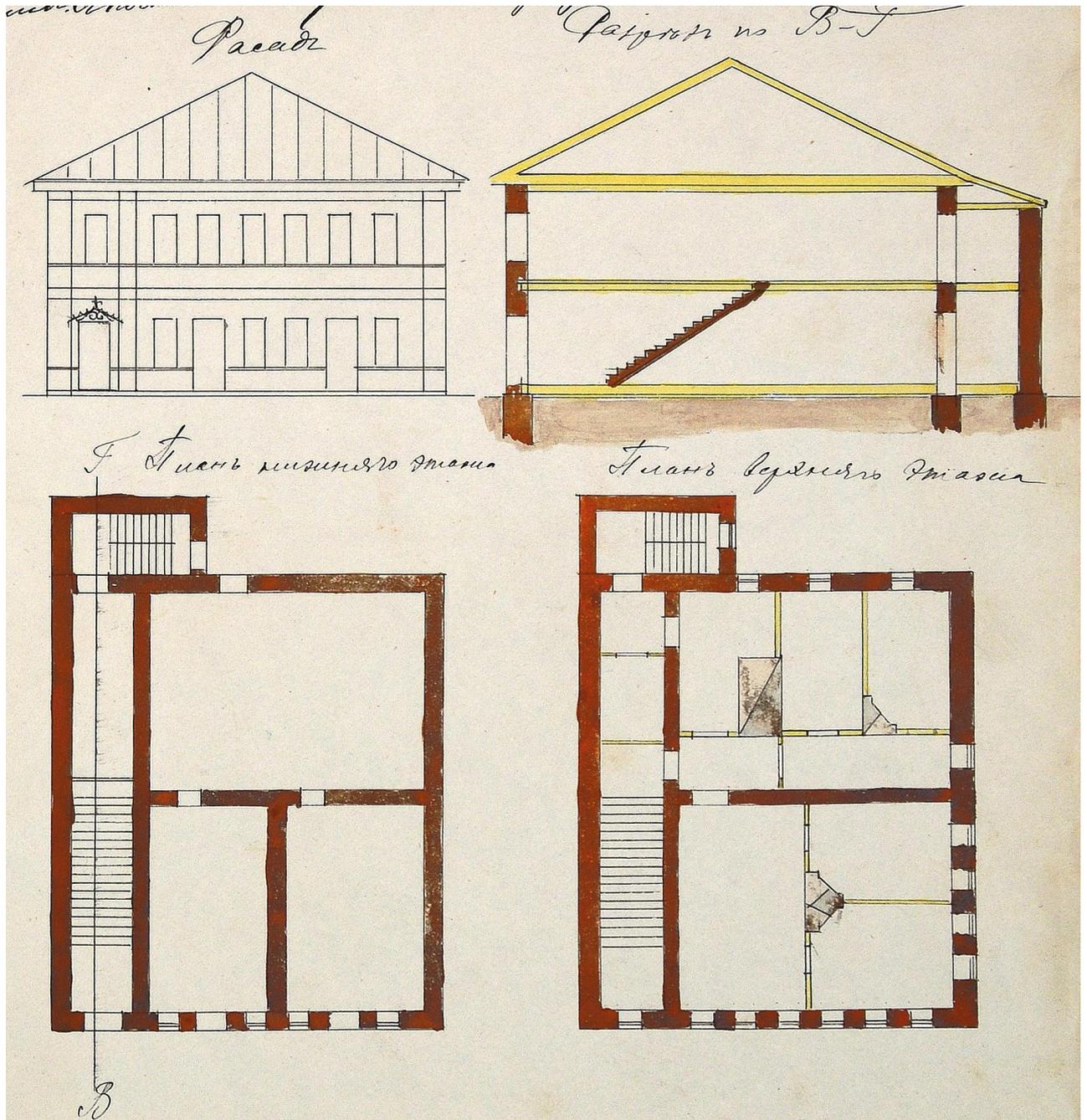

Приложение 8

(Справочное)

Дом тульского купца Н.А. Воронцова

(фотокопия документа ГАТО. Ф.174. Оп. 1. Т.7. Д. 17290. Л. 4)

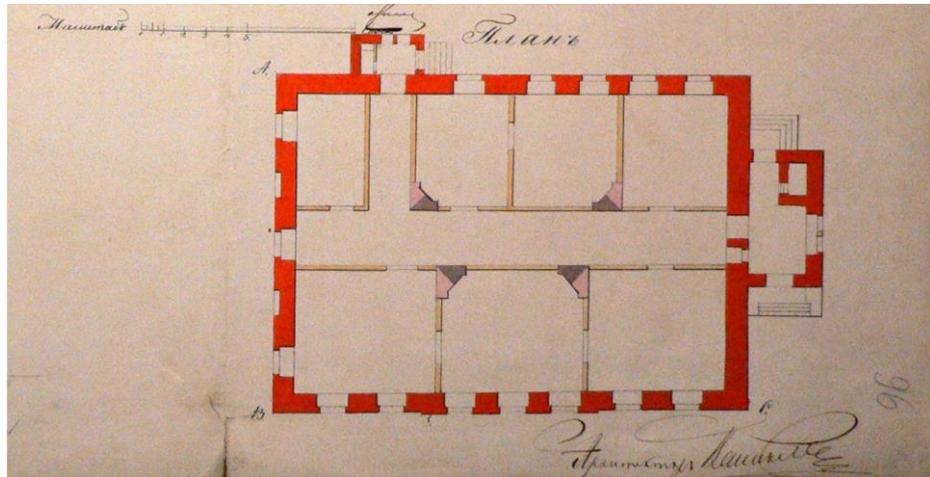

Приложение 9

(Справочное)

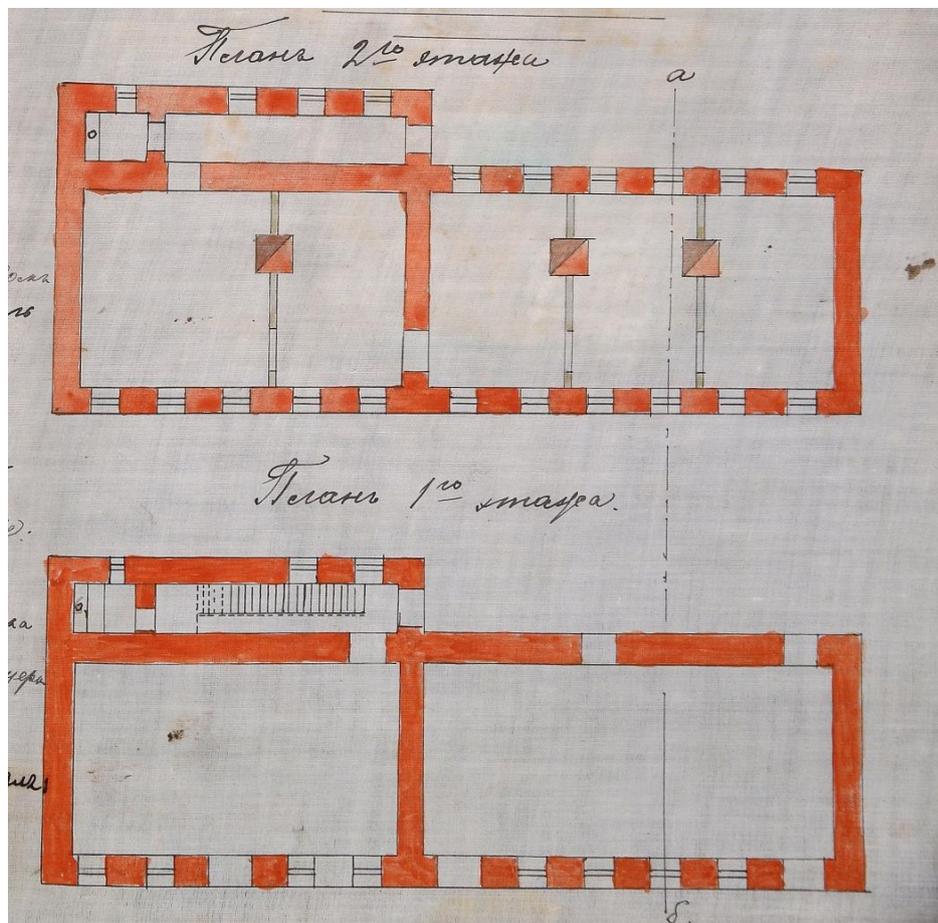
План одноэтажного дома епифанского купца К.В. Оводова (1865 г.)

(фотокопия документа ГАТО. Ф. 84. Оп. 4. Д. 321. Л. 96.)

План дома тульского купца М.С. Абакумова (1877 г.)

(фотокопия документа ГАТО. Ф.174. Оп. 3. Д. 75. Л. 7)

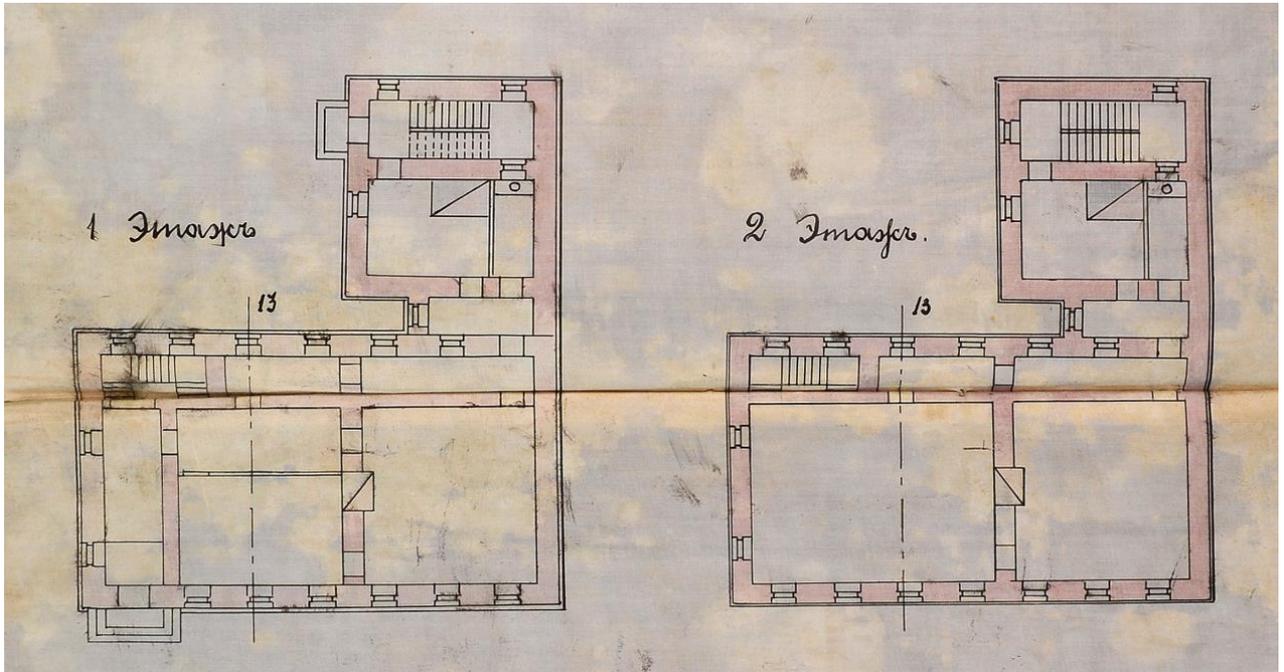

Приложение 10

(Справочное)

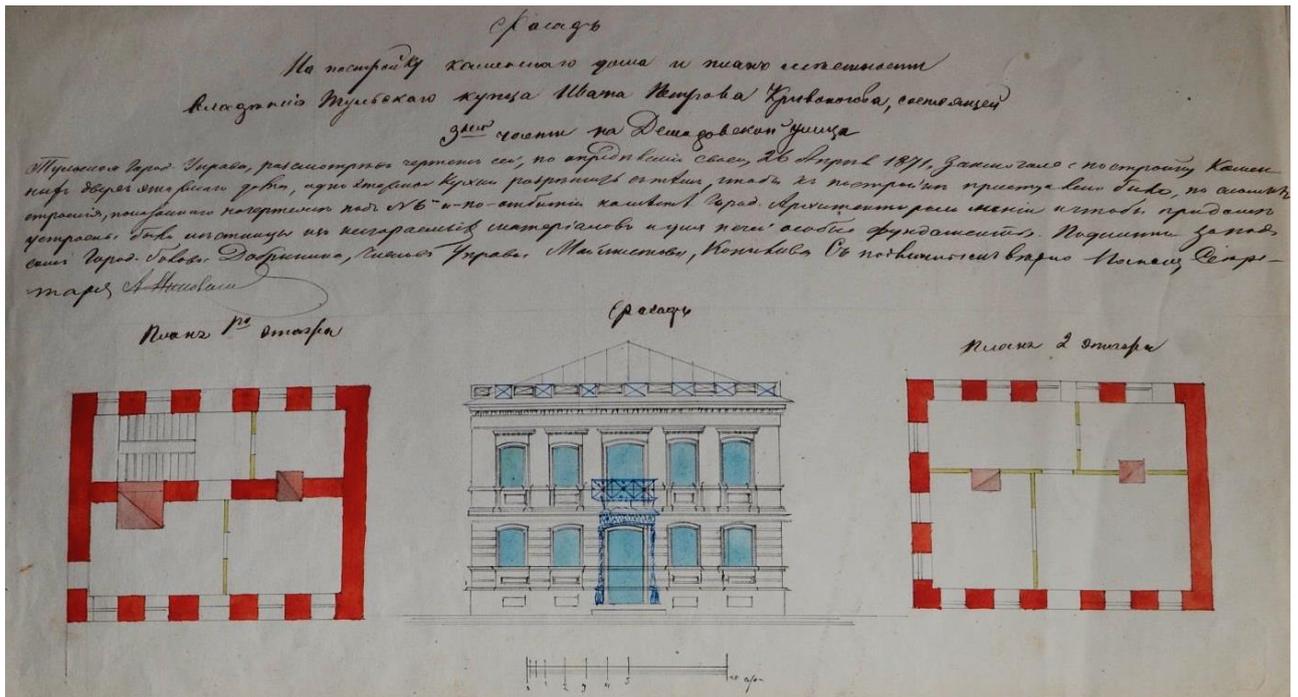
План застройки усадьбы тульского купца М.Г. Белолипецкого (1896 г.)

(фотокопия документа ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 17079. Л. 3.)

План дома тульского купца И.П. Криваногова (1871 г.)

(фотокопия документа ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 1. Д. 18. Л. 2А.)

Приложение 11

(Справочное)

Фото 1

Семья епифанского купца И.К. Расторгуева
(фотография начала XX в. из фондов ГВИПМЗ КП)

Фото 2

Интерьер комнаты в доме епифанского купца Н.И. Расторгуева
(фотография из фондов ГВИПМЗ КП)

Приложение 12

(Справочное)

Крапивенский купец А.Н. Пучков с сыном А.А. Пучковым и знакомым⁵³⁴.
(фотография из фондов ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна»)

---

⁵³⁴ Купец и его сын одеты в поддевки, на голове – фуражки.

Приложение 13

(Справочное)

Представители купечества Тульской губернии в зимней одежде

(фотографии, соответственно, из фондов ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна» и ГВИПМЗ КП)

<p>Фото 1 Семья крапивенского купца Сабурова на зимней прогулке⁵³⁵</p>	<p>Фото 2 Семья епифанской купеческой дочери А.И. Ростовцевой с мужем – елецким купцом М.И. Ростовцевым и детьми⁵³⁶</p>
	

⁵³⁵ Мужчина слева одет в зимнее пальто, справа – в форменную шинель. На одной из женщин шуба, на остальных пальто на меху.

⁵³⁶ Мужчина одет в зимнее пальто, на детях поддевки. На купце и его детях каракулевые шляпы «гоголь». Женщина одета в меховую ротонду.

Приложение 14

(Справочное)

Представители купечества Тульской губернии, одетые в «сибирки»

(фотографии из фондов, соответственно,

Личного архива В.Л. Розанцевой и ГВИПМЗ КП)

Приложение 15

(Справочное)

Представители купечества Тульской губернии, одетые в пиджаки

(фотографии из фондов, соответственно,

ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна» и ГВИПМЗ КП)

<p>Фото 1 Представители крапивенского купечества начала XX в.</p>	<p>Фото 2 Епифанский купец К.И. Расторгуев</p>
	

Приложение 16

(Справочное)

(фотографии из фондов, соответственно, ГВИПМЗ КП
и ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна»)

Фото 1

Епифанский купец А.Е. Байбаков

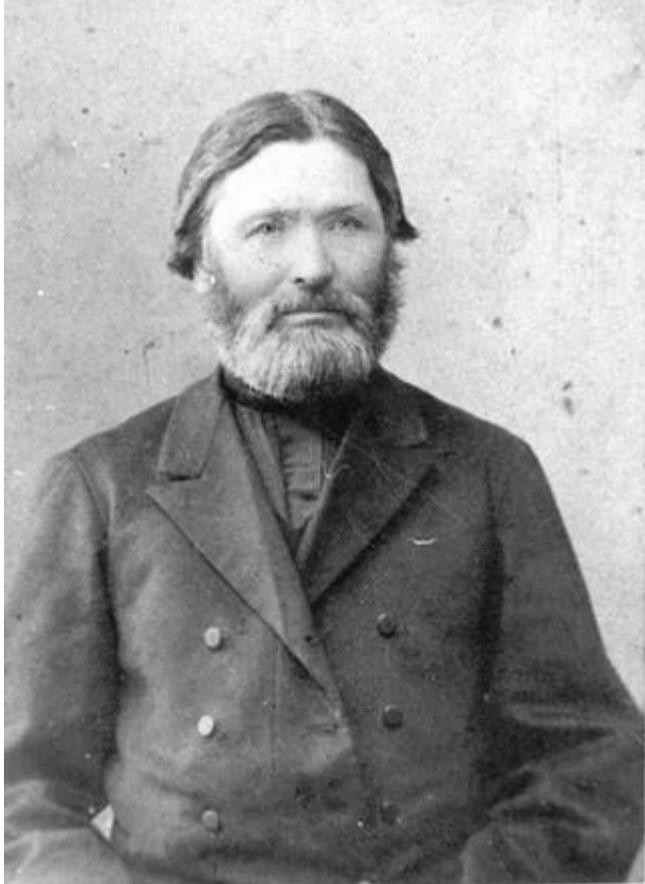

Фото 2

Крапивенский купец А.Р. Прянчиков

Приложение 17

(Справочное)

Фото 1

Крапивенский купец Д.Т. Белобородов

(фотография из фондов ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна»)

Крапивенский купец Д.Т. Белобородов в кругу семьи

(фотография из личного архива В. Пряхина)

Фото 2

Приложение 18

(Справочное)

(фотографии из фондов ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна»)

Фото 1

**Крапивенский купец
П.А. Прянчиков с женой**

Фото 2

**Крапивенский купец П.А. Прянчиков
с женой и дочерьми**

Приложение 19

(Справочное)

**Крапивенская купеческая жена О.Ф. Сабурова со знакомыми
(О.Ф. Сабурова сидит слева, в центре стоит крапивенская купеческая жена
Прянчикова О.В.)**

(фотография из фондов ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна»)

Приложение 20

(Справочное)

(фотографии из фондов, соответственно, ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна» и ГВИПМЗ КП)

<p>Фото 1 Крапивенский купец Н.А. Сахаров с женой</p>	<p>Фото 2 Елифанский купец Е.В. Мазурин с женой и ребенком</p>
	

Приложение 21

(Справочное)

Елифанский купец Н.Н. Расторгуев с невесткой, сыном и дочерью

(начало XX в.)

(фотография из фондов ГВИПМЗ КП)

Приложение 22

(Справочное)

(фотографии из фондов, соответственно, ФГБУК «МИПЗ Музей-усадьба «Ясная Поляна» и ГВИПМЗ КП)

<p>Фото 1 Крапивенский купец Н.Н. Пряничков с женой</p>	<p>Фото 2 Епифанская купеческая жена А.И. Байбакова</p>
 <p>Вакуленко Тула и Пенза</p>	